А. В. Майоров

Великая Хорватия:

этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона

А. В. Майоров

Великая Хорватия:

этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

ББК 63.3(2)41
М14

Ответственный редактор д-р ист. наук проф. *А. Ю. Дворниченко*

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. *М. А. Морозов* (С.-Петерб. гос. ун-т);
канд. ист. наук *Д. Е. Алимов* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета исторического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Майоров А. В.

М14 Великая Хорватия: Этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 209 с.

ISBN 5-288-03948-8

В монографии проводится комплексный анализ известий византийского императора Константина VII Багрянородного и других письменных источников о происхождении и расселении хорватских племен, этнической истории славянского населения Прикарпатского региона. С учетом новейших археологических и лингвистических данных решаются вопросы происхождения этнонима «хорваты», исторических условий славянизации его первоначальных носителей, хорватской прародины. Устанавливается географическое положение Великой Хорватии, территориальная локализация белых хорватов, пути хорватской миграции в раннем средневековье.

Рассчитана на специалистов-историков, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующихся ранней историей славянства.

ББК 63.3(2)41

Работа выполнена при поддержке
гранта Президента Российской Федерации,
проект МД-1665.2006.6

На авантитуле:
Римский золотой медальон, найденный на Волыни у м. Борочицы
(Археологический музей в Варшаве)

© А. В. Майоров, 2006
© Исторический факультет С.-Петербургского государственного университета, 2006
© Издательство С.-Петербургского университета, 2006

ISBN 5-288-03948-8

Оглавление

Введение 5

Часть первая. **«ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ БЕЛОЙ…»: К изучению древнейших письменных известий о хорватах** 10

Глава 1. **Константин Багрянородный о Великой Хорватии и белых хорватах** 11

Известия Константина Багрянородного в оценке исследователей (с. 11). — О смысловых взаимосвязях предикатов *великий* и *белый* этнических и географических названий (с. 14). — Βελοχρωβάτοι и Velochrobati: особенности передачи иноязычных названий в греческом написании (с. 19).

Глава 2. **Историческое значение хорватских этнополитических названий** 24

Белые хорваты и хорутане Повести временных лет (с. 24). — Традиция о Белой и Червонной Хорватиях в Далмации (с. 28). — Проблема аутентичности цветовых предикатов славянских этнических названий (с. 31). — Достоверность хоронима «Великая Хорватия» Константина Багрянородного (с. 36). — Историческое содержание этногеографических названий с предикатом *великий* (*-ая*) (с. 38).

Глава 3. **Прародина и расселение хорватов в Центральной Европе и на Балканах** 43

Структура и источники известий о Великой Хорватии и белых хорватах (с. 43). — Территориальная локализация Белой Хорватии и белохорватов (с. 45). — Дискуссия о местонахождении хорватской прародины (с. 49). — Письменная традиция, данные археологии и лингвистики о расселении хорватов (с. 54).

Глава 4. **Географическое положение Великой Хорватии** 62

Соседи Великой Хорватии в X в. по византийским и древнерусским известиям (с. 64). — Связь Великой Хорватии с Карпатами (с. 67). — О венгерско-хорватской границе и хорватских землях в Закарпатье (с. 71). — «Черное» море и путь к нему из Хорватии (с. 76).

Часть вторая. **ГЕНЕЗИС ХОРВАТОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ** 80

Глава 5. **Генезис хорватов: археологический и этнолингвистический аспекты** 81

Археологическая атрибуция хорватов в эпоху славянского расселения (с. 81). — Данные танаисских надписей II–III вв. и проблема этимологии этнонима *хорваты* (с. 85). — Исторические и лингвистические данные об иранском происхождении имени хорватов (с. 90). — Иранский компонент материальной и духовной культуры хорватов (с. 94). — Некоторые спорные вопросы этногенеза хорватов в современной историографии (с. 97).

Глава 6. **Славяне и сарматы в первые века нашей эры** 102

Славяно-иранские контакты на юге Восточной Европы (с. 102). — О хронологии и территории славяно-иранского этнического синтеза (с. 104). — Гипотеза о славянском происхождении этнонима *сарматы* (с. 107). — Роль сарматов в этногенезе славян Поднестровья (с. 109). — Славяне между Германией и Сарматией (венеды, певкины и сарматы) (с. 113).

Глава 7. **«Венеды-сарматы»: античная традиция в свете данных современной археологии и этнографии** 118

Venadisarmatae Певтингеровой карты: проблемы локализации (с. 118). — Венеды в низовьях Днестра и Дуная по данным письменных и археологических источников (с. 120). — Миграции сарматов и этническое взаимодействие со славянами (о некоторых противоречиях римских источников) (с. 124). — Пастушество прикарпатских славян и данные этимологии имени хорватов (с. 127).

Глава 8. **Гуннское нашествие и славяно-германские отношения** 133

О возможных путях славянизации хорватов: дискуссионность вопроса (с. 133). — Аланы и славяне Юго-Восточной Европы в период гуннского завоевания (с. 137). — Верхнеднестровский регион в истории отношений славян с гуннами и готами (с. 142). — Характер взаимоотношений готов с венедами и антами (с. 147). — Антская группировка IV в. в контексте славяно-аланских этнополитических связей и противоборства гуннов с готами (с. 150).

Глава 9. **Рождение хорватского этнополитического образования в Восточном Прикарпатье** 155

Взаимодействие гуннов, алан и предков восточных славян в период войн с готами (с. 155). — Роль славян Среднего и Верхнего Поднестровья в свержении власти готов в Восточной Европе (с. 158). — Славянизация Прикарпатья и возникновение племенного объединения хорватов (с. 161). — К вопросу территориальной локализации восточнославянских хорватов (с. 166). — Еще раз о соотношении понятий *великая* и *белая* и формуле Константина Багрянородного «Великая Хорватия, называемая Белой» (с. 169).

Заключение 174

Сокращения 181

Summary 185

Zusammenfassung 188

Указатель имен 191

Указатель географических и этнических названий 200

Введение

Важнейшую роль в этногенезе многих современных славянских народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы играл район Карпат и связанные с ним территории Подунавья, бывшие в древности зоной постоянных межэтнических контактов и развивавшихся на их основе активных этногенетических процессов. Неслучайно Карпато-Дунайский регион одним из первых привлек внимание исследователей при разработке проблемы славянской прародины[1]. Многие современные слависты, опирающиеся на данные археологии и лингвистики, именно с этим районом связывают основные поиски прародины славян[2].

Прикарпатскому региону отводится ключевая роль в большинстве новейших концепций славянского этногенеза, располагающих область прародины славян к северу (в Висло-Одерском междуречье) или к востоку (в бассейне Припяти и Среднего Днепра) от Карпат. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что районы Северного и Северо-Восточного Прикарпатья принадлежат к тем территориям, где издревле проживали предки славян и происходили наиболее активные этногенетические процессы, непосредственно влиявшие на становление современных славянских этносов[3].

О существовании в древности крупного этнического массива прикарпатских

---

[1] См.: Šafařik P. J. Slovanské starožitnosti. T. I. Praha, 1837.

[2] Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4; Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 5–22; Півторак Г. П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови. Київ, 1988. С. 29–34.

[3] Рыбаков Б. А. 1) Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. М., 1978; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 12–46; Петров В. П. Етногенез слов'ян: Джерела, етапи розвитку і проблематика. Київ, 1972. С. 202–215; Hensel W. 1) From Studies of the Ethnogenesis of Slavs // ES. 1975. T. 7; 2) Skąd przyszli Słowianie. Wrocław, 1984; Udolph J. Studien zu den slawischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slawen. Heidelberg, 1979; Седов В. В. 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; 2) Славяне в древности. М., 1994. С. 136–221; 3) Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 69–141; Баран В. Д. 1) Славяне в середине I тыс. н. э. // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978; 2) Давні слов'яни. Київ, 1998; Mańczak W. Praojczyzna Słowian. Wrocław, 1981; Váňa Z. Svet davnych Slovianú. Praha, 1983; Struve K.-W. 1) Die Ethnogenese der Slaven aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Stuttgart; New York, 1986; 2) Zur Ethnogenese der Slaven // Starigard — Oldenburg. Neumünster, 1991; Lemprecht A. Praslovanština. Brno, 1987; Pleterski A. Etnogenesa Slovanov. Obris trenutnega stanja arheoloških raziskov. Ljubljana, 1990; Goehrke C. Frühzeit des Ostslaventums. Darmstadt, 1992. S. 48–102.

хорватов известно по нескольким сообщениям письменных источников, в основном содержащим лишь отдельные упоминания этого этнонима или близких к нему названий. Такие данные не только с трудом поддаются географической локализации, но и в ряде случаев требуют специального филологического анализа. Трижды о хорватах сообщается в Повести временных лет, в известиях за X в. Упоминания о них есть также в Орозии англосаксонского короля Альфреда Великого, Пражском Привилегии 1086 г., труде польского хрониста Винцентия Кадлубка и некоторых других средневековых памятниках, в сочинениях еврейских, арабских и персидских писателей[4].

Особое место в этом ряду занимают известия византийского императора Константина VII Багрянородного, царствовавшего в середине X в. и пользовавшегося всеми доступными правителю могущественнейшей державы мира источниками информации для составления своеобразного политического руководства, трактующего в том числе вопросы внешней политики и дипломатии, предназначенного его собственному наследнику[5].

Речь идет о главном произведении царственного писателя — энциклопедическом по своему характеру трактате «Об управлении империей», несколько разделов которого посвящены выяснению актуальных для византийской политики вопросов происхождения и расселения балканских славян и в том числе прародины далматинских хорватов — *Великой* или *Белой Хорватии*. Об этой стране и живших там *белых хорватах* или *белохорватах* византийский император говорит неоднократно, однако сообщаемые им сведения не отличаются строгой последовательностью и в ряде случаев даже противоречат друг другу, будучи заимствованы из разных источников, отражающих различную историческую традицию.

Проблема Великой и/или Белой Хорватии имеет весьма обширную историографию. Повышенный интерес к ней традиционно проявляется польскими, чешскими, хорватскими, сербскими и словенскими учеными, изучающими свидетельства императора Константина, как правило, в контексте этнической и политической истории Великой Моравии и Малой Польши, а также в связи с рассе-

---

[4] Анализ письменных известий о хорватах см.: Łowmiański H. Początki Polski. T. II. Warszawa, 1964. — Из новейших работ см.: Войтович Л. 1) «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Т. 1. Львів, 1998; 2) Карпатские хорваты // ВСПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 1; Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. Uwagi dotychące kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // AAC. 1997–1998. T. 34.

[5] О творческом наследии Константина Багрянородного имеется обширная научная литература. Из работ последнего времени см.: Lemerle P. Le premiére humanisme byzantin. Paris, 1971; Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. London; New York; Toronto, 1973; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd I. S. 360–367; Constantine VII Porphyrogenitus and His Age: Second International Byzantine Conference. Delfi, 1987. Atena, 1989; Литаврин Г. Г. Введение // ОУИ; Ševčenko I. 1) Re-reading Constantine Porphyrogenitus // Byzantine Diplomacy. Aldershot, 1992; 2) Перечитывая Константина Багрянородного // ВВ. 1993. Т. 54; Семеновкер Б. А. Библиографические памятники Византии. М., 1995; Бибиков М. В. 1) Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 94–98; 2) Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 222–236; Howard-Jonston J. The *De administrando Imperio*: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centers proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.

лением хорватов в Центральной Европе и на Балканах[6]. Большинство из упомянутых историков локализует Великую или Белую Хорватию в районе Карпат.

Важное значение приобретает широко развернувшееся в последнее время научное обсуждение вопросов этнической и национальной идентичности и культурно-исторического континуитета современной хорватской нации, в рамках которого с новых методологических позиций разрабатываются проблемы этногенеза и этнической истории хорватов[7].

Отличительная особенность современной историографической ситуации — изучение ранней этнокультурной истории Прикарпатского региона преимущественно в контексте национальной истории одного из народов, проживающего или когда-либо проживавшего в данном регионе. Такой подход не позволяет в должной мере учитывать мультикультурный характер Прикарпатского региона как главной особенности его истории, предопределяющей развитие протекавших здесь этнических процессов.

Дальнейшие перспективы исторических исследований и получения новых научных знаний возможны, как нам представляется, только с учетом всей сложности и разнообразия этнокультурных процессов в регионе, без их одностороннего освещения сквозь призму той или иной национальной историографии.

Немалых успехов за последнее время достигло археологическое изучение славянских древностей Прикарпатья[8]. Но в работах археологов в силу специфики изучаемых источников отражены только более или менее заметные явления истории материальной культуры древних славянских племен. Существующие на сегодняшний день методики исследования археологических памятников не всегда позволяют полностью установить их этническую принадлежность, многие важные вопросы этногенеза славян остаются нерешенными. Достоверно славянские археологические культуры (пражско-корчакская и пеньковская) охватыва-

---

[6] См.: Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925; Grafenauer B. 1) Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. G. 5; 2) Zgodovina slovenskoga naroda. T. I. Ljubljana, 1994; Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. T. 1–2. Poznań, 1988; Turek R. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957; Havlik L. Tři kapitoly z najstarších česko-polských vztahú // SHS. 1961. T. 4; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975; Katičić R. 1) Die Anfänge des kroatischen Staates // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I. Wien, 1985; 2) Uz početke hrvatskih početaka. Filološke Studije o našem najranijem srednjovjekoviju. Split, 1993; Havlikova L. Slavic Ships in 5th — 12th Centuries Byzantine Historiography // BS. 1991. Vol. 52; Budak N. Prva stoleća Hrvatske. Zagreb, 1994; Goldstein I. Hrvatski Rani Srednji Vijek. Zagreb, 1995.

[7] См.: Etnogenesa Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995; Prlender I. 1. Kongres hrvatskih povjesničara // HZ. 1999. G. 52; Europa i nacionalizam. Nacionalni identitet naspram nacionalnoj netrpeljivosti. Zagreb, 2000; Korunić P. 1) Fenomen nacije: porieklo, integracija i razvoj // HZ. 2000. G. 53; 2) Nacija i nacionalni identitet: uz porijeklo i integraciju hrvatske nacije // Ibid. 2002. G. 55.

[8] Баран В. Д. Пражская культура Поднестровья. Киев, 1988; ЕЕІНУК. Т. 1; Винокур І. С. Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський, 2000; Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieży etnicznej w Karpatach: U źródeł rozpadu Słowiańszczyzny na odłam wschodni i zachodni. Kraków, 1991; Населення Прутсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій в другій половині І — на початку ІІ тисячоліть н. е. Чернівці, 1994; Еволюція розвитку слов'янських градів VIII–XIV ст. у передгір'ї Карпат і Татр. Львів, 1994; Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów, 1996; Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet. Bd I / Hrsg. von M. Parczewski. Kraków, 2001.

ют значительный ареал расселения древних славян, в состав которого вошли различные этноплеменные образования, чьи локальные особенности далеко не всегда удается надежно дифференцировать.

Важное значение в решении поставленной нами задачи — изучении происхождения и ранней истории хорватских племен — имеют методы и результаты этнолингвистических исследований. В последнее время созданы работы, позволяющие более точно определить границы этнического расселения и контактных зон в Прикарпатье, особенности этнокультурного взаимодействия, связь Прикарпатского региона с районами расселения славян на Балканах, в Центральной и Восточной Европе[9]. К этому стоит добавить новейшие данные лингвистов по вопросу этимологии имени хорватов — одному из наиболее сложных и запутанных вопросов славянской этнонимики[10].

Вместе с тем наметилась негативная тенденция к разрыву и обособленности исследований, ведущихся в смежных научных областях, препятствующая достижению более полных и объективных научных результатов. Авторы современных этнолингвистических работ не в полной мере используют возможности собственно исторического исследования, проведенного на основе материалов письменных и археологических источников. Вместе с тем в современных исторических работах слабо используются достижения в области сравнительного языкознания и этнолингвистики.

В настоящей работе мы попытались реализовать комплексный подход к изучаемой проблеме. Такой подход, в нашем понимании, заключается в проведении герменевтического анализа письменных источников при возможно более полном использовании новейших достижений в области археологии и антропологии, сравнительного языкознания, этимологии этнических, этногеографических названий и личных имен, этнолингвистики, этнонимики и этнотопонимики, ономастики и исторической географии.

Одним из наиболее перспективных методов в изучении ранней этнической истории Прикарпатского региона мы считаем метод историко-типологических параллелей, предполагающий возможность сравнительного изучения однотипных культурно-исторических явлений. Данный метод позволяет, в частности, по-новому подойти к изучению одной из самых сложных и противоречивых проблем происхождения и этнической прародины хорватов, найти новое решение спорных вопросов о местонахождении Великой и Белой Хорватии, а также историческом содержании этих понятий.

Изучение этногенеза и ранней истории хорватов невозможно без рассмотре-

---

[9] Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2003; Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, 1981; Купчинський О. А. Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень (географічні назви на *-ичі*). Київ, 1981; Kunstmann H. Die Slaven. Ihr Name, ihre Wanderung nach Europa und die Anfänge der russischen Geschichte in historisch-onomastischen Sicht. Stuttgart, 1996; Katičić R. Uz početke hrvatskih početaka; Malepa I. Granice Polski najdawniejszej. Kraków, 1996; Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV: Studium językowo-etniczne. Lublin, 1996; Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // ЗРВИ. 1999–2000. Кь. 38.

[10] См.: Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat. Zagreb, 1990.

ния общих вопросов этногенеза славян, их культурного взаимодействия с неславянскими этносами Восточной и Центральной Европы, приобретшего особую динамику в эпоху Великого переселения народов. В этих непростых и во многом еще неясных исторических процессах кроются истоки древнеславянского этнического образования, принявшего имя хорватов, одним из первых включившегося в волну Великого славянского расселения и принявшего непосредственное участие в этногенезе всех ныне существующих ветвей славянства — восточных, западных и южных славян.

Часть первая

«ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ БЕЛОЙ...»: К изучению древнейших письменных известий о хорватах

Современные исследования особенностей словообразования восточнославянских этнонимов показывают, что самым древним их слоем были названия, образованные бесформантным способом, т. е. без использования суффиксов. Такие названия встречаются в разных зонах славянского расселения: *север, сербы, дулебы*. К их числу относится и наименование *хорваты*. Это первичные славянские этнонимы, процесс образования которых произошел еще до начала широкомасштабного расселения славян, т. е. до VI–VII вв.[1]

По мнению некоторых исследователей, история этнонимов *сербы* и *хорваты* имеет еще более древние корни и «уходит в древнейшую старину», будучи «связана с лексикой эпохи даже не общеславянского, а индоевропейского единства»[2].

Среди европейских авторов раннего средневековья наибольшую осведомленность в истории хорватов проявляет Константин Багрянородный, сведения которого, несмотря на некоторую их сбивчивость и несогласованность, содержат основную информацию о местах проживания, отношениях с соседями, военном потенциале и локальных группах этого этнического образования.

Важнейшее значение в интерпретации древнейших письменных известий о хорватах приобретают вопросы этнонимики и этимологии этнических названий. Без их удовлетворительного решения невозможна локализация территории проживания хорватского этноса в древности, определение его исторической прародины, т. е. выяснение исходных фактов этногенеза и древней истории хорватского народа.

В решении этих задач велика также роль археологии, этнографии, исторической типологии. Но наиболее перспективным направлением следует признать взаимодействие нескольких научных дисциплин, синтезирующих возможности традиционных наук, развитие новых междисциплинарных отраслей исследований, таких, например, как этническая ономастика[3].

---

[1] Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 229; Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 19.

[2] Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков: Номинация и словообразование. Воронеж, 1991. С. 81.

[3] О состоянии и возможностях этой сравнительно новой научной дисциплины дают представление опубликованные в нашей стране в 1970–1980-х годах сборники научных трудов: Восточнославянская ономастика. М., 1972; Восточнославянская ономастика. М., 1979; Этническая ономастика. М., 1984; Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988 и др.

Глава 1

Константин Багрянородный о Великой Хорватии и белых хорватах

Известия Константина Багрянородного в оценке исследователей. — О смысловых взаимосвязях предикатов *великий* и *белый* этнических и географических названий. — Βελοχρωβάτοι и Velochrobati: особенности передачи иноязычных названий в греческом написании.

Разнообразные сведения о хорватах помещаются в нескольких главах трактата «Об управлении империей» византийского императора Константина VII Багрянородного. В 30-й главе «О феме Далмация», где изложена история завоевания Далмации сначала аварами, а затем славянами, в частности, читаем:

> Хорваты же жили в то время (во время аварского завоевания Далмации. — *А. М.*) за Багиварией (Баварией. — *А. М.*), где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться…[1]

> Прочие же хорваты остались у Франгии (империи франков. — *А. М.*) и с недавних пор называются белохорватами, т. е. «белыми хорватами», имеющими собственного архонта. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе — Саксии) и являются нехристями, вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками (венграми. — *А. М.*)…[2]

> В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране…[3]

Эти сведения могут быть дополнены данными 31-й главы «О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время»:

> [Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся «белыми», которые обитают по ту сторону Туркии, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами. [Имя] хорваты на славянском языке означает «обладатели большой страны». Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию

[1] ОУИ. С. 131.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 131–133.

ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян <...> Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне...[4]

[Знай], что Великая Хорватия, называемая «Белой», остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов. Она не обладает ни длинными судами, ни кондорами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, — путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется «Черным»[5].

Оценка письменных известий о хорватах, среди которых главными, безусловно, выступают свидетельства Константина Багрянородного, дана в обширной литературе[6]. Историки в большинстве своем, хотя и признают наличие в рассказе византийского императора некоторых внутренних противоречий и несоответствий с данными других источников, сходятся на том, что сведения его в целом достоверны и отражают реальную картину расселения и ранней истории хорватских племен в Центральной Европе. То же самое следует сказать и о сообщаемых Константином сведениях о белых хорватах, которых в полном соответствии с показаниями источника относят к общему хорватскому массиву: белые хорваты были его составной частью, одной из локальных племенных группировок внутри хорватского этноса[7].

---

[4] Там же. С. 135–137.

[5] Там же. С. 141.

[6] Историографию вопроса см.: Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906. D. II. Sv. 1. S. 250–261; Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. T. II. S. 114–130; Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije Literature // Dd. 1992. T. 14. S. 375–443.

[7] Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 129–139; Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 76–78; Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925; Hrubý V. Původni hranice biskupstyi pražského a hranice říše české v 10 století // ČMM. 1926. T. 50. S. 95 n.; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948. С. 252; Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego // SCP. 1948. Styczeń — grudzień. S. 24–34; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 268–297; Королюк В. Д. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X веке // КСИС. 1952. № 9; Paszkiewicz H. Początki Rusi. Kraków, 1996. S. 394–396; Labuda G. Chorwacja Biała // SSS. 1961. T. I. Sz. 2. S. 255–256; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 130–200; Gaczyński J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski // RP. 1968. T. 12; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 78; Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 7. — 11. Jh. Praha, 1978. S. 443–447; Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 163–164; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji // PS. R. 1986/1987. T. 36/37. S. 249 n.; Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности.(южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 80–81; Тимощук Б. А. 1) Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 165–175; 2) Східні хорвати // МДАПВ. 1995. Вип. 5; Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 125–126; Войтович Л. 1) «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? //

Между тем, как нам представляется, вопрос этот не столь однозначен и требует дополнительного изучения. Серьезные сомнения в точности и достоверности известий Константина о белых хорватах и Белой Хорватии высказывают не только историки, но также филологи и археологи. Еще Ф. Рачки, указав на многочисленные неточности и противоречия в рассказе о приходе хорватов на Балканы, пришел к выводу, что сведения о белых хорватах, как и само их наименование, вообще получены византийским императором из недостоверных источников, имеют баснословный характер[8].

Отказывался признавать реальными историческими образованиями как Белую Хорватию, так и Белую Сербию В. Ягич. По его мнению, обе они были вымышленными или «фантастическими странами» (Phantasieländer), существующими только в труде Константина, возникшими благодаря тому, что последний или его информаторы что-то услышали о чешских хорватах и лужицких сербах и, основываясь на этих слухах, создали версию о двух больших прикарпатских державах хорватов и сербов, в действительности никогда не существовавших[9]. К подобному выводу позднее пришел еще один известный исследователь славянских древностей А. Брюкнер[10].

Новейшие археологические материалы как будто подтверждают этот пессимистический вывод. Опираясь на данные археологии, В. В. Седов полностью отвергает существовавшие ранее в литературе и основанные преимущественно на сообщениях Константина Багрянородного исторические реконструкции Великой и Белой Хорватии (в частности, получившие самое широкое признание построения Л. Нидерле и Ф. Дворника). «Эти гипотетические построения, — пишет новейший исследователь, — ныне представляют чисто историографический интерес, поскольку не находят никакого подтверждения в археологических материалах. На основании последних можно со всей определенностью утверждать, что хорваты начали свою историю в антской среде, оттуда расселились на запад и, разделившись на несколько групп, осели в разных местностях раннесредневековой славянской территории»[11]. В теории В. В. Седова, как видим, вообще не остается места для каких-либо особых этнополитических образований хорватов, объединявших весь этот этнос в период, предшествовавший его разделению на отдельные локальные группировки в процессе славянского расселения.

При всей категоричности суждения В. В. Седова страдают односторон-

---

Миколаївщина. Львів, 1998. Т. 1. С. 50; 2) Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // УЦСЄ. 2004. Вип. 4. С. 105 н.; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 87 sl.; Pantelić S. Die Urheimat der Kroaten in Pannonien und Dalmatien. Frankfurt-am-Main etc., 1997. S. 20–28; Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. Uwagi dotychące kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // AAC. 1997–1998. T. 34. S. 160 n.; Овчинников О. Східні хорвати на карті Європи // АС. 2000. Вип. 1. С. 152 н.; Fokt K. Chorwacja północna — między rzeczywistością, hipotezą a legendą // AAC. 2003. T. 38.

[8] Rački Fr. Biela Hrvatska i biela Srbija // RJAZU. 1880. T. 52.

[9] Jagič V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen // AfSPh. 1895. T. 17. S. 47–48.

[10] Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródłowej // Sl. 1924–1925. T. 3. S. 209–211.

[11] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 326.

ностью. Полностью отвергая сведения византийского источника, он тем самым игнорирует сообщаемые им факты относительно характера расселения хорватов, осваивавших новые территории в результате военных побед над их прежними обитателями, в частности, победы над аварами в Далмации. Между тем такие факты не могут быть полностью устранены или пересмотрены. Значит, как бы то ни было, хорваты прибыли в Центральную Европу не слабо организованной массой переселенцев, спасающихся от вражеского нашествия, а, напротив, имели достаточно сильную в военно-политическом отношении организацию, дававшую им определенные преимущества перед другими народами в борьбе за новые территории.

Подобные аргументы приводил еще Л. Нидерле, высказываясь по поводу негативизма выводов В. Ягича: «Что касается меня, то традиции о Великой или Белой Хорватии на севере и о Белой Сербии я не счел бы лишь порождением фантазии византийцев. Хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу»[12]. Эти предположения подтверждаются и сообщением Константина Багрянородного о том, что белые хорваты имеют «собственного архонта», в чем можно видеть указание на политический характер их объединения.

Сомнения относительно существования Белой Хорватии и белых хорватов в Центральной Европе, по-видимому, побудили некоторых исследователей локализовать последних в Восточном Прикарпатье и Закарпатье, отождествляя их с восточнославянским племенным союзом хорватов, известным по Повести временных лет[13].

Нам представляется, что решение проблемы белых хорватов невозможно без дальнейшего анализа, прежде всего, текста известий Константина Багрянородного, который был и остается главным и незаменимым источником в данном вопросе.

* * *

Сопоставляя данные, сообщаемые византийским императором в 30-й и 31-й главах его трактата, можно заключить, что к середине X в. (когда велась работа над этим произведением) территория, которую занимали белые хорваты, совпадала с территорией Великой Хорватии. Константин Багрянородный употребляет названия *Великая* и *Белая Хорватия* как взаимозаменяющие друг друга и указывающие на один и тот же предмет: «Великая Хорватия, называемая “Белой”».

Вместе с тем из показаний источника явствует, что «белые хорваты» («белохорваты») — новое племенное название, вторичное по отношению к хорватам: «Хорваты же жили <…> за Багиварией, где с недавнего времени находятся

---

[12] Нидерле Л. Славянские древности. С. 77–78.

[13] Рыбаков Б. А. 1) Первые века русской истории. М., 1964. С. 23; 2) Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 375, карта; Тимощук Б. О. 1) Слов’яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976. С. 138–139; 2) Восточные славяне… С. 173; Русанова И. П., Тимощук Б. А. Древнерусское Поднестровье. М., 1983. С. 22; Толочко П. П. 1) Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 32, карта; 2) Київська Русь. Київ, 1996. С. 32, карта; Приходнюк О. М. Східні Карпати у VIII–IX ст. // ЕЕІНУК. Т. І. С. 339–340.

белохорваты». Это новое название относится к тому же хорватскому этносу, точнее говоря, к той части хорватских племен, которая осталась на прежнем месте после переселения другой части хорватов в Далмацию: «Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”».

Из приведенных известий также следует, что название «Великая Хорватия» обозначает исходную территорию хорватского племенного объединения: из ее пределов происходило дальнейшее расселение хорватов, результатом которого и стало появление новых этнических названий — «Белая Хорватия» и «белохорваты». Но чем непосредственно было вызвано их появление? Средневековый автор обходит этот вопрос стороной, и именно в этой части имеются наибольшие основания заподозрить сведения Константина в недостоверности.

Появление нового племенного названия хорватов, о котором свидетельствует Константин Багрянородный, представляет большую научную проблему, к решению которой обращается уже не одно поколение исследователей, прежде всего филологов. По мнению некоторых из них, название «белые хорваты» в той форме, какой оно фигурирует у византийского автора — Βελοχρωβάτοι (*белохорваты*), — вообще нехарактерно для славянских языков; его реалистичность не может быть доказана с точки зрения научных данных о словообразовании подобных славянских названий. Поэтому выражение «белохорваты» представляется «ученым образованием» самого Константина, которое никогда не принадлежало «живому народу»[14]. Эта констатация может быть подкреплена также тем фактом, что соответствующей белым хорватам цветосимволической противоположности, такой как «черные хорваты», очевидно, никогда не существовало[15].

При употреблении названий «белые хорваты» и «Белая Хорватия» почти в виде устойчивой формулы повторяются две пары определений: «белые» — «некрещеные» («хорваты… происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”» — гл. 31), а также «белая» — «великая» («Великая Хорватия, называемая “Белой”» — там же). Один раз встречается и более распространенная цепь определений «белая» — «некрещеная» — «великая» («Великая Хорватия, некрещеная, называемая также “Белой”» — гл. 32). Из этого получается, что понятия «белые (-ая)» — «некрещеные (-ая)» — «великие (-ая)» в отношении хорватов и Хорватии находятся у Константина в тесной смысловой взаимосвязи. Какую общую характеристику сообщают в итоге названные определения изучаемому предмету?

Специальные исследования в области происхождения и значения цветовой символики этнических названий показали, что предикаты типа «белый (-ая, -ое)», участвующие в образовании таких названий, могут иметь значение локатива (местного падежа). С точки зрения смыслового содержания определение «белый» относится к той системе цветовых обозначений, которая связывается с

---

[14] S k o k P. Die Ortsnamenstudien zu «De administrando imperio» des Kaisers Constantin Porphyrogennetos // ZfOF. 1928. Bd 4. Hft 3. S. 241.

[15] L u d a t H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen. Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziegungen // Sc. 1953. T. 4. Hft 2.

ориентированием по сторонам света[16]. Одна из наиболее известных в мировой истории космологических цветовых систем, получившая распространение почти по всей Евразии в эпоху раннего средневековья, — это система, восходящая к древнекитайской цветовой символике. Основными цветовыми обозначениями сторон света в этой системе были белый, черный и красный. Черный и красный соответствовали северу и югу, а белый указывал на запад (западное направление) и применялся для обозначения географических объектов, расположенных на западе[17].

Цветосимволические представления древних китайцев, ставшие культурным достоянием многочисленных азиатских кочевников, со времен Великого переселения народов были распространены далеко за пределами Китая, вплоть до Малой Азии, Африки, Восточной и Центральной Европы[18]. Этому процессу более всего способствовали завоевательные вторжения гуннов, аваров, тюрков и монголов. С завоеваниями последних некоторые исследователи связывают, в частности, появление названий «Белая», «Черная» и «Червонная Русь»[19].

Исходя из сказанного, можно предположить, что в составных этнических названиях, подобных слав. *белые хорваты* и *белые сербы,* предикат «белые» имеет географическое значение и указывает на западную часть существующего этнического массива — *западных хорватов* и *западных сербов*[20]. И хотя связанная с китайской космологией система цветовых обозначений не может считаться универсальной, и в рамках ее нередкими были случаи использования других цветов для обозначения запада (желтого или синего)[21], предлагаемое объяснение следует признать наиболее удовлетворительным. Вместе с тем нужно иметь в виду, что в силу постоянных миграций древних кочевников, появления новых завоевателей, названия, которыми они пользовались, могли смещаться в географическом пространстве, нарушая свой изначальный порядок, и по этой причине оказывались недолговечными[22].

Предикат «великий (-ая, -ие)» в составных названиях, по-видимому, также

---

[16] О происхождении и различных модификациях этой системы см.: Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии) // БСИ. 1980. М., 1981; Bačić J. Red Sea — Black Russia: Proligomena to the History of North Central Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. New York, 1995. P. 112–273.

[17] Ludat H. Farbenbezeichnungen… S. 154–155; Gabain A. Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // AOAH. 1962. No 1; Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1978. С. 171–172; Šaur V. K původu názvů světových stran // Sl. 1985. R. 54. Zeš. 1. S. 49 sl. См. также: Županić N. Značenije barvnego atributa v imenu Crvena Hrvata // Et. 1937–1938. T. 10/11; BIN. S. 171, Anm. 362.

[18] Свод значений используемых в топонимике цветовых названий см.: Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 56–57.

[19] Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś // IJSLP. 1975. Vol. 19. No 2.

[20] Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 51; Šimunović P. Istočnojadranska toponimija. Split, 1986. S. 25; Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // ЗРВИ. 1999–2000. Кн. 38. С. 91–92. Anm. 22.

[21] Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik // Sc. 1954. T. 5. S. 376–383; Nowatny K. A. Beiträge zur Geschichte des Weltbildes // WBKL. 1969. Bd 17; Knobloch I. Sprache und Religion. Bd I. Heidelberg, 1979. S. 18–22.

[22] Суперанская А. В. Терминологичны ли цветовые названия рек? // ВГ. 1970. Вып. 81.

мог иметь значение локатива. Это могло произойти в том случае, когда определения «великий» или «большой» выступали в значении ‘старый’ и подразумевали старшее племенное образование или прежнее местопребывание племени (народа). Связь понятий *старый* и *большой* доказывается этимологическими исследованиями. Общеслав. *starъ (-a, -o), *starъjь (-aja, -oje) находит многочисленные параллели в индоевропейских языках, сближается, в частности, с др.-исл. stórr — ‘большой, сильный, важный, мужественный’[23] и возводится к и.-е. основе *sta-r(o)- ‘большой’[24].

Такая же связь понятий *большой* и *старый/старший* прослеживается во многих европейских языках — романских и германских. Как показывают наблюдения Г. Кунстманна, в латинской практике выражения magnus, maior, maximus употребляются не только для обозначения роста, размера или количества, но также и возраста. С этой традицией как общеевропейской находятся в связи ср.-верх.-нем. groothere, grootvrouwe; франц. grand-père, grand-mère; англ. grandfather, grandmother. К ней восходят и позднейшие нем. Großväter, Großmütter. Связь понятий *большой* и *старший* запечатлена в принципе майората, применявшемся в феодальном праве при определении преимуществ для рожденного первым[25].

Добавим к этому, что и в древнерусском языке прилагательное *большой* могло иметь значение ‘старший, главный по положению; старший по возрасту’, а также выступать в качестве существительного со значениями ‘взрослый’ или ‘начальник, глава’[26], а близкое по значению прилагательное *великий* (*великыи*) в памятниках XI–XVII вв. нередко выражало понятия ‘старший, взрослый, главный по положению’[27].

Если *Белая Хорватия* и *Великая Хорватия* у Константина Багрянородного в территориальном отношении выступают как тождественные понятия, так как относятся к одному и тому же региону проживания хорватских племен, то, значит, локативы «белый» (‘расположенный на западе’) и «великий» (‘старый’) в рассматриваемом случае также должны образовывать смысловое тождество. Исходя из этого умозаключения, некоторые исследователи выдвинули ряд гипотез, связывающих названия «белые хорваты» и «Белая Хорватия» с обозначениями старого места поселения хорватских племен, откуда потом произошло их расселение на новые территории, и помещали это место в западных частях известного ныне ареала проживания хорватов[28]. Смысловое тождество *Старая Хорватия = Западная Хорватия*, в частности, выступает одним из важных аргументов

---

[23] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. III. СПб., 1996. С. 747.

[24] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. II. М., 1994. С. 199.

[25] Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogennetos? // WS. 1984. Jg. 29. Hft 1. S. 115.

[26] СлРЯ. 1975. Вып. 1. С. 287; СлДРЯ. 1988. Т. I. С. 290.

[27] СлРЯ. 1975. Вып. 2. С. 63; СлДРЯ. Т. I. С. 384.

[28] Manojlowić G. Studije o spisu «De administrando imperio» cara Konstantina VII Porfirogenita // RJAZU. 1911. T. 186; Modelski T. Z onomastyki i terminologii średniowiecznej // KH. 1920. T. 34; Županić N. Značenije barvnego atributa…; Sakać S. Iranische Herkunft des Kroatischen Volksnamens // OChP. 1949. T. 15. S. 313–340; Ludat H. Farbenbezeichnungen…

для локализации Белой Хорватии Константина в районах северо-восточной Чехии[29].

Искусственность подобных построений, на наш взгляд, очевидна. Конструируя гипотезы о расположении старой области проживания хорватов на западе, их авторы смешивают совершенно разные по характеру системы обозначений местности, которые существуют независимо друг от друга и поддерживаются различными культурно-историческими традициями. Локативы «великий» и «белый» могут быть сопоставимы и восприниматься в качестве однопорядковых явлений только как грамматические единицы, но такого сопоставления недостаточно для историко-этнографического исследования.

Локатив «великий» в значении 'старый' должен был возникнуть в индоевропейской этноязыковой среде (смысловое тождество *старый = большой*, как мы видели, фиксируется в индоевропейских языках). И с этой точки зрения мало убедительной представляется связь его с принесенными из Китая космологическими цветовыми обозначениями. Но даже если допустить, что в случае с хорватами произошло подобное соединение, явившееся следствием, например, аварского вторжения в Европу и завоевания аварами части славянского населения, смысловая связь понятий «белый» и «старый» окажется совершенно иной, нежели у Константина.

Как показывают этнографические данные, в славянской народной традиции действительно существует определенная связь понятий, выражающих цвет и возраст: в символической сфере корреляция *белый — черный* иногда может входить в эквивалентный ряд с парами *молодой — немолодой* (*старый*)[30]. Но при этом устанавливается совсем иное соотношение: белый цвет соответствует молодости. Так, в похоронной обрядности различных славянских народов белый цвет в качестве цвета траура использовался при похоронах малолетних детей, юношей и девушек, молодых женщин и мужчин. Для нашего исследования важно, что подобный обычай зафиксирован у хорватов (в Северной Далмации). Во время похорон девушки или парня перед траурной процессией несли белый флаг, а участвующие в ней девушки были в белых одеждах[31].

Следовательно, в славянской народной традиции, известной современной науке, белый цвет если и мог иметь какую-то связь с возрастом и возрастными категориями, то должен был символизировать не старость, а, скорее, наоборот, молодость и юность. С этой точки зрения толкование названий «белые хорваты» и «Белая Хорватия» как обозначений старого места проживания хорватских племен и старых хорватов также выглядит неубедительно.

Даже те историки, которые доказывали подлинность названий «белохорваты» и «Белая Хорватия», распространенных монголами или еще ранее аварами

---

[29] Westberg F. Ibrahim ibn Jakubs Reisebericht über die Slavenlande aus dem Jahre 965. SPb., 1898. S. 99 f.; Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 119 f., 129–139; Chaloupecký V. Staré slovensko. Bratislawa, 1923. S. 31; Widajewicz J. Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 13–30; Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 194 n.

[30] Толстой Н. И. Белый цвет // СД. 1995. Т. 1. С. 151.

[31] Там же. С. 153.

для обозначения западной части завоеванных ими земель, были вынуждены признать, что эти изначально чуждые славянам названия не были восприняты последними и канули в небытие вместе с завоевателями[32].

* * *

Предпринимались и другие попытки филологического объяснения происхождения названий «белые хорваты» и «Белая Хорватия» Константина Багрянородного. К примеру, согласно гипотезе П. Скока, первая часть составного названия (βελο-) выводится от имени Elbe/Albis (=albus), потому что исходное место поселения хорватов (как и сербов/сорбов) располагалось в области течения Эльбы[33].

Все подобные предположения исходят из того, что при употреблении названия «белохорваты» византийским императором или его информаторами были использованы неверные сведения или допущено какое-то искажение реальной славянской лексической формы, приведшее к возникновению нового этникона, неестественного для славянской этноязыковой среды, не только с точки зрения семантики, но и словообразования.

Несколько неестественно выглядит этникон Βελοχρωβάτοι (*белохорваты*) и в греческом тексте Константина. Поскольку у византийского императора в связи с белыми хорватами далее указывались также белые сербы, следовало бы ожидать употребления аналогичного по форме составного названия и в отношении последних. Однако в 32-й главе читаем: «…сербы происходят от некрещеных сербов, именуемых также “белыми”»[34]. Составной формы с *бело-* в данном случае не возникает: название *белые сербы* передается как Σέρβλοι ἅσπροι. Как видим, выражение Βελοχρωβάτοι не находит грамматического соответствия даже у самого Константина.

В этой связи заслуживает внимания предположение, высказанное впервые П. Скоком и поддержанное в дальнейшем другими исследователями, согласно которому император или его информаторы в случае с «белохорватами» могли не различить слав. bĕl- и vel-. Такое недоразумение легко объясняется как обычный для греческой практики бэтацизм, когда согласные *b* и *v* в иноязычных выражениях передавали при помощи греч. β. Таким образом, Константин легко мог спутать слав. bĕlъ- (‘белый’) и velь- (‘великий’) и на этом основании дать два перевода — βελο- и ἅσπροι[35].

В качестве подтверждения приведем лишь несколько примеров подобной трансформации иноязычных названий в греческом написании, которые можно найти у самого Константина. Она происходит как при передаче названий географических объектов: реки *Висла* // Βίσλα, *Варна* // Βάρνα, *Сава* // Σάβας, города *Венеция* // Βενετία, *Верона* // Βερῶνα, *Беневент* // Βενεβενδός, *Месемврия* // Μεσημβρία, так и названий стран и народов: *Ивирия* // Ἰβηρία, *Ливан*, *Ливия* //

[32] Ž u p a n i ć N. Značenije barvnego atributa…
[33] S k o k P. Die Ortsnamenstudien… S. 241 f.
[34] ОУИ. С. 140–141.
[35] S k o k P. Die Ortsnamenstudien… S. 241 f.

Λίβανος, Λιβύη, *Моравия* // Μοραβία, *евреи* // Ἑβραῖοι, *славяне* // Σκλάβοι[36].

Исходя из факта взаимозаменяемости в греко-византийских текстах согласных *b* и *v*, С. Роспонд пришел к более решительному выводу, что название Βελοχρωβάτοι в трактате Константина правильно должно читаться как Velochrobati, а буквальное его прочтение — Belochrobati, *белохорваты* — неправомерно. При этом исследователь считает, что этноним Βελοχρωβάτοι выступает у византийского автора в качестве обозначения жителей прародины хорватов, «первоначальной, материнской Хорватии» (mieszkańcy pierwotnej, macierzystej Chrobacji)[37]. О допущенной в греческом источнике путанице слав. bělъ- и velь- говорит и Е. Налепа, по мнению которого *Белая Хорватия* должна соответствовать греч. ē megálē Chrobatia[38].

Г. Кунстманн, также принявший эту версию, усиливает ее дополнительными аргументами. Слав. Velochrobati, которое Константин мог передать как Βελοχρωβάτοι, грамматически связано с прилагательным velii (-ija, -ije) < *velijь или *veli(jь). В современных славянских письменных языках такая форма представлена очень слабо, тогда как в древнейших памятниках наряду с *velikъ (с общим корнем *vel-) она общераспространена. Следовательно, соответствующее заимствование названий, образованных от *veli(jь), должно было произойти в древности, т. е. до того, как velijь в ходе последующей эволюции было вытеснено velikъ[39].

Этот процесс вытеснения у отдельных славян протекал по-разному, но можно считать, что именно в южнославянской языковой группе velii сохранялось дольше, так как до настоящего времени остается в качестве диалектного реликта или периферийного лексического архаизма; не редкими являются также образования с vel- в южнославянской топонимике[40]. Сказанное подтверждает возможность производства греч. βελο именно от южнослав. velii.

Правда, как отмечает Г. Кунстманн, βελο- Константина грамматически более соответствовало бы слав. velъ-, поскольку греч. -ο соответствует слав. -ъ, а слав. полугласная *-ь* в греч. передается с помощью -ε. В имеющемся случае нужно было бы ожидать не βελο-, а βελε-[41].

Однако, как было доказано еще М. Фасмером, приведенное выше правило соответствия -ъ, -ь // -ο, -ε имеет слишком много исключений, и поэтому невозможно с абсолютной надежностью установить отличия в греческом употреблении славянских полугласных[42]. Так, составные славянские названия с bělъ- мог-

---

[36] См.: ОУИ. Указатель этнических и географических названий.

[37] Rospond S. Struktura pierwotnych etnonymów słowiańskich. II // RS. 1968. T. 29. Sz. 1. S. 26.

[38] Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. S. 165.

[39] Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten… S. 114. — Мнение Г. Кунстманна принимается новейшими комментаторами трактата Константина Багрянородного (BIN. S. 161. Anm. 326).

[40] Zaręba A. Zur Geschichte und Geographie der slavischen Wörter **velijь*, **velikъjь* groß // WS. 1976. Jg. 21.

[41] Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten… S. 114.

[42] Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941. S. 278 f.

ли переводиться как βελε-. Подобные примеры можно найти и у Константина Багрянородного: славянское название Bĕl(ъ)grad у него передается как Βελέγραδον, Βελέγραδα[43].

Решающим для всей проблемы βελο- // velь- аргументом, с точки зрения Г. Кунстманна, выступает тот подтверждающийся многочисленными примерами факт, что в греческом языке очень старый композиционный суффикс -о в сложных названиях должен был иметь дополнительное преимущество при образовании составных форм с βελο- или μεγαλο-[44].

Итак, приведенные выше результаты лингвистических наблюдений показывают, что употребляемое Константином Багрянородным название Βελοχρωβάτοι могло возникнуть в результате обычной практики трансформации иноязычных названий в греческом написании и в славянском оригинале могло иметь вид Velochrobati или, возможно, Velii Chrobati 'великохорваты, великие хорваты'.

Впрочем, не все исследователи принимают эту гипотезу. Как справедливо считает А. Лома, против нее свидетельствует перевод названия Βελοχρωβάτοι, данный самим Константином: «Βελοχρωβάτοι ἤγουν ἄσπροι Χρωβάτου» (хорваты «называются белохорватами, т. е. "белыми хорватами"»), наличие соединительного гласного *-о-*, а также упоминание аналогичного племенного названия — *хровате белии* — в Повести временных лет[45]. В то же время, принимая во внимание синонимичность понятий μεγάλη Χρωβατία (*Великая Хорватия*) и ἄσπρη Χρωβατία (*Белая Хорватия*), вытекающую из фразы: «ἡ μεγάλη Χρωβατία, ἡ καί ἄσπρη ἐπουομαζόμευη» («Великая Хорватия, называемая "Белой"»), А. Лома допускает, что Константин или его информатор смешивали греч. βελο- (которое в оригинале могло иметь вид velo-) со слав. velii ('великие')[46].

Действительно, гипотеза, предлагаемая П. Скоком, С. Роспондом, Е. Налепой и Г. Кунстманном, удовлетворительно объясняет только происхождение выражения Βελοχρωβάτοι («белохорваты»), как возникшего в результате возможной неточности в передаче подлинного славянского этнонима в греческом написании. Однако наряду с этим названием Константин Багрянородный употребляет и его эквивалент в виде хоронима — «Белая Хорватия». Причем в обоих случаях византийский автор не просто приводит в греческой транскрипции очередные славянские названия, но и дает их греческий перевод — ἄσπροι Χρωβάτοι и ἄσπρη Χρωβατία. Следовательно, греч. βελο- в названии Βελοχρωβάτοι византийский автор воспринимал как равнозначное слав. bĕlъ- ('белый').

Отсюда, в свою очередь, следует, что название «Белая Хорватия» не может быть лишь результатом какой-то случайной механической ошибки. В данном случае подобного объяснения совершенно недостаточно. Если «Белая Хорватия» Константина и могла возникнуть по недоразумению, то нужно думать, что это

---

[43] ОУИ. С. 138, 140, 164, 170.
[44] Kunstmann H. Wer waren die Weißkroaten… S. 114.
[45] Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut... C. 91.
[46] Ibid.

название было переосмыслено и преобразовано автором в соответствии с имеющимися у него географическими или иными представлениями.

Для византийской историографии вообще характерно весьма вольное обращение с этническими и этнополитическими названиями, используемыми для обозначения соседних народов и стран. Исследователи отмечают нечеткость и сложность этнической терминологии византийских авторов, на производство и применение которой существенное влияние оказывали их собственные этногеографические, политические и религиозные представления, а также недостаток осведомленности[47].

Кроме того, византийские писатели нередко сознательно избегали подлинных этнических наименований, объясняя это нежеланием «осквернять» повествование употреблением «варварских имен и названий»[48]. Достоверные этнические термины и самоназвания народов встречаются только в византийских актах и легендах печатей, в нарративных источниках они крайне редки. Наименования народов в таких памятниках «не являются этнонимами в строгом смысле слова», это — в значительной мере искусственные новообразования, возникшие в соответствии с вековыми традициями этикетных норм словоупотребления, которые «включают в себя обширную область географо-культурно-бытовых характеристик»[49].

Особую роль в производстве византийской этнической номенклатуры играл религиозный фактор: в качестве этнонимов нередко использовались обозначения, указывающие на конфессиональную принадлежность — к римскому католичеству, исламу или язычеству, — причем такие обозначения могли применяться наряду с собственными этническими названиями[50].

Религиозный фактор вообще играет одну из основных ролей в этнонимике. Он относится к группе факторов, с помощью которых производятся этнонимы, фиксирующие признаки, заключенные в самой называемой общности или ей приписываемые (внешние приметы, занятия и обычаи, состав и устройство, свойства характера). Как правило, этнонимы этого типа не самоназвания, а взяты со стороны[51].

В данной связи важно вспомнить, что наряду с предикатами *великая* и *белая* Константин сообщает Хорватии еще одно определение — *некрещеная*:

> Великая Хорватия, называемая «Белой», остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы[52].

---

[47] Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. T. II. S. 1–3; Tăpkova-Zaimova V. Quelques remarques sur les noms ethniques chez les auteurs Byzantins // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968. P. 403–405.

[48] Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976. С. 216.

[49] Бибиков М. В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 34.

[50] Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов… С. 215.

[51] Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 24.

[52] ОУИ. С. 141.

Такое определение не случайно. Оно еще несколько раз применяется автором в отношении белых хорватов:

> Прочие же хорваты <...> с недавних пор называются белохорватами, т. е. «белыми хорватами» <...> и являются нехристями <...>[53]

> <...> хорваты <...> происходят от некрещеных хорватов, называвшихся «белыми», которые <...> граничат со славянами — некрещеными сербами[54].

Связь предикатов *белый* и *некрещеный* стала предметом внимания современных исследователей, отмечающих, что наряду с географическими факторами в возникновении цветовых обозначений участвует и религиозный. По поводу рассмотренного нами случая можно предположить существование определенной литературной традиции, обусловившей использование указанных предикатов в отношении одного объекта. Как отмечает Р. А. Агеева, у Константина Багрянородного засвидетельствовано «церковное использование эпитета *белый* по отношению к некрещеным частям славянского населения»[55].

К такому же выводу приходит и В. В. Иванов: «...церковное использование эпитета "белый" по отношению к некрещеным частям славянского населения засвидетельствовано по отношению к южным славянам — хорватам уже у Константина Багрянородного»[56]. Согласно этой церковной традиции, страны и народы, принявшие христианство, символизировал красный цвет, — так, в тюркских средневековых источниках эпитет *красный* использовался для обозначения христианского города или собора[57].

Таким образом, вопрос о происхождении и значении выражения Βελοχρωβάτοι (*белохорваты*), используемого Константином Багрянородным, требует дальнейшего изучения. В какой степени это, в целом несвойственное для славянской этнической ономастики название стало подлинным славянским этнонимом? Каковы время и пути проникновения предиката *белый* в сербохорватскую средневековую ономастику? В какой мере коррелируются предикаты *великий* и *белый* в хорватских этнических названиях?

Полностью отвергать этноним «белые хорваты» и хороним «Белая Хорватия» нет оснований, так как помимо труда Константина они встречаются также в аутентичных славянских источниках — Повести временных лет и Летописи попа Дуклянина. Анализ известий этих средневековых памятников поможет в ответе на интересующие нас вопросы.

---

[53] Там же. С. 131.

[54] Там же. С. 135.

[55] Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 147.

[56] Иванов В. В. Цветовая символика... С. 163.

[57] Knobloch J. Sprache und Religion. Heidelberg, 1979. Bd I. S. 16–17; Иванов В. В. Цветовая символика... С. 163.

Глава 2

Историческое значение хорватских этнополитических названий

Белые хорваты и хорутане Повести временных лет. — Традиция о Белой и Червонной Хорватиях в Далмации. — Проблема аутентичности цветовых предикатов славянских этнических названий. — Достоверность хоронима «Великая Хорватия» Константина Багрянородного. — Историческое содержание этногеографических названий с предикатом *великий* (*-ая*).

Этноним «белые хорваты» помимо труда Константина Багрянородного встречается в аутентичном славянском источнике — Повести временных лет. Во вступительной части древнейшей русской летописи после рассказа о разделении стран между сыновьями Ноя помещено следующее известие:

> Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава; а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане[1].

Прежде всего необходимо выяснить, каково происхождение данного летописного сообщения. Согласно гипотезе А. А. Шахматова, это и другие известия, составляющие недатированную вводную часть Повести временных лет, были написаны Нестором в начале XII в., — они отсутствовали в предшествующем по времени создания Начальном своде 1093–1095 гг., где повествование начиналось с рассказа об основании Киева[2].

Перерабатывая Начальный свод, Нестор углубил и расширил историографическую основу русского летописания. История славян и Руси стала рассматриваться на фоне всемирной истории, было определено место славян среди других народов, возводивших своих прародителей к потомкам легендарного Ноя. Тем самым русская история вводилась в рамки традиционной христианской историографии[3].

Повествуя о происхождении и древнейшей истории славянских племен, определяя границы исконно славянских земель и территорий, где впоследствии они расселились, Нестор обращался к давно прошедшему историческому периоду, отделенному от него самого многими столетиями и сообщал сведения о событиях, происходивших далеко за пределами Киева и Русской земли. Следовательно, составить свое повествование русский летописец мог только на основа-

---

[1] ПВЛ. С. 144.

[2] См.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I.

[3] СККДР. 1987. Вып. I. С. 339.

нии данных авторитетных источников, содержавших интересовавшие его сведения. Таковыми источниками в Древней Руси были прежде всего византийские исторические сочинения и восходящие к ним ранние западно- и южнославянские произведения.

Различные сведения о славянах и отдельных славянских племенах содержатся в многочисленных исторических хрониках Византии, в том числе и тех, использование которых составителем Повести временных лет достоверно известно, — Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Продолжателя Феофана и др.[4] Исследования начального русского летописания показывают, что при составлении историко-этнографического введения Повести были сведены чтения Хроники Георгия Амартола и западно- или южнославянских хронографов, так или иначе с ней связанных, — Болгарского Хронографа (однородного с Еллинским летописцем) или Хронографа по великому изложению. Византийское происхождение имеют, например, тексты, непосредственно предшествующие сообщению о расселении славян с Дуная и связанные с ним общей композицией. Рассказ о вавилонском столпотворении частично заимствован из Хроники Георгия Амартола, а сообщение о разделении на 72 языка потомков Ноя соответствует полному списку этих народов в русской Толковой палее, очевидно имевшей в данном случае общий источник с Повестью временных лет[5].

Общепризнанным считается компилятивный характер недатированного вступления к Повести, неоднократно отмечались не только его композиционная пестрота, но и несовместимость многих элементов[6]. Сообщение о расселении славян с Дуная большинство исследователей относит к так называемому Сказанию о славянской грамоте (Сказание о преложении книг на славянский язык) — еще одному предполагаемому источнику начальной части Повести временных лет[7]. Основной текст этого памятника помещен в ст. 6406 (898) г., но и в недатированной части имеются многочисленные заимствования из него.

Как видим, в работе над вводной частью летописи Нестор действовал методом компиляции, составляя свое полотно подобно мозаике из отдельных небольших фрагментов, извлеченных из разных источников в той мере, в какой это отвечало выполнению его общего авторского замысла. Интересующий нас текст, содержащий упоминание о белых хорватах, заимствован из западнославянского источника, который, в свою очередь, также не был однородным по составу. Исследователи видят в Сказании о преложении книг несколько различающихся по

---

[4] См.: Бибиков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 171–180.

[5] Лихачев Д. С. Комментарии // ПВЛ. С. 385.

[6] См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 219–247; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 297–326.

[7] Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagič — Festschrift. Berlin, 1908; Петров А. Н. К летописному Сказанию о славянской грамоте // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 1; Львов А. С. «Сказание о преложении кънигъ на словеньскыи язык» — сочинение русского книжника // ИАН. Сер. лит-ры и языка. 1968. Т. 27, вып. 1; Мечев К. За происхода на старорускиа летописен разказ «Сказание о преложении книг» // ИП. 1974. № 2; Moszyński L. Skazanije o prielożenii knig // SSS. 1975. T. 5; Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык: источники, время и место написания // BS. 1985. T. 46, № 1.

содержанию частей[8], усматривают следы великоморавского происхождения и последующей болгарской обработки памятника[9] и даже выделяют в нем особую Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров, относящуюся к моравско-чешской традиции X в.[10]

Кроме того, в окончательной редакции Повести временных лет текст Сказания имеет еще одну особенность. На одном из этапов доработки в него вошли новые локальные дополнения, имеющие византийское происхождение. По выражению А. Г. Кузьмина, «Сказание и смежные с ним летописные тексты как бы прошиты заимствованиями из византийских хроник»[11].

Интересующее нас известие о расселении славян с Дуная как раз обнаруживает такой сложный характер. Оно состоит как бы из нескольких фрагментов, каждый из которых имеет самостоятельное значение. Об этом свидетельствует и недостаточная смысловая согласованность отдельных частей при сведении их в единое целое.

Упоминание о белых хорватах содержит фраза, замыкающая рассказ: «А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане». Начинает же его летописец с объяснения, что, разойдясь с Дуная, славяне «прозвались именами своими от мест, на которых сели»; но, так и не доведя этой мысли до конца, ограничивается только одним примером: «...одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава». В дальнейшем летописец вернется еще к этой теме и проиллюстрирует свое наблюдение новыми примерами, касающимися названий восточных славян. Но пока он вынужден прерваться на полпути, поскольку имеющиеся у него разнородные данные не позволяли выстроить безупречную логическую последовательность.

О разнородности используемых летописцем источников, данные которых он пытался привести в соответствие, может свидетельствовать и тот факт, что в одном рассказе соединились сведения из истории разных славянских народов — западных и южных, причем сведения о последних (белых хорватах, сербах и хорутанах) логически отделены от первых и оформлены в виде особого дополнения.

Отмеченная особенность текста известия о расселении славян с Дуная давно привлекла внимание исследователей, видевших здесь следы работы нескольких авторов или редакторов, пользовавшихся разными источниками. Фраза «А вот еще те же славяне: белые хорваты и сербы и хорутане» справедливо считается позднейшей вставкой. Она, как и помещенное далее известие о поселении славян на Висле, образовавших ляшскую группу западнославянских племен, разрушает целостность первоначального текста о расселении славян в Подунавье и нашествии волохов.

Известия о белых хорватах, сербах, хорутанах и ляшских племенах идейно

---

[8] Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 222–236.

[9] Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: Автахтонная теория в свете современных исследований // Славяноведение. 1993. № 2.

[10] Свердлов М. Б. К изучению моравских исторических произведений в составе «Повести временных лет» // Феодальная Россия: новые исследования. СПб., 1993.

[11] Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 314.

чужды рассказу о дунайских славянах, поскольку «не раскрываются в тексте, подобно мораванам, как иллюстрация новых племенных названий по занимаемым землям. "Ляхи", которые "сели на Висле", даже противоречат этому правилу, не став "вислянами". Эти славянские народы не связаны с контекстом рассказа, и территориально они находятся вне Подунавья. Поэтому данные записи можно рассматривать как более поздние интерполяции»[12].

Следует обратить внимание и на еще один важный факт, не получивший пока должной оценки. Из трех приведенных здесь южнославянских этнонимов два — «белые хорваты» и «хорутане» — уникальны для Повести временных лет и более нигде не встречаются (хотя собственно о хорватах, как и сербах, она говорит неоднократно). Не знают подобных этнонимов (кроме упомянутого здесь случая) и другие русские летописи, как древние (Лаврентьевская, Ипатьевская, Новгородская Первая), так и более поздние (Никоновская, Воскресенская и др.).

Зато термин «хорутане», а точнее, его западноевропейский эквивалент «карантанцы», хорошо известен в европейской средневековой традиции. В трактате «Обращение баваров и карантанцев», написанном в Зальцбурге в 870 или 871 г., термин Carantani неоднократно и последовательно употребляется как этноним, обозначающий особый славянский этнос, заселявший пространство между Баварией и Нижней Паннонией[13].

«Карантанцами» в Европе называли альпийских славян, которые в первой половине VII в. создали свое государственное образование. Его центром стал город Карантан (в районе современного Карнбурга близ Клагенфурта). Независимое Карантанское княжество просуществовало более ста лет, но в середине VIII в. оказалось под властью империи Каролингов. С этого времени начинается христианизация славянского населения миссионерами из Баварии и Италии. С 811 г. земли Карантании к северу от Дравы отошли под юрисдикцию Зальцбургского архиепископства, а южные области — Аквилейского патриархата[14].

В 820-х годах Карантания оказалась в составе империи Карла Великого под властью баварских графов. Вследствие этого уже в конце IX в. термин Carantani теряет этническое значение и становится хоронимом, обозначающим территориальную общность. В славянской среде это название не прижилось. Потомки альпийских славян ныне — словенцы, становление языка которых восходит к периоду Карантанского княжества[15].

Важно подчеркнуть, что встречающиеся в европейских средневековых источниках названия Carantani, Carentani, Carentini, Carnii, Carniolenses, Carnia, Carniola, Carantania связаны с возрождением античной традиции этнической номинации, в то время как исконные названия славян, живущих между Альпами, Дунаем, Дравой и Истрией, в древних источниках зафиксированы в формах Sclavi, Sclavani, а страна их — Sclavinia[16].

---

[12] Свердлов М. Б. К изучению моравских исторических произведений... С. 19.

[13] Vilfan S. Rechtsgeschichte der Slowenen. Graz, 1968. S. 40.

[14] Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1978. Zv. I. S. 347–359.

[15] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 280–282.

[16] См.: Kos Fr. Gradivo za zgodovino Slovencev. Ljubljana, 1903. Zv. I. S. 390–391; Ljubljana, 1906. Zv. II. S. 451, 455, 491; Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906. D. II. Sv. 1.

Таким образом, попавший в Повесть временных лет этноним «хорутане» был связан с европейской средневековой традицией. Этот термин не только не прижился в славянской среде, но к XII в. (времени составления летописи) уже вообще вышел из употребления в качестве этнонима. Кроме того, форма «хорутане» известна только в древнерусском языке и в других славянских языках вообще не встречается. Она могла быть образована непосредственно от др.-верх.-нем. Charanta из ср.-лат. Carantani 'жители Каринтии', известного с VII в.[17]

Значит, в Повесть временных лет выражение «хорутане» должно было попасть из западноевропейского письменного источника, продолжающего традиции античной географической и этнической номенклатуры. Тот факт, что данное название не зафиксировано в известных ныне памятниках западно- или южнославянской письменности, заставляет предполагать, что оно было воспринято древнерусским книжником непосредственно из западноевропейского источника, отразившего в части славянской этнической номенклатуры влияние германской языковой стихии.

Как бы то ни было, сам факт наличия в одном и том же летописном известии о расселении славян с Дуная, точнее говоря, в перечне южнославянских народов, состоящем лишь из трех названий, сразу двух этнонимов, нигде более в древнерусских памятниках не встречающихся и не находящих параллелей в западно- и южнославянских языках, может свидетельствовать о неславянском происхождении всего пассажа.

Вместе с тем известие о белых хорватах Повести временных лет — это не прямое продолжение византийской традиции, представленной у Константина Багрянородного. Древнерусский летописец относит их к группе балканских славян, в то время как византийский император помещает Белую Хорватию и белохорватов к северу от Дуная, вблизи Баварии и Восточнофранкского королевства. Размещение белых хорватов на Балканах в одном ряду с сербами и хорутанами сближает известия древнерусского летописца с показаниями южнославянского источника, — так называемой Летописи попа Дуклянина, — повествующего о Белой Хорватии в Далмации.

* * *

Составленная на латыни Дуклянская летопись (или Летопись попа Дуклянина) приписывается анонимному пресвитеру из города Бара, жившему во второй половине XII в., и поэтому иногда именуется «Барским родословом».

В X–XII вв. в приморском княжестве Дукля сложился один из древнейших центров сербской литературы (Сборник попа Драголя и др.). Однако именно здесь распространение идущей из византийского мира славянской письменной традиции столкнулось с противодействием латинской культуры, исходившим из романизованных центров Адриатического побережья, одним из которых и был город Бар. Латинское влияние здесь еще больше усилилось в результате стремления Византии подчинить своей власти всех балканских славян. Дуклянские правители, возглавившие борьбу против византийского владычества, искали

[17] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. СПб., 1996. С. 269.

поддержки в Риме и рассчитывали с его помощью подчинить все сербские земли архиепископской кафедре в Баре. Не удивительно, что возникшие здесь оригинальные сербские сочинения дошли до нас на латинском языке[18].

Созданная в такой исторической обстановке примерно в 1150–1170-х годах Летопись попа Дуклянина выражает стремление своего автора (или авторов) подчеркнуть особые, «законные» права Дуклянского «королевства» и его династии на власть над всеми сербскими областями и княжествами. Стараясь обосновать «верховенство» правителей Дукли над их соперниками — жупанами Рашки и другими князьями, — автор апеллирует к воображаемой генеалогии их предков, возводимых к древним королям готов и хорватов. Государственно-правовые идеи летописи сочетаются с тезисом об особых правах Барской архиепископии[19].

В географической номенклатуре Дуклянина встречаются названия «Белая» и «Червонная Хорватия». Летописец разделяет территорию северо-западной части Балкан на две области: «Маритимия» (Maritima), иначе называемая «Приморьем» и «Трансмонтания» (Transmontana) или «Загорье». При этом первая область, называемая также «Хорватия», делится, в свою очередь, на «Хорватию Белую» или «Нижнюю» (Дольную) (Croatia Alba, que et inferior Dalmatia dicitur) в границах от Винодола до Дуваньского Поля (Дувно), а также на «Хорватию Червонную» или «Верхнюю» (Горскую) (Croatia Rubea, que et superior Dalmatia dicitur) от Дуваньского Поля до Драча. Совершение этого деления Дуклянин приписывает королю Будимиру-Святоплуку[20].

По поводу данного сообщения в литературе высказываются самые противоречивые мнения. Одни ученые считают его достоверным. Оно может отражать события конца IX в., когда у хорватов происходил процесс формирования административно-политического устройства в правление Мутимира и Томислава. Белая Хорватия была главным центром формирующегося хорватского государства, и, начиная со времени княжения Борны и Владислава, с ее территории происходила экспансия на земли соседних славянских племен. Картография далматинских древностей IX–X вв. убедительно показывает преобладание Белой Хорватии над другими областями восточного побережья Адриатики с точки зрения культурного развития и населенности территории. В ее пределах находились важнейшие далматинские города, признававшие власть хорватских князей: Нин, Задар, Трогир и Сплит[21].

Другие ученые скептически относятся к сообщению Дуклянской летописи о двух Хорватиях в Далмации и попросту их игнорируют. Дело в том, что если следовать указаниям этого источника, то окажется, что территория Верхней Далмации, где дуклянский пресвитер помещает Червонную Хорватию, совпада-

[18] Гаврюшина Л. К. Зарождение сербской и хорватской литературы // Очерки истории культуры славян. [Вып. 1.] М., 1996. С. 343–345.

[19] Банашевић Н. Летопис попа Дукљанина и народна предања. Београд, 1971. С. 263–268; Havlik L. Dukljanská kronika a Dalmatská legenda. Praga, 1976.

[20] Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Београд, 1928. С. 16–18.

[21] Klaić V. Povjest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka IX stoljeća. T. 1. Zagreb, 1899. S. 48; Šišić F. Geschichte der Kroaten. T. 1. Zagreb, 1917. S. 109–114, 175; Novak Gr. Prošlost Dalmacije. Zagreb, 1944. S. 95; Historija Naroda Jugoslavije. T. 1. Zagreb, 1953. S. 241–242, 254.

ет с исторической областью Зета или Дукля (Диоклея), которая собственно хорватам никогда не принадлежала. С VII в. эта область была заселена сербским племенем дуклян, создавшим в IX в. свое княжество Дукля, в конце того же века завоеванное Византией. В конце X–XI вв. дуклянская государственная традиция оказалась самой сильной у сербов, она единственная пережила уничтожение Первого Болгарского царства и установление византийской власти почти над всеми Балканами[22].

Неоднократно предпринимались более или менее успешные попытки примирить сведения Дуклянской летописи с известиями других источников. Опираясь главным образом на данные топонимики, некоторые исследователи предполагали, что область между Дувном и Баром до периода правления Неманичей (конец XII в. — 1366 г.) могла носить название Червонной Хорватии и, по крайней мере, до середины X в. образовывала с Белой Хорватией единое государство[23].

Возможны и другие объяснения: между сербами-дуклянами было определенное число родов, которые называли себя хорватами[24], или хорваты в ранний период своей истории были преобладающим племенем в Дукле и даже во времена Константина Багрянородного численно еще превосходили дуклянских сербов, поскольку последний не причислил дуклян к сербским племенам[25].

Наконец, термин «хорваты» в отношении дуклян мог быть употреблен вместо «сербы» как его своеобразный синоним, — неопределенность представлений об этнической территории, занимаемой сербскими и хорватскими племенами, — характерная черта многих средневековых источников[26].

Известия о Белой и Червонной Хорватиях Дуклянской летописи обнаруживают еще одну традицию использования цветовой символики для обозначения хорватских этнополитических образований, существующую независимо от официальной византийской историографии и нашедшую продолжение в Повести временных лет, упоминающей белых хорватов среди балканских славян.

Тем самым факт использования цветовых предикатов в раннесредневековой хорватской этно- и топонимике, с одной стороны, получает подтверждение в показаниях аутентичных славянских источников, а с другой, данные древних славянских летописей свидетельствуют о более широком распространении подобных названий, охватывающих весь ареал расселения хорватских племен в Центральной Европе и на Балканах.

---

[22] См.: Грачев В. П. Сербская государственности в X–XIV вв. М., 1972; Динић М. Српске земље у средњем веку: Историјиско-географские студије. Београд, 1978; Историја српског народа. Т. 1. Београд, 1981; Наумов Е. П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985; Ракова С., Матанов Х. Процессы государственного развития у хорватов и сербов в IX–XII вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв. М., 1991.

[23] Klaić V. Povjest Hrvata... T. 1. S. 48.

[24] Šišić F. Geschichte der Kroaten... T. 1. S. 109–114.

[25] Hauptmann Lj. Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva Dubrovačkog zaluda // Rešetarov zbornik. Dubrovnik, 1931. S. 17–31.

[26] Радојчић Н. Како су називали Србе и Хрвате византиски историци XI и XII века Јован Скилица, Никифор Вриенције и Јован Зонара? // ГСНД. 1927. Књ. II. Св. 1; Тыпкова-Заимова В. Форма власти в Византии и в балканских государствах (до X в.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 120.

* * *

Использование цветовой символики в этнических названиях характерно для различных народов Центральной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. В качестве примера можно вспомнить названия *Белая* и *Черная Венгрия*, встречающиеся у Бруно Кверфуртского (1008 г.)[27] и автора интерполяции XII в. Истории франков Адемара Шабанского[28], а также названия *белые* и *черные угры*, использующиеся в Повести временных лет[29].

Указанные цветовые обозначения не зафиксированы в венгерских исторических источниках, этно- и топонимике. В силу этого у современных исследователей возникают серьезные трудности при локализации Белой и Черной Венгрии и определении этнической принадлежности белых и черных угров. Белых угров одни авторы отождествляют с хазарами[30], другие видят в них какие-то мадьярские или болгарские племена, входившие в состав Аварского каганата[31]. Впрочем, большинство этих предположений носят гипотетический характер, а приведенные их авторами аргументы весьма уязвимы для критики[32].

Наиболее убедительным представляется объяснение, связывающее происхождение цветовых предикатов венгерских этнополитических названий с цветовой символикой азиатских кочевых народов. При таком подходе цветовые обозначения могли указывать, с одной стороны, на занимаемое место во внутренней иерархии племенного образования, с другой, на географическое расположение и ориентацию по сторонам света[33]. Примечательно, что названия печенегов, вытеснивших венгров из северопричерноморских степей также сложились из двух составляющих, выражающих ориентацию по сторонам света и положение в племенной иерархии[34]. Эта же традиция была унаследована и половцами: арабский географ XII в. ал-Идриси делит степи Восточной Европы между Белой и Черной Куманиями[35].

На основании сопоставления данных 40-й главы трактата «Об управлении империей» с известиями других источников Ш. Тот приходит к выводу о том,

---

[27] MGH. SS. 1888. T. XV, vol. 2. P. 726.

[28] MGH. SS. 1841. T. IV. P. 130–131.

[29] ПВЛ. С. 10.

[30] Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 174–176.

[31] Moravcsik Gy. Zur Geschichte der Onoguren // Moravcsik Gy. Studia byzantina. Budapest, 1967. S. 115; László Gy. A «kettos honfoglalás» ról // AÉ. 1970. T. 97, No 2. 161–190 l.; Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974. S. 187, 262; Перени Й. Угры в «Повести временных лет» // ЛХ. 1973. С. 92–102; Bartha A. Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries. Budapest, 1975. P. 47–48, 67.

[32] См.: Swoboda W. Węgrzy Biali // SSS. 1980. T. VI, Cz. 2. S. 402.

[33] Tóth S. A fehér és fekete magyarok kérdéséhez // AUSAJ. Acta historica. 1983. T. 75. 7–8 l. — Мы приносим свою благодарность М. К. Юрасову, указавшему на эту работу и предоставившему ее русский перевод.

[34] Német Gy. 1) Zur Kenntnis der Petschenegen // Kőrősi Csoma Archivum. 1921–1925. T. I. 219–225. l.; 2) A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930. 34. l.; Kniezsa I., Györffy Gy. Besenyők és magyarok // Századok. 1943. T. 77. 474 l.; Harmatta J. Szines lovú népek // MN. 1946. T. 42. 30 l.

[35] Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Т. 43; Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 101.

что «черными» венграми могло называться располагавшееся в Трансильвании к северу от других венгерских племен племя дюлы, а «белыми» венграми — княжеское племя, располагавшееся к западу в направлении Германской империи[36].

Цветовая символика этнополитических названий характерна и для восточнославянских народов. В средневековых источниках, начиная с XIV–XV вв., встречаются названия *Белая*, *Черная* и *Червонная Русь*, образующие своеобразную смысловую триаду[37]. Обозначение *Белая Русь*, которое, по мнению ряда исследователей, могло возникнуть еще в XIII в., первоначально применялось в отношении земель Двинско-Днепровского региона, хотя впоследствии его территориальная составляющая изменялась. *Черной Русью* издавна именовалась юго-западная часть Полоцкой земли, включая верхнее течение Нарева, Немана и его притока Шары. *Червонной Русью* называли территорию северо-восточных склонов Карпат в верховьях Днестра, Сирета и Прута — древней Галицкой и частично Волынской земель[38]. Впрочем, употребление названий *Белая*, *Черная* и *Червонная Русь* в средневековых источниках отличалось неустойчивостью, что весьма затрудняет их территориальную локализацию[39].

Толкование смыслового содержания цветовых названий с участием термина *Русь* также вызывает значительные разногласия. Некоторые ученые объясняли названия *Белая Русь* и *Белоруссия* белым цветом одежды и светлым цветом волос населения[40]. Высказывалось также мнение, что эти названия происходят от названия города Бельска на реке Белой, притоке Нарева или польского города Белостока[41]. Однако такие версии в дальнейшем были отвергнуты как несостоятельные. Города Бельск и Белосток в истории играли слишком малозначительную роль, чтобы дать название целой стране, и совсем фантастической выглядит мысль о влиянии цвета волос и одежды населения на производство названия Белая Русь[42].

---

[36] Tóth S. A fehér és fekete magyarok kérdéséhez. 7–8 l.

[37] Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś // IJSLP. 1975. Vol. 19, No 2. P. 19; Иванов В. В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии) // БСИ. 1980. С. 163.

[38] Агеева Р. А. 1) Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 142–143; 2) Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. М., 2000. С. 71.

[39] Сводку сведений относительно территорий, к которым применялись названия *Белая*, *Черная* и *Червонная Русь* см.: Назви Русь в історичному розвитку до XVIII віку. Жовква, 1936; Соловьев А. В. 1) Белая и Черная Русь (Опыт историко-типологического анализа) // СбРАОЮ. 1940. Т. 4; 2) Weiss-, Schwarz- und Rotrussland. Versuch einer historisch-politischen Analyse // JfGO. 1959. Bd 7. Hft 1. — См. также: Угрин К. Поняття «Руси — Русі» в західноєвропейській картографії XVI–XVIII ст. Мюнхен, 1975; Улащик Н. Н. Белая и Черная Русь в «Кронике» Матвея Стрыйковского // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982; Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.

[40] Карский Е. Ф. Белорусы: Введение к изучению языка и народной словесности. Т. I. Вильно, 1904. С. 117; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. С. 149. — Высказывались и многие другие предположения, дискуссия по этому вопросу продолжается до сих пор; см.: Юхо Я. Пра назву Беларусь // Полымя. Мінск, 1968. № 1; Імя твае — Белая Русь. Мінск, 1991; Рогалев А. Ф. Белая Русь и белорусы (В поисках истоков). Гомель, 1994.

[41] Ильинский Г. А. К вопросу о происхождении названия «Белая Русь» // Sl. 1927. Т. 6. Zeš. 2–3. С. 390 сл.

[42] Крапівін П. Ф. Находжанне назвау «Белая Русь», «Чорная Русь» і «Чырвоная Русь» // ВАНБ. Сер. грамадзкіх навук. 1956. № 3. С. 58.

Не получила подтверждения популярная среди исследователей гипотеза о связи хоронима *Червонная Русь* с топонимами *Червенъ* и *Червенские грады* (упоминаются в Повести временных лет под 981, 1018 и 1031 гг.), форма *чьрвьнъ* соответствует др.-рус. и церк.-слав. *червень* ‘красный цвет, краснота’[43]. Однако город Червен утратил всякое политическое значение уже в XIII в., а название *Червонная Русь* (*Russia Rubra*) появилась в книгах некоторых польских и западноевропейских авторов не ранее XV в. В русских летописях название *Червонная Русь* не встречается, коренное украинское население этого названия также не употребляло. «Можно считать установленным, — пишет Я. Д. Исаевич, — что оно было создано искусственно, посредством аналогии с распространенными под влиянием восточных языков составными этнонимами и территориальными наименованиями, в которых разные цвета имеют символическое или просто семантико-размежевательное значение»[44].

Вслед за А. А. Потебней широкое распространение получило предположение, что *Белая Русь* первоначально означала «вольная, свободная, неподчиненная». В таком значении прилагательное *белый* широко употребляется в русском языке: *белый* или *обеленный* ‘свободный от подати’; *белые крестьяне*, *белые слободы* ‘свободные от всех государственных податей и повинностей’. С XV в. термин *Белая Русь* начинает применяться также к землям Северо-Восточной Руси, объединившимся под властью Москвы (по некоторым данным, обозначение *Белая Русь* применялось к Ростово-Суздальской земле еще в XII в.). В период образования Русского единого государства этот термин мог обозначать «вольную, великую, светлую державу» в противоположность *Черной Руси* (т. е. *Литовской*) — «подчиненной, меньшей страны»[45].

Однако предполагаемые значения цветовых предикатов *белый* ‘свободный, независимый’ и *черный* ‘несвободный, подчиненный’, участвующих в составных названиях с термином *Русь*, не могут считаться изначальными, они должны были возникнуть в более позднее время, в процессе эволюции смыслового содержания понятий *белый* и *черный* в восточнославянских языках. Современные лингвисты склоняются к выводу о первоначальном топонимическом употреблении цветовых обозначений в славянских этногеографических названиях и преж-

---

[43] См.: Агеева Р. А. Страны и народы… С. 142; Kutyłowska I. Grody Czerwieńskie wymienone pod 1018 i 1031 rokiem // ДКЗ. 2002. Вип. 6. С. 36. — Впервые идентифицировать понятия «Червенские грады» и «Червонная Русь» предложил еще А. Нарушевич. В XIX в. название «Червонная Русь» применительно к Галичине стало употребляться в российской историографии, его пропагандировали также и галицкие «москвофилы». Тезис о тождестве понятий «Червенские грады» и «Червонная Русь» в силу известных политических причин с начала XX в. получил широкое распространение в польской историографии, доказывавшей изначальную принадлежность населения Восточного Прикарпатья к западным славянам и древнепольской народности; см.: Ісаєвич Я. Червенські гради і Червона Русь: чи пов’язані ці топоніми // До джерел. Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського. Київ; Львів, 2004. Т. І. С. 723, 724–725.

[44] Ісаєвич Я. Червенські гради і Червона Русь… С. 724.

[45] Потебня А. А. Этимологические заметки // ЖС. 1891. Вып. 3. С. 118 сл.; Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // ВИ. 1947. № 7. С. 33; Державин Н. С. Происхождение русского народа: великорусского, украинского и белорусского. М., 1944. С. 121; Пьянков А. П. Происхождение белорусского народа. Минск, 1948; Агеева Р. А. Страны и народы… С. 143.

де всего цветообозначения *белый* как названия стороны света — 'западный'[46].

«Цветовая символика обозначения стран света, — пишет в этой связи О. Н. Трубачев, — известна в разных языках и культурах и везде принадлежит архаике. Наша *Белоруссия*, *Белая Русь* — это всего лишь малопонятный теперь остаток целой вышедшей из употребления системы географической ориентации — *Белая Русь* 'западная Р.', *Черная Русь* 'северная Р.', *Червон(н)ая Русь* 'южная, волынская Р.'»[47].

Однако подобное толкование сталкивается с определенными трудностями. На основании изучения балто-славянских древностей В. В. Иванов приходит к выводу, что в общей балто-славянской цветовой символике в качестве основных прежде всего выступают два цвета — белый и черный, иногда к ним добавляется желтый, но исключается красный[48]. Следовательно, формирование символической системы из трех цветов с участием красного цвета в балто-славянской среде может восприниматься как косвенное продолжение индоевропейских цветовых триад[49].

Появление цветосимволической триады с участием белого, черного и красного цветов среди славянских этногеографических названий должно было произойти вследствие внешнего влияния, стать результатом контактов с носителями более древних и универсальных традиций этногеографической номинации.

Заслуживает самого серьезного внимания гипотеза о том, что три разных обозначения Руси — *Белая*, *Черная* и *Червонная* — первоначально возникли в монголо-татарской среде и были перенесены на завоеванные земли Руси: их северная часть стала называться *Черной Русью*, западная — *Белой*, а южная — *Червонной*. Но эти чуждые славянской этнокультурной среде цветовые обозначения не могли глубоко укорениться в народном сознании и в силу этого с течением времени подверглись существенным смысловым изменениям: после освобождения Московской Руси от татарского ига термин *белый* стал употребляться в значении «вольный» и был перенесен на ее территорию[50].

Монголо-татары, как и другие азиатские кочевники раннего средневековья, достигшие пределов Восточной и Центральной Европы, при производстве новых этногеографических названий широко использовали цветовую символику, восходящую к древнекитайской космологии, в которой северу соответствовал черный цвет, западу — белый, югу — красный, а востоку — синий. Созданное ханом Батыем новое государство Золотая Орда (улус Джучи) уже в XIII в. разделялось на две части — Белую и Синюю Орду (Белая Орда означала западную часть владений потомков Батыя и включала территории к западу от Волги, Синяя Орда соответствовала восточной части улуса Джучи и располагалась к востоку от Волги)[51].

---

[46] ЭССЯ. 1975. Вып. 2. С. 78–79.

[47] Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 2003. С. 260.

[48] Иванов В. В. Цветовая символика... С. 177.

[49] Там же.

[50] Mańczak W. Biała, czarna i czerwona Ruś.

[51] Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1987.

Таким образом, признавая многозначность термина *Белая Русь* и его длительную историческую эволюцию, можно констатировать, что участвующий в нем предикат «белый» первоначально выступал в качестве символического обозначения запада как одной из сторон света. Наиболее вероятным путем производства названий *Белая*, *Черная* и *Червонная Русь*, образующих завершенную цветосимволическую триаду, соответствующую обозначениям сторон света азиатских кочевников, является их заимствование из тюрко-монгольской культурно-языковой среды и распространение в результате монголо-татарского завоевания земель Южной и Юго-Западной Руси в середине XIII в.

Следы проникновения цветовой символики географического ориентирования азиатских кочевых народов в славянскую этнонимику фиксируются и в более раннее время. Один из результатов такого влияния, по-видимому, — этноним *северяне* (*северъ*), известный по Повести временных лет. Предположение о непосредственной связи этого названия с обозначением севера представляется необоснованным. Новейшие исследователи говорят о неславянском происхождении этнонима, который мог образоваться от иран. *seu, *sew ‘черный’. Скифо-сарматское население Северного Причерноморья подобным образом могло именовать своих ближайших северных соседей, каковыми в разное время были как мадьярские кочевые племена, так и древние славяне. Известное на юго-востоке Болгарии племя *северов* (Severi, Σεβέρεις), вероятно, было одним из осколков большого праславянского племени, переселившимся на Балканы вместе с ханом болгар Аспарухом, во всяком случае, большинство современных исследователей считает северов выходцами из антской среды[52].

Для нашего исследования важно подчеркнуть, что трехчленные системы цветовых обозначений, использующиеся в производстве древних этногеографических названий, особенно те, где в качестве третьего компонента выступает красный цвет, в славянской среде должны были возникнуть в результате воспроизведения (восприятия) иной, более универсальной евразийской традиции, носителями которой в позднеримскую и раннесредневековую эпоху были азиатские кочевые народы, участвовавшие в массовых миграциях на запад.

Рассмотренные нами случаи цветовой символики этногеографических названий (*белые* и *черные венгры*, *Белая*, *Черная* и *Червонная Русь*, *Белая* и *Червонная Хорватия*), несмотря на происходившие с течением времени изменения географического и смыслового содержания этих названий, в целом обнаруживают изначальную связь с цветовой символикой ориентирования по сторонам света, цветовые предикаты здесь выступают в топографическом значении: белому, черному и красному цветам соответствуют три стороны света — запад, север и юг.

---

[52] Седов В. В. 1) Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 16–22; 2) Древнерусская народность. М., 1999. С. 80; 3) Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 414; Яйленко В. П. Этимологическое различие этнонимов балканских и приднепровских славян-северов // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 112–113; Агеева Р. А. Страны и народы… С. 42. — См. также: Бонев Ч. Анти и словини в Добруджа през VI в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 56–61; Литаврин Г. Г. О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. М., 1989. С. 27–31.

Еще одна закономерность цветовых этногеографических названий в Европе — это их подвижность в пространстве. Общее направление перемещения таких названий из районов Северного Причерноморья в Центральную Европу и на Балканы совпадает с основным направлением миграций азиатских кочевников и может свидетельствовать о ключевой роли последних в производстве и распространении таких названий.

* * *

«Великая Хорватия» не единственное название, встречающееся в труде Константина Багрянородного, в производстве которого используется предикат *великий* (*-ая*). Неоднократно им упоминается «Великая Моравия» (ἡ μεγάλη Μοραβια)[53], а также «Великая Армения» (ἡ μεγάλη Ἀρμενία)[54], «Великая Испания» (ἡ μεγάλη Ἱσπανία)[55] и «Великая Франгия» (ἡ μεγάλη Φραγγία)[56].

Можно говорить о существовании устойчивой традиции образования подобных географических названий, имеющей отношение к различным европейским народам, в том числе к славянам, подтверждающейся данными многих источников. Укажем только на самые известные примеры: *Великая Польша* (*Великопольша*), *Великая Болгария*, *Великая Русь* (*Великороссия*), *Великая Греция, Великая Венгрия* и др.

Возникает вопрос, насколько достоверны рассмотренные названия, представленные в основном в византийских памятниках? Не являются ли они лишь выражением некой универсальной этикетной традиции этногеографической номинации, существующей в греко-византийской литературе и непосредственно не связанной с подлинными названиями тех стран и народов, которым они приписываются?

Ответить на этот вопрос непросто, поскольку в большинстве случаев средневековые географические названия с предикатом *великий* (*-ая*) встречаются в византийских памятниках и зафиксированы в греческом написании. Однако объясняется это, скорее, общим состоянием европейских источников эпохи раннего средневековья, основу которых составляют произведения греко- и латиноязычных авторов, связанных с позднеантичной и византийской традицией. В тех же случаях, когда наряду со свидетельствами византийского происхождения сохранились данные источников, созданных в иной культурно-исторической среде и отражающих местную традицию этногеографической номенклатуры, мы также наблюдаем факты использования названий с предикатом *великий* (*-ая*), подтверждающие достоверность их употребления в греческой литературе.

Примером может служить название «Великая Армения», встречающееся не только у Константина Багрянородного, но также известное по многочисленным сообщениям древнегреческих, латинских, армянских, иранских, грузинских, арабских и древнерусских источников, возникшее еще в эллинистический период для

[53] ОУИ. С. 52, 53, 54, 55, 160, 161, 164, 165.
[54] Там же. С. 186, 187, 188, 189.
[55] Там же. С. 90, 91.
[56] Там же. С. 96, 97, 98, 99, 118, 119.

обозначения Армянского царства, располагавшегося к востоку от Евфрата[57].

Достоверность славянских этногеографических названий с предикатом *великий(-ая)* также находит подтверждения в источниках местного происхождения. Например, наименование «Великая Польша» (Polonia Maior) в данной форме впервые встречается под 1257 г. в грамоте польского князя Болеслава Благочестивого в его княжеском титуле: «князь Великой Польши» (dux Maioris Polonie); в дальнейшем оно неоднократно встречается в польских памятниках XIII–XV вв.[58]

Другое подобное название — «Великая Русь». Эпитет «великая», употребляющийся по отношению к Руси, спорадически появляется в источниках, как русских, так и иностранных, с XII в. В начале XIV в. в канцелярии константинопольского патриарха стали употреблять название «Великая Русь» для отличия территории старой киевской митрополии от земель Галицко-Волынской Руси, отнесенных к вновь созданной галицкой митрополии и называемых «Малая Русь». Вскоре название «Великая Русь» становится обозначением территории, подчиненной власти великих князей московских[59].

Использование эпитета «великий» для образования географических названий, где он выступает их составной частью, — явление, достаточно характерное для русской ономастики. В качестве примера можно привести названия некоторых древних русских городов — *Великие Луки, Великий Новгород, Ростов Великий*[60]. То же самое следует сказать и в отношении географических названий южных славян. На территории бывшей Югославии до настоящего времени существуют названия типа Veli Vrh, Vele Polje, Vela Vrata, Vela Luka[61].

Можно констатировать, что названия с предикатами «великий (-ая)» и «великие» существовали в славянской среде и в более раннее время, начиная с эпохи расселения славян на Балканах. Для нас особенно важно, что в это время уже существовали составные формы не только топонимов, но и этнонимов, образованные с помощью *веле-*. В качестве примеров можно назвать зафиксированные византийскими авторами в греческом написании этноним «велегезиты» (Βελεγεζῖται, Βελεγεζῆται) и топоним «Велзития» (Βελζητία). Славянское племя *велегезитов* несколько раз упоминается автором «Чудес Святого Димитрия Солунского»[62], а архонта *Велзитии*, расположенной где-то в Элладе, упоминает под 799 г. Феофан Исповедник[63]. Provincia Belegesitia в Греции известна из договоров Византийской империи с Венецией в XII–XIII вв. С велегезитами предположительно связывают и провинцию Velechative, отмеченную в документе о разделе империи 1204 г.[64]

---

[57] Там же. С. 413–414. Прим. 13.

[58] Gąsiorowski A. Wielkopolska // SSS. 1980. T. VI. Cz. 2. S. 440.

[59] Соловьев А. В. 1) Великая, Малая и Белая Русь; 2) Der Begriff «Russland» im Mittelalter // SÄGOE. 1956. Bd I; 3) Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. 12; Попов А. И. Славяне, Русь, Россия // PP. 1972. № 2; Wędzki A. Wielkoruś // SSS. 1980. T. VI. Cz. 2. S. 441–442; Агеева Р. А. 1) Страны и народы… С. 141; 2) Какого мы роду-племени? С. 266.

[60] Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 104, 120, 150.

[61] Geografski atlas Jugoslavije. Zagreb, 1961. S. 246.

[62] СДПИС. Т. II. С. 124, 125, 154, 155, 158, 159.

[63] Там же. С. 288, 289.

[64] Carile A. Patritio terrarum Imperii Romani // Studi Veneziani. 1965. T. 7. P. 222.

Насколько можно судить по имеющимся данным, велегезиты обитали в прибрежной части Южной Фессалии; большое количество славянских топонимов в этой части Греции подтверждает факт наличия здесь славянского населения в средневековье[65]. Этимология этнонима «велегезиты» вызывает значительные разногласия у исследователей, но никто не сомневается в его славянском происхождении. Общепринятым считается и составная форма этнонима с соответствующим членением Βελε+γεζῆται < *Vele+gostiči, либо < *Velij+gosťь, либо < *Vele-jěžь < *Velejězdъ+jь; греч. βελε- в названиях Βελεγεζίται, Βελεγεζῆται и Βελζητία несомненно связано со слав. velijь, velii 'великий, великие'[66].

* * *

Анализ содержания рассмотренных названий, зафиксированных как в трактате византийского императора, так и в источниках иного происхождения, показывает, что основное значение используемого в них предиката *великий* (*-ая*) — не только размер территории или численность населения, но и возрастное старшинство, древность соответствующего этнополитического или географического образования по отношению к его непосредственным преемникам или каким-то иным обособившимся частям, сохраняющим то же название в новых, изменившихся условиях.

Так, «Великой Арменией» во времена Константина Багрянородного именовались прежде всего земли Ширакских Багратидов — древнейшая и наиболее важная часть Армении, ее экономический, политический и культурный центр[67]. Под «Великой Франгией» Константин понимал собственную территорию франков — Трансальпийскую «Франкию». В отличие от этого специального названия термин «Франгия» для византийцев X в. представляет общее обозначение всех западных территорий, некогда подвластных франкам[68].

Наконец, название «Великая Моравия», впервые употребленное в трактате «Об управлении империей» для обозначения территории Великоморавского государства, разрушенного в начале X в. венграми, означало «Старая, Древняя Моравия»[69].

К этой же практике восходит и наименование «Великая Польша (Великополь)». Как показывают специальные исследования, это название соответст-

---

[65] См.: ВИИНЈ. Т. 1. С. 188–189, нап. 5; СДПИС. Т. II. С. 192, прим. 74.

[66] Bury J. B. A history of the later Roman empire (395–800). London, 1889. Vol. I. P. 457, n. 1; Perwolf B. Slawische Völkernamen // AfSPh. 1884. Bd 7. S. 593; Jireček C. Geschichte der Serben. Gotha, 1911. Bd I. S. 94. Anm. 3; Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde. XVI // ZfSPh. 1942. Bd 18, No 1. S. 56; Rospond S. Słowiańskie Imiona w źródłach antycznych // LP. 1968. Vol. 12–13. S. 105; Ditten H. Die Slawen im byzantinischen Heer // Studien zum 7. Jh. in Byzanz. Berlin, 1976. S. 80; Malingoudis Ph. Studien zu den slawischen Ortsnamen Griechenlands. Wiesbaden, 1981. S. 149 f.

[67] ОУИ. С. 414. Прим. 13.

[68] Там же. С. 354. прим. 5.

[69] ОУИ. С. 393. Прим. 23; BIN. S. 89. Anm. 87. — См. также: Kristó Gy. Levedi törzsszövetségétól Szent István államáig. Budapest, 1980. 162 l; Senga T. Morávia bukása és honfoglaló magyarok // Századok. 1983. No 2. 317 l.; Havlik L. ‚Hē megalē Morabia' und .hē chōra Morabia' // BS. 1993. Bd 54. S. 76, 79.

вует понятиям *старшая, (наи)важнейшая часть Польши*[70].

Составные этнотерриториальные названия с эпитетом «великий (-ая)» в местном падеже могут обозначать область прародины, уже покинутую народом или его основной частью. Таким названием выступает хороним «Великая Болгария (Булгария)», обозначающий страну, где проживали предки дунайских болгар. Это название зафиксировано в византийских исторических сочинениях. Так, в «Хронографии» Феофана Исповедника (начало IX в.) читаем:

> ...от этого озера [Меотиды] до реки, называемой Куфис (Кубань. — *А. М.*), где ловится булгарская рыба ксистон, находятся старая Великая Булгария и так называемые котраги (кутригуры. — *А. М.*), являющиеся также их (болгар. — *А. М.*) единоплеменниками[71].

Приведенный отрывок хорошо иллюстрирует связь понятий *великий* и *старый* применительно к этнополитической терминологии. «Старая Великая Булгария», как ее называет византийский источник, — это возникшее в 30-х годах VII в. в Северном Приазовье объединение протоболгар, возглавляемое вождем уногундуров Кубратом. Великая Болгария была первым политическим объединением, предшествовавшим образованию Болгарского государства к югу от Дуная. После смерти Кубрата она распалась под ударами хазар и в прежнем виде и на прежней территории больше не возродилась[72].

Аналогичный пример находим в истории еще одного центральноевропейского этноса — венгров. До начала своего переселения на запад, в Паннонию, венгры жили в стране, именуемой позднее (в источниках XIII в.) «Великая Венгрия» (Magna Hungaria). В эпоху средневековья среди них бытовало представление, что находящаяся далеко на востоке Великая Венгрия — родина венгров и там живет население, говорящее на диалектах, близких к венгерским[73].

Незадолго до монгольского нашествия на Восточную Европу, в 1235–1236 гг., венгерский монах-доминиканец Юлиан предпринял путешествие с целью найти своих соплеменников, оставшихся в Великой Венгрии, и крестить их. Юлиан отыскал таковых близ реки Итиль (Волга), в двух днях пути от какого-то большого булгарского города, и убедился, что они сохранили предание о переселении отсюда основной массы венгров[74]. Совершившие уже после Батыева нашествия поездку в Восточную Европу папские эмиссары Плано Карпини и

---

[70] Wiśniewski J. Nazwa Wielkopolska // Dzieje Wielkopolski. T. I. Poznań, 1969; Gąsiorowski A. Wielkopolska. S. 440.

[71] СДПИС. Т. II. С. 275.

[72] Литаврин Г. Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (конец VII — начало XI в.) // Раннефеодальные государства на Балканах VII–XII вв. М., 1985. С. 137; Тыпкова-Заимова В. Южные славяне, протоболгары и Византия: Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности... С. 44.

[73] Мольнар Э. Проблема этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.

[74] Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах в Восточной Европе // ИА. 1940. Т. 3. С. 81.

Рубрук (соответственно в 1246 и 1253 гг.) также побывали в землях Великой Венгрии[75]. Сопоставив эти известия с данными топонимики и археологии, исследователи локализуют Великую Венгрию в Южном Приуралье, на территории современной Башкирии[76].

К числу подобных примеров, вероятно, можно отнести и название «Великая Скифия» (magna Scythia, Scicia Maior), принятое в средневековой книжной традиции, в том числе в европейской христианской картографии[77]. Оно встречается у Иордана, сообщающего, что от имени «Великой Скифии» происходит новое название «Малая Скифия», обозначающее часть Мезии (Iordan. Gettca. 62). Это же название в форме «Великая Скуфь» зафиксировано в Повести временных лет[78].

Следуя средневековой традиции, некоторые современные историки используют это название для обозначения территории всего Северного Причерноморья и относят к периоду существования здесь могущественного скифского межплеменного объединения, описанного еще Геродотом и другими античными авторами[79]. «Великая Скифия» в таком понимании выступает как синоним понятия *большая Скифия* и обозначает всю территорию, некогда населенную скифами и народами, отождествляемыми с ними.

Но у данного названия, несомненно, было и другое значение, соответствующее понятию *старая, древняя Скифия*, т. е. территория, некогда принадлежавшая скифам, но в дальнейшем ими покинутая. Об этом в полной мере свидетельствует свободная взаимозаменяемость названий «Великая Скифия» и «Древняя Скифия», отмечающаяся в текстах некоторых позднеантичных и раннесредневековых авторов[80].

Название «Великая Скифия» имеет и свою смысловую противоположность — «Малая Скифия». Последнее применялось для обозначения сразу нескольких населенных скифами областей в Крыму, низовьях Днепра и Дуная (Strabonis. Geographica. VII, 4, 5; Iordan. Gettca. 62). Все указанные территории были заселены скифами в более позднее время в результате расширения основной области их обитания или вынужденных миграций. Дунайская Малая Скифия, располагавшаяся в Добрудже, была заселена выходцами из Северного При-

---

[75] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 48, 57, 72.

[76] Теплоухов А. Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // ЗУОЛЕ. 1924. Т. 39; Эрдели И. Большая Венгрия. К вопросу о пребывании древних венгров в Башкирии // АА. 1961. Т. 8, No 1–4; Геннинг В. Ф. Южное Приуралье в IV–VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; Fodor I. Ou le dominicain Julien de Hongrie retrouva-t-il les Hongrois de l'Est? // Les anciens Hongrois et les ethnies Voisines à l'Est. Budapest, 1977. P. 9–20.

[77] Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 191, 193; Чекин Л. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 166, 169, 170.

[78] ПВЛ. С. 10, 16.

[79] См., напр.: Мурзін В. Ю. Велика Скіфія як фактор етногенетичного розвитку давнього населення України // III Міжнародний конгрес україністів. Історія. Ч. I. Харків, 1996; Виноградов Ю. А. и др. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.

[80] Подосинов А. В. Восточная Европа... С. 215. Прим. 52; 246. Прим. 253.

черноморья в основном в эллинистический период, начиная примерно с середины III в. до н. э.[81] Две другие Малые Скифии образовались после разгрома причерноморских скифов сарматами и связываются исследователями с так называемыми поздними скифами и позднескифской культурой[82]. Все эти области, не будучи связаны между собой ни политически, ни территориально, объединяются лишь в одном отношении, — они выступают в качестве своего рода исторических преемников древней «Великой Скифии».

Связь понятий *великий* и *старый*, проявившаяся в производстве этнических названий, подтверждается примерами славянской социально-политической традиции и терминологии. По данным В. В. Колесова, подобная связь четко просматривается в древнерусском языке периода Киевской Руси. Издревле величие индивида в смысле его превосходства над другими в общественно-значимых делах определялось возрастом. Об одном и том же человеке могли сказать *великий* и *старейший* (муж)[83].

Эта же связь понятий отражена в титуле «великий князь», известном также со времен Киевской Руси. Вне зависимости от того, был ли упомянутый титул официальным или выполнял роль своего рода литературного эпитета, передававшего эмоциональное отношение к тому или иному князю и успехам его политики, этот титул выражал идею «старейшинства» в княжеской среде — не столько главенства и власти, сколько авторитета старшинства по возрасту, связанного с древними традициями почитания старости. Связь понятий *великий* и *старый/старший*, закрепленная в титуле «великий князь», не страдала и в тех случаях, когда предполагаемое «старейшинство» князя было мнимым, не отражало его реального возрастного и генеалогического старшинства в княжеском роде, а было лишь следствием личного честолюбия и политических амбиций. Такое положение не изменилось и после падения политического значения Киева и киевских князей, претендовавших на роль *старейших = великих*; в этом качестве их заменили *великие князья* владимирские[84].

Еще более тесная связь понятий *великий* и *старый/старший* закреплена в политической традиции южных славян в древнейший период их истории. Об этом можно судить по своеобразному способу производства собственных имен древних славянских князей путем превращения в антропонимы частей княжеского титула. Такой способ зафиксирован в именах «князя сорбов» Дервана и «князя винидов» Валлука, известных по Хронике Фредегара: «Dervanus dux

---

[81] А н д р у х С. И. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. Запорожье, 1995.

[82] П о г р е б о в а Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64; Ш у л ь ц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (Постановка проблемы) // Проблемы скифской археологии. М., 1971; В ы с о т с к а я Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972; Д а ш е в с к а я О. Д. Поздние Скифы (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

[83] См.: К о л е с о в В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 188–190.

[84] Р о р р е А. 1) O tytule wielkoksiązecym na Rusi // PH. 1984. T. 75. Zs. 3; 2) Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // APH. 1989. No 60.

gente Surbiorum»; «cum Wallucum ducem Winedorum»[85]. По мнению Г. Кунстманна, имя «Дерван» производится от эпитета *dervьnь 'старый, старший', а имя «Валлук» — от эпитета *velьkъ 'великий, старший'; оба они, возможно, входили в состав княжеского титула, один из вариантов которого мог первоначально иметь вид: Wallucus dux = velьkъ dux[86].

[85] СДПИС. Т. II. С. 368, 370.

[86] См.: Kunstmann H. 1) Samo, Dervanus und der Slovenenfürst Wallucus // WS. 1980. Jg. 25. Hft 1; 2) Über die Herkunft Samos // WS. 1980. Jg. 25. Hft 2.

Глава 3

Прародина и расселение хорватов в Центральной Европе и на Балканах

Структура и источники известий о Великой Хорватии и белых хорватах. — Территориальная локализация Белой Хорватии и белохорватов. — Дискуссия о местонахождении хорватской прародины. — Письменная традиция, данные археологии и лингвистики о расселении хорватов.

Источниковедческий анализ известий о хорватах, содержащихся в трактате Константина Багрянородного, дает новые аргументы в решении проблемы реконструкции ранней истории хорватов и локализации хорватских этнополитических образований. Прежде всего выясняется, что 30-я и 31-я главы, содержащие основные сведения о белых хорватах и Великой Хорватии, воспроизводят данные, подчас противоречащие друг другу и не позволяющие воссоздать четкую и последовательную цепь происходящих событий.

30-я глава существенно отличается от других по своей композиции и стилистике. У нее иная и идейно-политическая направленность. Сведения о хорватах, приведенные в этой главе, противоречат тому, что рассказывается о них в 29-й и 31-й главах: в частности, в главе 30-й проводится мысль о самостоятельном поселении хорватских племен на Балканах и об их собственной инициативе в принятии христианства, тогда как в главах 29-й и 31–36-й подчеркивается определяющая роль Византии в истории западнобалканских славян.

Согласно выводам Д. Моравчика, известия о хорватах в трактате Константина в целом представляют собой нагромождение разнородного сырого материала, не получившего надлежащего согласования и литературной обработки со стороны автора. Среди источников императора были как устные свидетельства собственных агентов и чужеземцев, так и данные официальных письменных документов, впоследствии утраченных[1].

Еще Дж. Бьюри пришел к выводу, что 30-я глава — это позднейшая интерполяция в тексте произведения[2]. Данная точка зрения в настоящее время общепризнанна, хотя происхождение, датировка и достоверность сообщений 30-й главы остаются спорными[3]. Вероятнее всего, эта глава была включена в трактат «Об управлении империей» уже после смерти Константина Багрянородного. Бо-

---

[1] Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. T. I. Berlin, 1958. S. 361–367. — См. также: Šišić F. Povijest Hrvata u vremije narodnih vladara. Zagreb, 1925. S. 254–265; Grégoire H. L'origine et le nom des Croates et des Serbes // Byz. 1944–1945. T. 17. P. 88–90.

[2] Bury J. B. The Treatise De administrando imperio // BZ. 1906. Bd 15. S. 523–525. — См. также: Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 96 nn.

[3] См.: ВИИНЈ. Кь. II. С. 26–36; DAI. T. II. P. 97–99; ОУИ. С. 368–369; BIN. S. 158.

лее того, отдельные ее части были написаны не только разными авторами, но и в разное время, не будучи подвергнуты в дальнейшем единой редакторской правке. Отсюда — явные фактические противоречия, например: дважды по-разному указаны размеры территории Далмации и Хорватии[4].

Исследователи отмечают наличие народной основы некоторых сообщений 30-й главы — хорватской и далматинско-романской. Особенно это касается эпизодов переселения хорватов и их борьбы с франками, изложенных здесь более подробно и обстоятельно, чем в 29-й и 31-й главах. Сведения же 31-й главы получены в основном из официальных византийских источников, по крайней мере, в них четче и последовательнее проводится официальная точка зрения на историю взаимоотношений империи со славянами[5].

Часть известий 30-й главы, начиная с сообщения об аварском завоевании Далмации и до рассказа о борьбе с аварами хорватов, принадлежат перу позднейшего анонимного автора, который лишь частично заимствовал их из сочинения императора Константина, соединив с известиями другого источника, не содержавшего сведений о приходе хорватов из северной Белой Хорватии и их борьбе с аварами во времена императора Ираклия[6].

Некоторые сообщения 30-й главы не могли быть связаны ни с хорватскими, ни с далматинскими народными преданиями и, в частности, сведения об императоре Оттоне I, а также интересующие нас данные о границах расселения белых хорватов[7]. Но и в этом случае не вызывает сомнения разное происхождение указанных сообщений. Для 31-й главы сведения о белых хорватах получены явно из византийского источника, на что указывают слова: «белые хорваты <...> обитают по ту сторону Туркии, близ Франгии»[8]. А 30-я глава пользуется северным источником, вероятно, франкского происхождения: хорваты живут за «Багиварией» — Баварией[9].

Согласно Г. Ловмяньскому, часть известий 31-й главы — сведения о нападении на Хорватию печенегов, расстоянии от нее до Черного моря, вооруженных силах и отсутствии флота, а также данные о религиозной принадлежности белых хорватов — не могут происходить ни из западноевропейских, ни из южнославянских (балканских) источников. По предположению историка, в значительной степени эти сведения заимствованы из восточных источников. По сво-

[4] Ферјанчић Б. Структура 30. главе списа De administrando imperio // ЗРВИ. 1978. Књ. 18. С. 76.

[5] Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogenita o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. G. 5. S. 15–18; Klaić N. Najnoviji radovi o 29., 30. i 31. poglavju u djelu De administrando imperio // SHP. Ser. III. Split, 1985. Sv. 15. S. 31–60; Wolfram H. The Image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus // Constantine VII Porphyrogenitus and His Age. Second International Byzantine Conference. Delfi, 1987. Atena, 1989. P. 5–14; Ферјанчић Б. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (осврт на нова тумачења) // ЗРВИ. 1996. Књ. 35. С. 119–120. — Ср.: Budak N. Tumačenje podrijetla i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnich pisaca // Etnogenesa Hrvata. Zagreb, 1995.

[6] Klaić N. Najnoviji radovi... S. 45 n.

[7] Новаковић Р. Нека запажања о 29. и 30. глави De administrando imperio // ЈИЧ. 1972. Књ. 19. С. 52.

[8] ОУИ. С. 375. Прим. 1.

[9] Там же. С. 370. Прим. 14; С. 371. Прим. 16.

ему характеру они напоминают географические описания средневековых арабских авторов, не исключено наличие в них также древнерусских и хазарских элементов[10].

Примечательно, что 30-я глава, ближе стоящая к хорватской народной традиции, вообще не употребляет названия «Великая Хорватия». Здесь встречаются только этнонимы «хорваты» и «белохорваты (белые хорваты)». Хороним «Великая Хорватия» фигурирует лишь в главах, непосредственно связанных с византийской официальной историографией и использующих характерную для нее географическую номенклатуру, в том числе хоронимы, образованные с помощью предиката «великий (-ая)».

Вполне естественно, что сведения, восходящие не только к разным, но и во многом конкурирующим традициям, могли отразить противоречащие друг другу версии исторических событий и использовать несовпадающие по своему смысловому и территориальному содержанию этногеографические названия. Это, в свою очередь, дает право предположить, что выражения «Великая Хорватия, называемая "Белой"» (гл. 31) и «Великая Хорватия, некрещеная, называемая также "Белой"» (гл. 32), соединяющие в себе сразу несколько разных по содержанию определений, — это искусственные конструкции, возникшие с целью устранения имеющихся противоречий. Если так, то между понятиями «Великая Хорватия» и «Белая Хорватия» не может быть полного тождества.

Из сообщений 30-й главы явствует, что этноним «белые хорваты» и соответствующий ему хороним «Белая Хорватия» — сравнительно новые названия, появившиеся в результате расселения хорватских племен на новые территории, в ходе которого ими были освоены земли в Центральной и Южной Европе, и возникли многочисленные новые подразделения хорватского этноса — в Восточной Чехии, на Заале, в Силезии, на Верхней Висле, в Далмации, не говоря уже о более мелких группах[11].

Следовательно, названия «Белая Хорватия» и «белые хорваты (белохорваты)» не могут использоваться для обозначения территории прародины хорватов, как и населявшего ее древнего прародительского племени. Для этой цели должны служить другие названия. В общеславянской и европейской традиции это — хоронимы и этнонимы с предикатом *великий* (*-ая*). В нашем случае таковое — зафиксированное в 31-й и 32-й главах название «Великая Хорватия».

* * *

Великая Хорватия и Белая Хорватия Константина Багрянородного — не одно и то же не только в историческом, но и в территориальном отношениях. К такому выводу приходим в результате сопоставления данных о местах проживания белых хорватов и расположении Великой Хорватии, представленных в 30-й и 31-й главах. Как мы уже видели, 30-я глава определяет место проживания белых хорватов «у Франгии», «за Багиварией». 31-я глава сообщает дополнитель-

[10] Ł o w m i a ń s k i H. Początki Polski. T. II. S. 165–167.

[11] Н и д е р л е Л. Славянские древности. М., 2000. С. 78, 482, прим. 7; Г и м б у т а с М. Славяне: Сыны Перуна. М., 2004. С. 133; С е д о в В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 484.

ные координаты: белые хорваты находятся «по ту сторону Туркии, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами».

«Франгией» хронист, по-видимому, обозначает страну, находившуюся под властью германского короля и императора Оттона I, т. е. Германию в целом[12]. В другом месте он уточняет, что в данном случае речь идет не о всей Германии, а об одной из ее частей — «Багиварии», т. е. Баварии. Если эти сведения почерпнуты из северного (франкского) источника, то ориентировка «у Франгии», «за Багиварией» должна означать: к югу или, точнее, юго-востоку от Баварии.

Другой ориентир — это указание, что белые хорваты находятся «по ту сторону Туркии». «Турками» и «Туркией» Константин, как и другие греческие авторы, именует венгров и Венгерское государство в Паннонии, образовавшееся в начале X в. Если эти сведения заимствованы из южного (византийского) источника, то выражение «по ту сторону Туркии» может означать только: к северу от Венгрии, севернее Венгрии.

Наконец, третий ориентир: белые хорваты соседствуют с некрещеными или белыми сербами. Определить местонахождение последних непросто. Вопрос этот такой же сложный и запутанный, как и вопрос о белых хорватах. Сам Константин по-разному определяет территорию их проживания. В 32-й главе «О сербах и о стране, где они живут ныне» читаем:

> Да будет ведомо, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также «белыми» и живущих по ту сторону Туркии в местности, именуемой ими Воики. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, именуемая также «Белой». Там-то и живут с самого начала эти сербы[13].

«Местность Воики», расположенная к северу от Венгрии и граничащая с державой Оттона I, отождествляется большинством исследователей с Богемией — современной Константину Чехией (*Воики/Бойки* — искаженное «Богемия», т. е. «страна бойев»); иногда, впрочем, наименование *Воики* идентифицируется с названием бойков — этнографической группой в Карпатах[14].

Однако в 33-й главе, повествующей о сербах-захлумах, указывается, что род их правителей «прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле»[15]. Исходя из этого, исследователи располагают «Некрещеную Сербию» в бассейне Верхней Вислы, подтверждением чему служит местная топонимика[16]. Согласно другой точке зрения (более ориентирующейся на показания 32-й главы), областью проживания белых сербов во времена Константина Багрянородного, как и в более раннюю эпоху, была территория между реками Одером, Эльбой и Заале[17].

---

[12] Тем самым подчеркивается преемственность Германской державы саксонской династии X в. и Восточно-Франкского королевства Каролингов IX в. — ОУИ. С. 371. Прим. 16.

[13] Там же. С. 141.

[14] ВИИНЈ. Књ. II. С. 46. Бел. 145; DAI. T. II. P. 130 f.; ОУИ. С. 379. Прим. 4.

[15] ОУИ. С. 149.

[16] ВИИНЈ. Књ. II. С. 47. Бел. 146; Историја Црне Горе. Књ. I. Титоград, 1967. С. 292–293.

[17] Новаковић Р. Одакле су Срби дошли на Балканско полуостpво. Београд, 1978. С. 362, 386–387; Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben

Таким образом, все имеющиеся в тексте трактата византийского императора данные, заимствованные как из франкского, так и византийского источников, ориентируют поиски белых хорватов примерно в одном и том же районе — к юго-востоку от Баварии, к северу от Венгрии и к югу от белых сербов. Как справедливо полагают Б. Н. Флоря и О. А. Акимова, этот регион совпадает с территорией Древнечешского государства[18]. Согласно Г. Ловмяньскому, название «Белая Хорватия» служило для обозначения Чешского государства времен князя Болеслава I, которое на востоке должно было охватывать территорию вислян и, возможно, лендзян[19].

К подобным выводам приходит и Е. Бехцицкий, автор специального исследования о Белой Хорватии. Хорватские племена, именуемые Константином «белохорватами», с запада и юго-запада граничили с баварцами и чехами, на юге — с венграми, на севере — с поляками; их восточная граница точно не определена. Ослабленные ввиду переселения значительной части своих соплеменников на Балканы, белые хорваты попали под влияние соседних славянских государств и были ассимилированы чешскими и польскими племенами. Уже в X в. Белая Хорватия перестала существовать как особая этнополитическая общность: часть хорватов, живших на южных склонах Карпат, вошла в состав Чешского государства Пршемысловцев, другая их часть, обитавшая в Северном Прикарпатье, — в состав Польского государства[20].

По сведениям Константина, Белая Хорватия в X в. признала зависимость от германского императора Оттона I, что также свидетельствует о ее расположении в Центральной Европе[21]. Подобную зависимость значительно труднее было бы представить в отношении Хорватии, размещавшейся к востоку от Карпат.

В пользу локализации Белой Хорватии на пространстве, совпадающем или непосредственно примыкающем к территории Древнечешского государства, кроме труда Константина Багрянородного свидетельствуют и другие источники. Среди чешских племен, перечисленных в грамоте Пражского епископства 1086 г., названы хорваты, жившие в области Орлицких гор; в грамоте 1108 г. упоминаются хорваты на р. Заале; в сочинении арабского географа X в. аль-Масуди говорится о хорватах, живших «между Моравой и Чахиным»[22].

Хорватские племена проживали к востоку от Чехии еще в конце IX в., о чем можно судить по описанию Северной Европы, составленному при дворе англосаксонского короля Альфреда (872–899 или 901). В источнике упоминается пле-

---

im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 7. — 11. Jh. Praha, 1978. S. 441; Fine J.V.A.Jr. The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sexth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. P. 56–58. — См. также: BIN. S. 172. Anm. 364.

[18] ОУИ. С. 370. Прим. 14; С. 375. Прим. 1.

[19] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 169.

[20] Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji // PS. R. 1986/1987. T. 36/37. S. 255–256.

[21] См.: Ронин В. К. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // ВВ. 1983. Т. 44.

[22] Niederle L. Slovanské starožitnosti. D. II. Sv. 1. Praha, 1906. S. 244, 271; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 270–271; Оболенский Д. Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 69.

мя «хоротов» (Choroti, Choriti, Chorithi), которое исследователи единодушно относят к славянам[23] или же прямо отождествляют с хорватами:

> А на восток от мораван есть область Вислы, на восток же от них есть Дакия, где прежде были готы. На северо-восток от мораван находятся далеминцы, а на восток от далеминцев находятся хорваты, на север же от далеминцев находятся сербы, и на запад от хорватов есть область Мэгда...[24]

И хотя в литературе иногда предпринимались попытки локализации хорватов короля Альфреда в верховьях Нейсе, где в более позднее время проживали так называемые силезские хорваты[25], или даже в верховьях Вислы, где обитали польские племена вислян и лендзян, которые в IX в. будто бы также могли называться хорватами[26], наиболее убедительно отождествление их с чешскими хорватами, жившими в районах, прилегающих к Верхней Эльбе[27]

Ближайшее соседство хорватов с Чехией фиксируется источниками X в. В так называемом Первом старославянском житии Вацлава говорится, что после убийства этого чешского князя его братом Болеславом, произошедшего в 930-х годах, мать убитого Драгомира бежала к хорватам[28]. Древнееврейский источник — Книга Иосиппон (середина X в.) — помещает хорватов (Karvati) в одном ряду с мораванами (Morava), сербами (Sorbin) и лучанами (Lučanin)[29]. В последних историки видят племя, жившее в Северо-Западной Чехии[30].

Западные и северные границы Белой Хорватии, вероятно, проходили в районе Заале и Белого Эльстера, что подтверждается длительным существованием в этом регионе хорватских анклавов, которые еще в XIV в. сохраняли автономию, а также хорватской топонимикой[31].

О западном расположении белых хорватов и Белой Хорватии по отношению к другим частям хорватского этноса и их политическим образованиям свидетельствует типологический анализ семантики их названий, точнее говоря, использование в них характерного предиката *белый* (*-ая*).

Как мы уже видели, «цветовые» предикаты, использующиеся при образова-

---

[23] Bosworth J. King Alfred's Anglo-Saxon Version. London, 1859. P. 37; Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 27. Прим. 12.

[24] Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny // Źródła objaśniające początki Państwa polskiego. Źródła nordyckie. T. I. Warszawa, 1961. S. 19, 83.

[25] Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1919. Dil. III. S. 12, 29 (карта).

[26] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 150–152. — См. также: Gaczyński J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski // RP. 1968. T. 12. S. 54–56.

[27] Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie... S. 83; Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 98; Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci: Uwagi dotychące kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // AAC. 1997–1998. T. 34. S. 166.

[28] Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 38.

[29] MMFH. 1969. T. III. P. 380.

[30] Šimek E. Dúdlebi, Volynáné, Lučane, Češti Chorvaté a Čechové // SA. 1948. T. 1. S. 249 n.; Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. S. 167.

[31] Pantelić S. Najstarija povijst Hrvata. Mainz, 1993.

нии этнических названий, приобретают значение локатива (т. е. местного падежа). По своему смысловому содержанию определение «белый» относится к такой системе цветовых обозначений, которая связывается с ориентацией по сторонам света[32]. Одна из наиболее известных в мировой истории космологических цветовых систем, распространившихся почти по всей Евразии во времена раннего средневековья, — это система, восходящая к древнекитайской цветовой символике. Основными цветовыми обозначениями сторон света в этой системе были белый, черный и красный. Черный и красный соответствовали северу и югу, а белый указывал на запад (западное направление) и использовался для обозначения географических объектов, расположенных на западе[33].

Правы были те исследователи, которые высказывали мысль о возможном использовании византийским императором предиката «белый» с целью отличить группировку хорватских племен, расположившихся на западе ареала расселения хорватов от их южных и восточных соплеменников, обосновавшихся на Балканах и в Восточном Прикарпатье[34].

* * *

Вместе с тем нетрудно заметить, что подобная локализация, вполне удовлетворительная для области проживания белых хорватов, не находит соответствия с данными о географическом расположении Великой Хорватии, содержащимися в 31-й главе трактата. Речь идет, собственно, о двух указаниях Константина: 1) Великая Хорватия доступна для грабежей «пачинакитов»; 2) ближайшее к ней море называется «Черным», а путь к нему занимает 30 дней.

Именно эти указания византийского императора легли в основу уже давно сделанного многими исследователями вывода о том, что древнее племенное объединение хорватов, именуемое Великой Хорватией, располагалось на землях к северу и востоку от Карпат и в том числе в Украинском Прикарпатье, точнее говоря, Прикарпатье и Восточная Галиция составляли важнейшую часть территории древних хорватов[35]. П. Й. Шафарик и Л. Нидерле[36] помещали на землях Восточной Галиции и далее на запад до Верхней Вислы древнюю Хорватию.

С опорой на данные топонимики и исторической географии Н. П. Барсов размещал хорватов на обширном пространстве Прикарпатской области по склонам Татранских Карпат от истоков Тисы и Прута на юге до Днестра на востоке и

---

[32] См. с. 15–16, 31–36 настоящей работы.

[33] L u d a t H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen. Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziegungen // Sc. 1953. T. 4. Hft 2. S. 154–155; G a b a i n A. Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // AOAH. 1962. No 1; К о н о н о в А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1978. С. 171–172. — См. также: Z u p a n i ć N. Značenije barvnego atributa v imenu Crvena Hrvata // Et. 1937–1938. T. 10/11.

[34] Т и м о щ у к Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 53; О в ч и н н и к о в О. Східні хорвати на карті Європи // АС. 2000. Вип. 1. С. 153.

[35] Подобные взгляды получили широкое распространение еще в XIX в. — См.: І д з ь о В. С. Учені XIX століття про етногенез Галицької Русі. До питання локалізації і етноутворення прикарпатських хорватів // ІФВ. 1997. Т. 1. С. 163–176.

[36] Š a f a ř i k P. J. Slovanské starožitnosti. T. II. Praha, 1837. S. 254, 406; N i e d e r l e L. 1) Slovanské starožitnosti. D. II. Sv. 1. S. 262–271; D. III. Praha, 1919. S. 184; D. IV. Praha, 1924. S. 155; 2) Славянские древности. С. 76–79.

Вислы на севере[37]. А. А. Шахматов, С. М. Середонин и др.[38] в пределах Восточной Галиции располагали первоначальную Хорватию.

По данным В. В. Седова, подвергшего более строгому отбору географические названия, образованные от этнонима *хорваты*, «славянское племя хорватов было юго-западным соседом дулебов и занимало северные и южные области Восточного Прикарпатья, ныне входящие в территории Украины, Польши, Словакии и Венгрии»[39]. Новейшие историки и археологи уверенно связывают первоначальную территорию расселения хорватов, Великую Хорватию, с позднейшей Галицкой землей[40].

В то же время значительная группа исследователей предлагает для локализации Великой или Белой Хорватии более широкую область не столько в Восточном, сколько в Северном Прикарпатье. Эта область охватывает пространство от Нейсе и верховьев Эльбы на западе и до Буга, верховьев Прута и Сирета на востоке[41]. Иными словами, область хорватской прародины включала в себя обширные территории Чехии, Польши и Западной Украины[42].

Иногда, впрочем, территория древней Хорватии представляется в более усеченном виде — от Северо-Восточной Богемии и до верховьев Вислы[43]. При этом

---

[37] Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 94–95.

[38] Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 32–33; Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 148–152; Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тис. н. е. Київ, 1960. С. 151–152.

[39] Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 125.

[40] Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 162–165; Аулiх В. В. Населення південно-західного пограниччя Київської Русі // Київська Русь: Культура, традиції. Київ, 1982; Русанова И. П., Тимощук Б. А. Древнерусское Поднестровье. М., 1983. С. 22; Тимощук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 174; Оприск В. Г. До питання про етнічну історію Східних Карпат X–XIII ст. // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Materiały z konferencji. Rzeszów, 1996.

[41] Wojciechowski T. Chrobacya. Kraków, 1873; Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 119 f., 129–139; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. P. 268–297; Vlahović P. Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their anthropological conformation // ES. 1972. T. 4. P. 25–41; Войтович Л. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Т. І. Львів, 1998. С. 62.

[42] Szelągowski A. Kwestia ruska w świetli historii. Warszawa, 1911. S. 53 n.; Hauptmann Lj. 1) Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 88–120; 2) Das Regensburger Priwileg von 1086 für das Bistum Prag // MIfÖG. 1954. T. 62. S. 147; Županić N. Prvobitni Hrvati // Zbornik Kralja Tomislava; Hrubý V. Původni hranice biskupstvi pražského a hranice říše české v 10 století // ČMM. 1926. T. 50. S. 95 n.; Rus J. Slovanstvo in vislianski Hrvatje 6. do 10. stoletje // Et. 1933. T. 6; Vernadsky G. Great Moravia and White Chorvatia // JAOS. 1945. Vol. 65. T. 3. P. 257–259; Jamka J. Uwagi o badaniach lingwistycznych nad przeszłością Słowian w świetle archeologii protohistorycznej // PS. 1952. T. 3. S. 34; Sakać S. The Iranian Origins of the Chroata. The Chroatian Nation. Chicago, 1955; Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 69; Mandić D. Hrvati i Srbi dva stara različita naroda. München, 1971. S. 13 f.; Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana // Poljica. Gata, 1982. Sv. I; Váňa Z. The World of the Ancient Slavs. London; Praha, 1983; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji. S. 247–249.

[43] Grafenauer B. Prilog kritici izvjestoja Konstantina Porfirogeneta... S. 34–37; Kronsteiner O. Gab es unter den Alpenslawen eine kroatische ethnische Gruppe? // WSJ. 1978. Bd 24. S. 141; Fine J.V.A.Jr. The Early Medieval Balkans: A Critical Survey from the Sexth to the Late

земли Малой Польши образовывали территориальное ядро Великой Хорватии: здесь, в бассейне Верхней Вислы, располагалась славянская область Chordab, Chravat, Chrvat, о которой говорят арабские авторы IX–X вв.[44]

Данные письменных источников находят поддержку у лингвистов, археологов и антропологов. Первые устанавливают наличие польско-древнехорватских изоглосс, в частности, общей формы kъsęzь, проявившейся в имени одного из семи хорватских предводителей Κοσέντζης (в рассказе Константина о переселении хорватов в Далмацию) и давшей польск. ksiądz[45]. Археологи подтверждают существование в окрестностях Санока древнего племенного образования, отождествляемого с хорватами, впоследствии распространившего область своего проживания и на другие малопольские земли[46].

Традиция самоидентификации части жителей Малой Польши с древними белыми хорватами существовала на протяжении многих столетий. Заслуживает внимания такой факт: по опубликованным данным эмиграционных комиссий правительства Соединенных Штатов Америки, относящимся к концу XIX в., польские эмигранты, выехавшие из районов Малой Польши, в официальных эмиграционных документах обозначали себя как «белые хорваты»[47].

Согласно гипотезе Е. З. Гачиньского, возникшее на малопольских землях древнее хорватское сообщество относится к V–VIII вв. Этноним *хорваты* происходит от иранского антропонима *Хорват*, известного Константину Багрянородному. Хорват был предводителем аланской дружины, действовавшей в составе армии гуннских завоевателей, и в качестве гуннского наместника правил обширной областью вдоль северных склонов Карпат от верховьев Одера на западе до Горыни на востоке, населенной в основном славянами. Другим вождем древних хорватов был Крак — легендарный основатель Кракова, после смерти которого на рубеже VIII–IX вв. хорватский союз распался на несколько племен. В течение IX в. в Малой Польше на первое место выдвигаются племена вислян и лендзян[48].

Однако «малопольская теория» находит и немалое число противников, указывающих, что хорваты в древности не могли занимать столь обширную территорию. По крайней мере, нет доказательств их пребывания в верховьях Вислы и на землях исторической Малой Польши: здесь по данным различных источников из-

---

Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. S. 56–57. — См. также: DAI. P. 116; ОУИ. С. 370. Прим. 14; С. 375. Прим. 1; BIN. S. 161. Anm. 326.

[44] Ильинский Г. Белая Хорватия // SO. 1930. T. 9; Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego // SCP. 1948. Styczeń — grudzień. S. 24–34; Historija naroda Jugoslavia. Zagreb, 1953. S. 91; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 130–200; Skowronek J., Tanty M., Wasilewski T. Historia Słowian południowych i zachodnich. Warszawa, 1977. S. 23; Repeta J. Przegląd badań nad etnogenezą Łemków // Wierchy. 1993. T. 57. S. 194–195.

[45] Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // ЗРВИ. 1999–2000. Кн. 38. С. 149.

[46] Jamka R. Wyniki badań wykopaliskowych w Rzeszowskiem w 1962 r. // SROA. 1962. S. 5–6; Kunysz A. 1) Osadnictwo wczesnośredniowieczne w dawnej Ziemi Sanockiej ze szczególnym uwzględnieniem Sanoka w świetle źródeł archeologicznych // RWR. 1960/61. T. 3. S. 55–104; 2) Przemyśl w starożytności i średniowieczu. Rzeszów, 1966. S. 27.

[47] Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy… S. 248.

[48] Gaczyński J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski.

древле проживали польские племена. Топографическая интерпретация известий арабских источников крайне затруднена ввиду их палеографических и филологических особенностей, что не дает возможности для более или менее надежных выводов. Не подтверждается хорватское присутствие в районе Верхней Вислы и свидетельствами Константина Багрянородного, поскольку нельзя отождествлять «Багиварию» с располагавшейся у истоков Вислы «Бабьей Горой», название «Воики» следует читать как «Boimi» и идентифицировать с Богемией, а под «Черным морем» византийский император подразумевал Балтийское море. Все это, а также упомянутые данные Пражской привилегии 1086 г. становится основанием для локализации Великой Хорватии в пределах северо-восточной Чехии[49].

Впрочем, в споре о хорватской прародине исчерпаны далеко не все аргументы. В последнее время выдвинут ряд новых теорий этногенеза хорватов[50]. Одна из них, в частности, доказывает, что, вопреки общепринятому мнению, основывающемуся на сообщениях Константина Багрянородного, хорваты прибыли на свою историческую территорию не с севера, а с юга. Произошло это не в связи с аваро-византийскими столкновениями 620–630-х годов, ослабившими Аварский каганат, а в конце VII или даже в конце VIII в. во время военных действий франков против аваров, а область прародины хорватов следует искать на землях Карантании[51].

К такому же выводу пришла в своих последних работах и Н. Клаич. Вопреки ранее высказанным взглядам[52] исследовательница путем вычленения из текста 30-й главы трактата «Об управлении империей» известий некого Анонима, использовавшего подлинную хорватскую версию прихода хорватов в Далмацию, устанавливает, что Константин приурочил переселение далматинских хорватов ко временам правления Ираклия единственно ради возвеличивания Византии, ведь хорватам было дозволено поселиться на новых землях по милости императора. В качестве прародины хорватов царственный историк совершенно произвольно избрал современную ему Великую или Белую Хорватию, — сильную хорватскую державу, сложившуюся в X в. в границах Малой Польши, в то время как в действительности далматинские хорваты прибыли из Карантании, и произошло это намного позднее — в начале IX в.[53]

---

[49] W e s t b e r g F. Ibrahim ibn Jakubs Reisebericht über die Slavenlande aus dem Jahre 965. SPb., 1898. S. 99 f.; C h a l o u p e c k ý V. Staré slovensko. Bratislawa, 1923. S. 31; W i d a j e w i c z J. 1) Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 13–30; 2) Pierwotne dzieje Polski // PZ. 1952. № 11–12. S. 374–380; L a b u d a G. 1) Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 194 n.; 2) Polska, Czechy, Rus' i kraj Lędzian w drugiej połowie X wieku // L a b u d a G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 193; L e h r - S p ł a w i ń s k i T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // PS. 1951. T. 2; T u r e k R. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957. Passim, Mape 3; H a v l i k L. Tři kapitoly z najstarších česko-polských vztahů // SHS. 1961. T. 4. S. 17–26; N a l e p a J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. S. 163–165.

[50] См.: Š v a b M. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // Etnogenesa Hrvata.

[51] M a r g e t i ć L. 1) Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // ZHZJ. 1977. Sv. 8; 2) Još o dolasku Hrvata // HZ. 1985. G. 38; 3) Još o pitanju vremena dolaska Hrvata // ZČ. 1988. Let. 42. Št. 2; 4) Neka pitanja etnogeneze Hrvata // RZHP. 1995. Sv. 28.

[52] K l a i ć N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975. S. 139 n.

[53] K l a i ć N. 1) O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskich Hrvata // ZČ.

Дополнительную аргументацию «карантанская теория» получила в трудах Г. Кунстманна. На основании главным образом лингвистических данных ученый приходит к еще более масштабному выводу, что не только хорваты, но и все славянское население Центральной Европы и Закарпатья, вопреки принятым ранее теориям расселения славян, прибыло с территории Балкан, а точнее — византийских провинций Фракии, Мизии и Иллирии, и таким образом расселение славян в Европе происходило в направлении с юга на север[54].

Вопрос о времени и обстоятельствах появления славян на Балканах в работах Г. Кунстманна не получил должного освещения. По этому поводу исследователь более или менее определенно высказался только частным образом — в письме к Г. Бирнбауму, указав, что славяне — не автохтонное население Балканского полуострова, а проникли туда около 550 г. из регионов Восточной Европы, прорвав византийскую оборону на Дунае. Прежней территорией обитания славян были обширные земли от Полабья до Поднепровья, которые они занимали в раннем средневековье[55].

Мы не будем входить в подробное обсуждение этой теории, поскольку оно неизбежно увело бы нас далеко от поставленной в настоящем исследовании цели. Укажем только, что теория балканского происхождения славянских народов, проживающих к югу и западу от Карпат и в том числе хорватов, в настоящее время находит немало новых сторонников[56]. В пользу более раннего появления хорватских племен на Балканах и автохтонности славянского населения в этом регионе как будто свидетельствуют и некоторые антропологические материалы[57].

Однако «балканская теория» встречает немало критических замечаний и принимается далеко не всеми современными исследователями[58]. В новейшей литературе по истории расселения хорватов в Далмации происходит дальнейшее переосмысление известий Константина Багрянородного и преобладает позитивное отношение к ним (прежде всего к известиям 30-й главы) как к основному и

1984. Let. 38. Št. 4; 2) Poganska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // CChP. 1988. G. 12. B. 21; 3) Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1990. S. 18–27.

[54] Kunstmann H. 1) Über den Namen der Kroaten // WS. 1982. Jg. 27. Hft 1; 2) Kamen die westslavischen Daleminci aus Dalmatien? // WS. 1983. Jg. 28. Hft 2; 3) Die Hydronyme *Nitra*, *Cetinka*, *Žitava* und *Ipel* — Zeugen der slavischen Süd-Nord Wanderung // WS. 1988. Jg. 33. Hft 2; 4) Beiträge zur Geschichte der Besiedlung Nord- und Mitteldeutschlands mit Balkanslaven // SB. 1987. Bd 217.

[55] Birnbaum H. Auf der Suche nach den Ursprüngen der Slaven // Ars philologica Slavica. Festschrift für Heinrich Kunstmann. München, 1988.

[56] Klaić N. Eine erfolgreiche neue Theorie über die Frühgeschichte der Slaven // Ars philologica Slavica.

[57] Mužić I. 1) Podrijetlo Hrvata. Zagreb, 1989; 2) Podrijetlo i pravjera Hrvata. Split, 1991.

[58] См.: Suić M. Ocijena radnije L. Margetića // ZHZJ. 1977. Sv. 8; Košćak V. 1) Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928 // HZ. 1980–1981. G. 33–34; 2) O nekim pitanjima hrvatski povijesti u ranom srednjem vijeku // HZ. 1984. G. 37; 3) Dolazak Hrvata // HZ. 1987. G. 40. Sv. 1; Stih P. 1) Karantanija = stara domowina Hrvata // ZČ. 1987. Let. 41. Št. 3; 2) K polemiki o vprašanju časa prihoda Hrvata // ZČ. 1990. Let. 43. Št. 1; 3) Novi pokušaji rješavanja problematike Hrvata u Karantaniji // Etnogenesa Hrvata; Katišić R. Kunstmannovi lingvisticki dokazi o seobi Slavena si uga na sjever // SHP. 1990. Ser. III. Sv. 20; Ферјанчић Б. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуостврво…

наиболее достоверному источнику по данной проблеме, признается возможность переселения хорватов в Далмацию в качестве федератов Византии с согласия императора Ираклия[59].

* * *

Возвращаясь к так сказать основному пути поисков хорватской прародины, можно отметить, что в современной литературе распространено мнение о невозможности однозначного решения данного вопроса и о двух основных вариантах локализации Белой Хорватии — на территории Чехии или на более широком пространстве от Чехии до Восточной Галиции[60]. Нет единства и по вопросам этнической принадлежности древних хорватов, происхождения этнонима *хорваты* и распространения связанной с ним топонимики, — некоторые новейшие авторы сознательно отказываются от решения подобных вопросов как не имеющих перспективы при современном состоянии источников и методов их использования[61].

В то же время высказываются и более категоричные суждения. Так, комментаторы новейших изданий труда Константина утверждают, что в 31-й и 32-й главах, где речь идет о Великой и Белой Хорватии, автор имеет в виду «одно и то же этнополитическое образование, локализуемое, бесспорно, на территории Чехии»[62]. Другой новейший исследователь полагает, что северную прародину хорватов, каковой была Белая Хорватия, Константин «по ошибке поместил на территории Чехии»[63].

Высказывалось и такое мнение, что белые хорваты в какое-то время оказались разделенными надвое. В X в. можно говорить уже о двух осколках этого племени, считает Я. Репета, — западном, локализуемом в Чехии, и восточном, локализуемом на границе Польши, Украины и Словакии[64]. Такое мнение опирается на уже известную нам средневековую традицию цветового обозначения сторон света, принесенную в Европу тюрко-монгольскими степными кочевниками, в соответствии с которой белый цвет символизировал запад. Отсюда белые хорваты = западные хорваты.

Однако, по справедливому замечанию Е. Налепы, при таком понимании значения предиката «белый (-ая)» в названии хорватов и Хорватии Белую Хорватию, как и белых хорватов никак нельзя помещать на востоке, т. е. на землях

---

[59] Katišić R. Uz početke hrvatskih početaka. Split, 1993. S. 250–261; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 87–89, 96.

[60] ВИИНД. Кн. II. С. 37–38. Бел. 115; Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964. С. 8–10; Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen… S. 441; Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 167.

[61] Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław, 1991. S. 66–67; Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne. Lublin, 1996. S. 42–43.

[62] ОУИ. С. 377–378. Прим. 18.

[63] Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991. С. 80.

[64] Repeta J. Przegląd badań nad etnogenezą Łemków. S. 196.

Руси или на польско-русском пограничье. Здесь могла находиться «Восточная Хорватия», но такого образования древние источники не знают. Исходя из расшифровки названия, Белая Хорватия должна помещаться только на западной окраине хорватского ареала в Европе, т. е. в Северной Чехии[65].

Согласно гипотезе Л. В. Войтовича, Великая Хорватия, в середине VI в. занимавшая территорию от среднего течения Прута и Днестра на востоке до верхнего течения Вислы и Эльбы на западе, в X в. уже не существовала. На западе ее территории возникла Белая Хорватия, которая, возможно, также имела название «Великой». Между западной Белой Хорватией и восточными землями Великой Хорватии вклинились силезские и лехитские племена, главным из которых были *висляне*[66].

Важное значение для продолжения научного поиска в интересующей нас области приобретают данные археологии и этнолингвистики. Научными открытиями последнего времени засвидетельствовано раннее появление славян в области Подунавья и на землях Балканского полуострова.

В канун Великого переселения народов основной массив славянских племен занимал территорию от берегов Балтийского моря до северных склонов Карпатских гор, прежде всего — бассейн Вислы. Но уже к III–IV вв. территория расселения славян значительно увеличилась. Часть славянских племен мигрировала в южном направлении, что подтверждается данными письменных источников (Певтингеровы таблицы)[67]. Новые волны славянского населения прибывают в районы Верхнего Поднестровья и Днестро-Днепровского междуречья, кроме того, поселения славян достигают нижнего течения Дуная[68].

В конце IV–V в. некоторая часть славян-антов, будучи втянута в движение гуннов на запад, вместе с ними расселилась на землях Среднего Подунавья. Помимо археологических свидетельств (распространение в указанном регионе памятников, генетически связанных с черняховскими древностями Северного Причерноморья) наличие в составе подчинявшихся гуннам «скифов» (славян) подтверждается данными этнолингвистики и топонимики, зафиксированными в византийских письменных источниках. Приск Панийский, секретарь византийского посольства, посетившего в 448 г. ставку Аттилы, отмечает пестрый этнический состав ее населения, говорившего на разных языках, в том числе на язы-

---

[65] Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. S. 162.

[66] Войтович Л. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? С. 62.

[67] СДПИС. Т. I. С. 69–76.

[68] Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–III вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС. 1976. Т. 17. S. 79–80; Седов В. В. 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 31; 2) Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 186–198; Королюк В. Д., Наумов Е. П. Перемещения славян в Юго-Восточной Европе и формирование народностей // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы. М., 1979. С. 41–42; Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н. Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 13; Баран В. Д. 1) Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 81–84; 2) Велике розселення слов'ян // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 83–85; Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 78.

ке «авсониев»[69]. Использование этим населением характерных терминов «medъ» и «strava» определенно указывает на присутствие славян. О славянской атрибуции «авсониев» свидетельствуют и другие детали в описании Приска, в частности, гидронимы *Тиса* и *Тимиш*[70].

Однако основная волна славянского расселения в Подунавье и на Балканах происходила в VI в.[71] Именно с этой волной связывается появление в указанном регионе славянских племен, носивших этноним *хорваты*. Хорваты поселились в Далмации не позднее рубежа VI–VII вв. многочисленной группой, вытеснив прежнее романизированное население в гористые местности и на острова Адриатического моря[72]. Примерно в то же время происходило и хорватское расселение в Истрии. Археологическими данными подтверждаются сообщения письменных источников об освоении территории полуострова славянами вместе с аварами в период между 599 и 611 гг.[73]

Хронология хорватских древностей на Балканах заставляет исследователей предполагать, что славянское переселение на эти земли находится в прямой связи с аварским вторжением в Восточную Европу. К такому выводу пришел еще Л. Нидерле, согласно которому «нет ничего невозможного в том, что причиной распада Хорватской империи (так историк называет древнюю державу хорватов в Прикарпатье. — *А. М.*), а также, разумеется, разделения ее на несколько частей и вытеснения хорватского ядра на юг от Карпат вплоть до Савы явилось нашествие аваров в начале VI века на территорию современной Галиции»[74]. Новейшие исследователи говорят об этом с еще большей уверенностью. По мысли В. В. Седова, «археологические материалы <...> позволяют утверждать, что хорваты появились в Далмации в составе крупной переселенческой волны вместе с аварами и, может быть, ведомые конными отрядами аваров»[75].

К подобному выводу склоняют историков и результаты лингвистических исследований. По данным, полученным В. Ягичем, балканские хорваты и сербы не могли иметь особое происхождение, отличное от других балканских славян,

---

[69] СДПИС. Т. I. С. 87.

[70] Niederle L. Slovanské starožitnosti. D. II. Sv. 1. S. 138; Баришић Ф. Приск как извор за најстарију историју Јужних Словена // ЗРВИ. 1958. Кн. I. С. 53–59; Popović J. Quel était le peuple pannonien qui parlait médos et strava? // ЗРВИ. 1961. Кн. 7. С. 198; Гиндин Л. А. 1) К вопросу о хронологии и характере славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей; 2) К вопросу о хронологии начальных этапов славянской колонизации Балкан (по лингвофилологическим данным) // БЕ. 1983. Т. 26, № I. С. 29–31; Кланица З., Тржештик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 228–229; Бибиков М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 28–29, 37–38.

[71] Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. S. 79–81.

[72] Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. Godine // VAMZ. Ser. 3. 1971. Sv. 5; Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980.

[73] Marušić B. Prilog poznavanju kaznoantičkog Nezakcija // SHP. Ser. III. 1986. Sv. 16. — См. также: Гимбутас М. Славяне: Сыны Перуна. С. 128; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. S. 86–87.

[74] Нидерле Л. Славянские древности. С. 78.

[75] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 489–490. — См. также: Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. S. 81–83.

языки которых обладают устойчивой общностью, указывающей на единство происхождения. Балканские хорваты и сербы не могли быть выходцами из районов Полабья, где в исторические времена проживали отдельные группы сербского и хорватского населения — лужицкие сербы и чешские хорваты. Ряд языковых особенностей заставляет предполагать, что балканские славяне прибыли из областей, располагавшихся к востоку от Вислы вплоть до Днестра. Кроме того, переселение на Балканы должно было произойти раньше того времени, о котором рассказывает Константин Багрянородный[76].

Данные археологии и лингвистики действительно способны поставить под сомнение сообщение нашего главного источника сведений о ранней истории хорватов и их древней прародине, каковым являются соответствующие разделы трактата «Об управлении империей». Однако для полного отрицания содержащихся в них сведений нет оснований. На самом деле археологические и лингвистические данные исключают возможность прибытия основной части далматинских хорватов с севера, из районов Полабья, с которыми принято связывать Белую Хорватию Константина. Эти данные указывают, что в массе своей хорваты, как и другие балканские славяне, прибыли из более восточных районов и не во времена правления императора Ираклия (610–641), а несколько раньше.

Однако переселение далматинских хорватов с севера засвидетельствовано не только императором Константином и, следовательно, не может быть приписано его «фантазии». В древнейших письменных памятниках, так или иначе связанных с историей расселения славян на Балканах, факт прибытия хорватских племен и другого славянского населения в Далмацию с севера получил самое широкое отражение. Он подтверждается сведениями многих средневековых источников, в том числе и хорватских, независимо друг от друга отразивших общую традицию о северном происхождении балканских славян. Мы имеем в виду сообщение Фомы Сплитского о приходе в Далмацию «из Польши и Чехии» «семи или восьми колен знати» славянского племени «лингонов», известие Летописи попа Дуклянина о появлении на Балканах «готов-славян», пришедших из «северной страны» и другие данные[77]. Средневековая чешская хроника Далимила выводит дунайских хорватов из страны, находившейся к северу от Карпат[78]. О миграции славян с севера на юг и прибытии их значительных масс на Балканы через Дунай говорят и более древние источники, начиная с середины VI в.[79]

Дальнейшими разысканиями филологов и историков положения В. Ягича и

---

[76] Jagič V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen // AfSPh. 1895. Bd 17. — Выводы В. Ягича нашли поддержку и были приняты многими исследователями (см.: Margulièš A. Historische Grundlagen der südslawischen Sprachgliederung // AfSPh. 1926. Bd 40. S. 199; Šišić F. Povijest Hrvata… S. 249). Признавая правоту ученого в части, касающейся языкового единства балканских славян, вместе с тем следует заметить, что этих фактов недостаточно, чтобы полностью отвергать известия Константина Багрянородного о Великой и Белой Хорватии как «фантастические» (см.: Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 119).

[77] См.: Акимова О. А. Развитие исторического самосознания хорватов в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.

[78] FRB. 1884. D. III. P. 1.

[79] См.: Nalepa J. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Podstawy jedności i jej rozpad. Poznań, 1968. S. 99 n.

других скептиков, отвергавших сведения Константина Багрянородного как недостоверные, были окончательно поколеблены. В частности, было установлено, что разделение славянских языков на три группы (западную, восточную и южную) не могло произойти ранее расселения славян на Балканах, языковые различия в период расселения не были значительными, а общность языков балканских славян — это результат не их изначального единства, а многовекового совместного проживания и тесного взаимодействия в последующее время[80].

При всей разнице во взглядах в решении конкретных вопросов славянского языкознания современные исследователи сходятся в том, что вплоть до окончания эпохи Великого славянского расселения сохранялось единство праславянского языка, общего для всех славян[81]. Этот вывод в равной степени позволяет доказывать происхождение современных хорватов от древних славянских общностей, обитавших в различных частях Карпатского региона и участвовавших в этногенезе как восточных, так и западных славян[82].

Таким образом, ни с лингвистической, ни с исторической точек зрения не исключается возможность особого происхождения балканских сербов и хорватов, расселившихся на территории полуострова позже основной массы славянских переселенцев.

В свое время Б. Графенауэр выдвинул предположение о двух хорватских переселениях. «Первая дисперсия» хорватов вместе с сербами и дулебами произошла в 60-х годах VI в., в результате которой хорваты в числе первых славянских переселенцев появились на Балканском полуострове, в Восточных Альпах и на Эльбе. Далматинские же хорваты возникли в результате «второй переселенческой волны», также вызванной действиями аваров. Произошло это второе переселение или «доселение» хорватов на Балканы примерно в 622–623 гг., когда Аварский каганат готовился к новой войне с Византией, что и позволило хорватам прорваться на юг через Паннонию[83]. В новейшей работе Б. Графенауэр подтверждает ранее высказанное предположение, связывая переселение хорватов в Далмацию с восстанием Само[84].

Этот второй переселенческий поток хорватов был немногочисленным и потому не мог повлиять на общую языковую ситуацию на Балканах. Его составляла отдельная воинственная группа — боевая дружина, возможно даже имевшая

---

[80] Van Wijk N. Les lanques slaves du Sud // Le Monde Slave. 1937. T. IV. S. 76–101; Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. S. 194–262; Nahtigal R. Slovanski jezyki. Ljubljana, 1952. S. 6 sl.

[81] Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 42–52; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 99–110; Георгиев В. Три периода развития праславянского языка // Славянская филология: Доклады и статии за VII Международен конгресс на славистите. Езикознание. София, 1973; Lemprecht A. Praslovanština a jeje chronologické členéni // Československé přednášky pro VIII mezinárodni sjezd slavisů v Zahrebu. Lingvistika. Praha, 1978; Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław, 1991. S. 88 n.

[82] Ср.: Zástěrová B. Hlavni problemy z počatku dejin slovanskych narodů // VPS. 1956. T. 1 S. 42; Nalepa J. Słowiańszczyzna północno-zachodnia.

[83] Grafenauer B. 1) Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja Južnih Slovanov // ZČ. 1950. T. 4; 2) Prilog kritici izvjestaja...

[84] Grafenauer B. Zgodovina slovenskoga naroda. Ljubljana, 1994. T. 1. S. 44.

иранское происхождение, которая быстро растворилась и полностью ассимилировалась в славянском большинстве населения Далмации. К подобным выводам пришли также Т. Лер-Сплавиньский и Б. Застерова[85].

В ранних работах Н. Клаич, исходя из сообщений Константина Багрянородного, относила время первого переселения хорватов на Балканы к правлению императора Ираклия. Исследовательница предлагала и более точную дату этого события — 614 г., которую определяла в соответствии с датой падения Салоны, известной по надписи в надгробье аббатисы Иоанны[86].

Возможна и другая датировка переселения хорватов в Далмацию, предложенная еще Л. Гауптманном, согласно которому это переселение должно было произойти вскоре после 626 г., когда против потерпевших сокрушительное поражение от Византии аваров восстали ранее покоренные ими народы. Тогда и прорвалось в Далмацию племя воинственных белых хорватов, победивших аваров и вместо них ставшее властвовать над жившими здесь славянами — переселенцами первой волны[87]. Есть версия о том, что хорваты могли прибыть в Далмацию по приглашению василевса Ираклия в 630 г.[88]

Новейшие критики подобных построений указывают, что их создатели слишком буквально следуют сообщениям Константина Багрянородного. Л. Гауптманн и Б. Графенауэр смогли доказать существование Великой или Белой Хорватии в X в., т. е. во времена самого Константина, но еще никому из историков не удалось доказать их существование в VI и начале VII в., т. е. во времена славянского переселения на Балканы. И вообще в X в. далматинские хорваты едва ли могли сохранить память о событиях трех- или даже четырехвековой давности, в том числе о своей древней прародине и ее точном местонахождении[89].

В поздних своих работах Н. Клаич пришла к выводу, что важнейшим указанием анонимного автора 30-й главы трактата «Об управлении империей», почерпнутым из достоверного хорватского источника и идущим вразрез с «притчей царя Константина», является тот факт, что хорваты и до своего прихода в Далмацию и после него признавали власть франков. Признавать власть франков среди многочисленных хорватских группировок в Центральной Европе могли только карантанские хорваты, и, следовательно, в Далмацию хорваты прибыли из Карантании. Подобное переселение должно было произойти не ранее начала IX в. Значит, все известия Константина о далматинских хорватах более раннего

---

[85] Lehr-Spławiński T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich. S. 111; Zástěrová B. Hlavni problémy… S. 42.

[86] Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975. S. 139.

[87] Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata. S. 127. — Такое объяснение обстоятельств поселения хорватов в Далмации и датировка его 20–30-ми годами VII в. получили широкое распространение в исторической литературе. — См.: Наумов Е. П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв. М., 1985. С. 192–193; Акимова О. А. Формирование раннефеодальной хорватской государственности // Там же. С. 219 сл.; Macan T. Povijest hrvatskog naroda. Zagreb, 1992. S. 15–16.

[88] Šanjek T. Krscanstvo na hrvatskom prostoru. Zagreb, 1991. S. 15; Pavlišić D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 15.

[89] Klaić N. 1) O problemima stare domovine…; 2) Poganska Stara ili Vela Hrvatska…

времени не достоверны, хотя признание этого не исключает появление в Далмации славянского населения уже в VI–VII вв.[90]

Для нас важно подчеркнуть, что при всех имеющихся разногласиях не подлежит сомнению подтвержденный археологическими и лингвистическими данными путь (точнее говоря, его общее направление), по которому прибыли славянские обитатели Балканского полуострова, а также время и причина славянского переселения, в котором принимали участие и племена древних хорватов. Этот переселенческий поток пришел с северо-востока, и начало его следует искать в Восточном Прикарпатье. Расселение прикарпатских славян на Балканах произошло во второй половине VI в., и причина его кроется в аварском нашествии, которому подверглась территория первоначальной Хорватии — прародины европейских хорватов.

Если начало хорватского переселения в Подунавье и на Балканы действительно стоит в связи с аварским вторжением, то данное обстоятельство выступает дополнительным подтверждением расположения прародины хорватов к востоку от Карпат. Первоначальное аварское наступления разворачивалось в Восточной Европе, и, по данным достоверных источников, в VI в. авары подчинили себе восточнославянское племя дулебов, жившее на Волыни, а также стали виновниками распада антской державы в Северном Причерноморье[91].

В 60-х годах VI в. авары уже были на Дунае, где в союзе с лангобардами нанесли поражение гепидам и вскоре стали полновластными хозяевами Паннонии и Среднедунайской низменности, создав мощное государственное образование — Аварский каганат, простиравшийся от Венского леса и Далмации на западе до Потисья на востоке[92]. Наличие значительного славянского компонента в составе населения Аварского каганата, включившего в себя часть покоренных славянских племен Восточной Европы, подтверждается известиями письменных источников, многочисленными археологическими материалами и данными топонимики[93]. Под предводительством аваров славяне участвовали в многочисленных вторжениях в пределы балканских владений Византии (Далмацию, Мезию, Фракию, Македонию) во второй половине VI — начале VII в., постепенно оседая на новых землях[94].

---

[90] Klaić N. O problemima stare domovine… С. 260–262.

[91] Нидерле Л. Славянские древности. С. 79, 483. Прим. 11; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 236–237. — По мнению Ю. В. Бромлея, в прикарпатские области дулебов и хорватов авары совершали нападения с территории Подунавья: Бромлей Ю. В. Среднее Подунавье в VI–IX вв. // История Венгрии. Т. I. М., 1971. С. 75.

[92] Подробно см.: Avenarius A. Die Awaren in Europa. Amsterdam; Bratislava, 1974; Ковачевић J. Аварски каганат. Београд, 1977; Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk im Mittelalter. 567–822. München, 1988.

[93] Barada M. Hrvatska dijaspora i Avari // SHP. Ser. III. 1952. Sv. 2; Korošec J. Archeološki siedovi slovansko naselitve na Balkanu // ZČ. 1954. Let. 8; Zástěrová B. Avaři a Slované // VPS. 1958. T. 2; Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji…; Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 235–243.

[94] Наследова Р. А. Вторжение славян и их расселение на территории Византийской империи // История Византии: В 3 т. Т. I. М., 1967. С. 339–350; Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 88–95.

Хорватские племена, достигшие на рубеже VI–VII вв. территории Далмации и некоторых других областей Балканского полуострова, по своему языку и культуре мало чем отличались от остального славянского населения. Ни письменные, ни археологические источники не позволяют установить существенные различия между хорватами и остальными балканскими славянами, расселившимися на новых землях вместе с ними или несколько ранее их. Современные исследователи говорят, что «протохорватов» и современную хорватскую нацию связывают континуитет истории, континуитет имени и континуитет населения на освоенной территории[95].

Следовательно, в массе своей хорваты в момент прибытия на Балканы в этническом отношении уже были славянами. Таким образом, славянизация предков балканских хорватов, «протохорватов», должна была произойти в более раннее время — в период, предшествовавший расселению, в условиях этнических процессов, происходивших на территории исторической прародины хорватов.

---

[95] G o l d s t e i n I. Hrvatski rani srednji vijek. S. 91. — См. также: B u d a k N. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 12.

Глава 4

Географическое положение Великой Хорватии

Соседи Великой Хорватии в X в. по византийским и древнерусским известиям. — Связь Великой Хорватии с Карпатами. — О венгерско-хорватской границе и хорватских землях в Закарпатье. — «Черное» море и путь к нему из Хорватии.

Нам представляется, что имеющиеся в литературе разногласия по вопросам ранней истории хорватов и их переселения на Балканы не затрагивают главного интересующего нас вопроса об исходном пункте хорватской миграции. Все имеющиеся у нас данные, полученные в результате самых разных исследований, показывают, что исходный пункт движения хорватов на запад должен был находиться к востоку от Карпат. Причина же разногласий историков состоит прежде всего в неоправданной уверенности в тождестве Белой и Великой Хорватии Константина Багрянородного, ставшем своего рода аксиомой, принимаемой без всякой проверки.

Такая трактовка известий византийского императора неизбежно порождает ряд непреодолимых противоречий, которых, впрочем, не удалось избежать и самому Константину. И хотя император в ряде случаев смешивает эпитеты *великая* и *белая* в названии древней Хорватии («Великая Хорватия, называемая "Белой"»), в то же время он, как мы видели, ясно дает понять, что Белая Хорватия — новое образование, возникшее в процессе расселения хорватов и, следовательно, его нельзя трактовать как хорватскую прародину.

У нас есть все основания отказаться от неоправданного отождествления различных в историческом и территориальном отношениях явлений и продолжить поиски прародины хорватов там, куда ведут многочисленные исторические данные, а также указания самого Константина — в области Украинского Прикарпатья. Именно эта область в середине X в. могла именоваться Великой Хорватией в значении *старшей, первоначальной Хорватии* в обычной для византийской практики этногеографической номинации. Об этом же свидетельствует и ряд обстоятельств конкретно-исторического свойства, отмечаемых в трактате «Об управлении империей».

Прежде всего территория Украинского Прикарпатья и населявшие ее жители во времена, когда царственный византийский историк создавал свой труд (948–952), были наиболее доступны нападениям печенегов[1].

В конце IX в., одержав очередную победу над венграми и полностью вытеснив их из Северного Причерноморья, печенеги овладели пространством от Дона

[1] К такому же выводу приходят и некоторые новейшие исследователи — см.: О в ч и н н и к о в О. Східні хорвати на карті Європи // АС. 2000. Вип. 1. С. 153.

до Нижнего Дуная[2]. Их кочевья появились в том числе в нижнем течении Днестра и в Пруто-Днестровском междуречье, о чем можно судить по имеющимся археологическим данным. В частности, на территории современной Одесской области Украины найдены многочисленные погребения печенежских воинов, захороненных вместе с лошадьми по характерному обряду[3]. По палеоантропологическим данным следы пребывания тюркского населения выявляются и на более северных территориях центральной части Пруто-Днестровского междуречья[4]. Примечателен в этой связи известный по поздним источникам (XVI в.) топоним *Silva Pieczyngarum*, обозначавший болотистый лес, располагавшийся между Стрвяжем, Верхним Днестром и Луквой, получивший свое название, очевидно, ввиду соседства с землями, подконтрольными печенегам[5].

В трактате Константина Багрянородного имеются прямые указания на непосредственное соседство печенегов с некоторыми восточнославянскими племенами. Константин делит печенегов на восемь колен, каждое из которых образует свою «фему». Четыре «фемы» находятся к востоку от Днепра, и столько же — к западу. Далее автор уточняет:

> ...фема Гиазихопон соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харавои соседит с Росией, а фема Иавдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами[6].

По поводу локализации печенежских «фем», располагавшихся к западу от Днепра, высказано несколько различных предположений[7]. Но, как бы то ни было, из приведенного отрывка следует, что территория последней упомянутой в нем «фемы», называемой византийцами Иавдиертим, простиралась вплоть до земель, занятых восточнославянскими племенами, находившимися в данни ческой зависимости от «страны Росии». «Страна Росия» — это, вероятно, область Среднего Поднепровья с центром в Киеве, соответствующая понятию

---

[2] Diaconu P. Les Petchenegues au Bas-Danube. Bucuresti, 1970. P. 11; История на България. София, 1981. Т. 2. С. 313; Malamut E. L'image byzantine des Petchénègues // BZ. 1995. Bd 88. S. 109; Князький И. О. 1) Русь и Степь. М., 1996. С. 29; 2) Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX — середина XIII в.). Коломна, 1997. Гл. 1; Майоров А. В. Древняя Русь и кочевники в X–XIII вв.: печенеги, торки, половцы // Россия и Восток. СПб., 2002. С. 38–39. — Подробную историографическую сводку по этому вопросу см.: ОУИ. С. 279–281. Прим. 1.

[3] Добролюбский А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986. С. 24, 100 и др.

[4] Великанова М. С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975. С. 131 и др.

[5] Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego // SCP. 1948. Styczeń — grudzień. S. 32; Kuczyński S. M. Nieznany traktat polsko-ruski roku 1039 // SA. 1956. T. 5. S. 274. — См. также: Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieżu etnicznej w Karpatach. Kraków, 1991. S. 42–43.

[6] ОУИ. С. 157.

[7] Györffy Gy. Sur la question l'établissement des Petchénègues en Europe // AOAH. 1972. T. 25. P. 289–291; Pritsak O. The Pečenegs: A Case of Social and Economic Transformation // AEMA. 1975. T. I. P. 12 f.

«Русская земля» в узком значении, известному по русским летописям[8]. «Подплатежные» ей племена также легко находят соответствия с известными по древнерусским и другим европейским источникам племенами уличей, древлян и лендзян[9].

Факты даннической зависимости и союзнических отношений между Киевом, древлянами и уличами засвидетельствованы в Повести временных лет[10]. Несколько сложнее обстоит дело с объяснением упоминания в подобном контексте польского племени лендзян. Сопоставление известий 37-й и 9-й глав трактата «Об управлении империей» показывает, что территория лендзян должна была охватывать бассейн южных притоков Припяти, так как лендзяне сплавляли свои моноксилы в Киев[11]. Сопоставление этих данных с результатами археологических исследований приводит комментаторов новейшего издания сочинения Константина Багрянородного к заключению, что очерченный им район расселения лендзян совпадает с ареалом распространения древностей упоминаемого в Повести временных лет племенного союза бужан-волынян[12].

Некоторые исследователи считали, что в данном случае вместо «лендзяне» следует читать «лучане» — жители Лучьска (Луцка) и его округи в бассейне Припяти[13], другие видели в лендзянах Константина одно из подчиненных Киеву восточнославянских племен[14], третьи отождествляли их с дулебами[15] или жителями Перемышльской земли и Червенских градов[16]. Высказывалось предположение, что лендзянами когда-то могли называться племена радимичей и вятичей, которые, по словам летописца, происходят «от ляхов»[17]. Однако известно, что в более позднее время термин «лендзяне» использовался у восточных сла-

---

[8] См.: Рогов А. И. О понятии «Русь» и «Русская земля» (по памятникам письменности XI — начала XII в.) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 60 сл.; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993; Ведюшкина И. В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // Там же.

[9] См.: ОУИ. С. 390. Прим. 13–15.

[10] ПВЛ. С. 10, 11, 14, 16, 27, 28.

[11] DAI. P. 35.

[12] ОУИ. С. 390. Прим. 15.

[13] Lelewel S. Narody na ziemiach przed powstaniem Polski. Poznań, 1853. S. 512; Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 169–170; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 322; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами восточнославянского глоттогенеза. М., 1979. С. 186–187.

[14] Widajewicz J. Pierwotna nazwa polaków // PS. 1952. T. 3. S. 43–48.

[15] Wasilewski T. Dulebowie — Lędzianie — Chorwaci: Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // PH. 1976. T. 67, No 2.

[16] Labuda G. 1) Der Zug des russischen Grossfürsten Vladimir gegen die Ljachen im Jahre 981: Ein Beitrag zur Ausbildung der polnisch-russischen Grenze im 10. Jahrhundert // Ostmitteleuropa: Berichte und Forschungen (FS Gotthold Rhode). Stuttgart, 1981; 2) Polska, Czechy, Rus' i kraj Lędzian w drugiej polowie X wieku // Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2; Parczewski M. Początki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego w swietle danych archeologicznych // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów, 1996. S. 75–76.

[17] Ильинский Г. А. Кто были Λενζανήνοι Константина Багрянородного? // Sl. 1925–1926. Т. 4; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 98–99.

вян, а также венгров для обозначения польской народности[18], будучи фактически тождественным самоназванию поляков, образованному от общеслав. *lęd- (lęda 'необработанное поле'; *ле(н)дзяне* 'жители lęd')[19].

Иногда лендзян-лендзичей размещают в пределах Великой Польши, идентифицируя либо с полянами, либо с их предшественниками, жившими на данной территории[20]. Однако, на наш взгляд, более аргументированным будет вывод о том, что лендзянами первоначально назывались племена, проживавшие в Малой Польше или ее восточной части — Сандомирской земле[21].

В литературе можно встретить две точки зрения по вопросу взаимоотношения Киевской Руси и лендзян в X в. Ряд исследователей полагают, что малопольские племена лендзян и вислян после падения Великоморавской державы, разгромленной венграми, оказались под властью Киева, выражавшейся, скорее всего, в признании даннической зависимости. Однако после древлянского восстания 945 г. и особенно в результате поражения Святослава на Дунае, власть киевских князей в прикарпатских областях ослабла, и территория Верхнего Повисленья оказалась в зависимости от Чешского государства[22].

Согласно другой точке зрения, название «лендзяне» могло быть распространено на восточнославянский племенной союз волынян в силу того, что на какомто этапе своей ранней истории он временно оказался под властью польских лендзян[23]. Данная точка зрения более соответствует сведениям о лендзянах Константина Багрянородного, утверждавшего, что они обитали по соседству с древлянами, уличами и печенегами и сплавляли моноксилы в Киев. Можно согласиться с теми исследователями, которые, основываясь прежде всего на сообщении византийского императора, локализуют лендзян на территории Восточной Волыни, в Погорынье[24]. Заметим, что для жившего на Волыни восточнославянского племенного объединения вообще характерна многократная смена этнических названий. В Повести временных лет приводится сразу три принадлежавших ему обозначения — *дулебы*, *бужане* и *волыняне*[25].

---

[18] Parczewski M. Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieżu… S. 38.

[19] См.: Lehr-Spławiński T. 1) Lędzice — Ledzanie — Lachowie // Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata. Poznań, 1959. T. 4; 2) Lachowie // SSS. 1967. T. III. Cz. 1.

[20] Tymieniecki K. Sprawa Ledzian // SA. 1964. T. 11.

[21] Łowmiański H. 1) Lędzianie // SA. 1953. T. 4; 2) Początki Polski. Warszawa, 1973. T. V. S. 495–501; Исаевич Я. Д. Висляне и лендзяне в IX–X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей; Leciejewicz L. Słowianie zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław etc., 1989. S. 45–123..

[22] Potkański K. Kraków przed Piastami // RAU. Wydział historyczno-filozoficzny. 1898. T. 35. S. 242; Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 298; Исаевич Я. Д. Висляне и лендзяне в IX–X вв. С. 165–166.

[23] Łowmiański H. 1) Lędzianie. S. 112–114; 2) Początki Polski. Warszawa, 1967. T. III. S. 128–136; Persowski F. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X–XI wieku. Wrocław etc., 1959. S. 31; Skrzypek I. Studia nad pierwotnym pograniczem polsko-ruskim w rejońe Wolynia i grodow czerwieńskich. Warszawa, 1962. S. 126–127; Kuczyński S. M. Wschodnia granica państwa Polskiego w X wieku (przed rokiem 980) // Początki Państwa Polskiego. Poznań, 1962. T. I. S. 238–240.

[24] Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ. 1995. С. 275–276; Плахонін А. Г. Східна Волинь у зовнішній політиці Давньоруської держави (X — перша половина XI ст.) // УЖ. 2000. № 4. С. 129–130.

[25] Ср.: «бужане, зане седоша по Бугу, после же велыняне» и «дулеби живяху по Бугу, где ныне велыняне» (ПВЛ. С. 10).

Итак, анализ известий Константина Багрянородного позволяет заключить, что ближайшими соседями печенегов, живших к западу от Днепра, были восточнославянские племенные союзы уличей, древлян и волынян. Как считает новейший исследователь вопроса И. О. Князький, земли печенежской «фемы» Иавдиертим располагались «по границе степи и лесостепи в Северо-Западном Причерноморье от левого берега Днестра до Поднепровья»[26].

Очевидно, что при таком размещении «фемы» среди ее соседей должны были оказаться и другие племена восточных славян, тем более, что сам Константин помимо перечисленных племен говорит о «прочих славянах», соседствующих с Иавдиертим. К числу таковых, по всей видимости, следует отнести славянские племена, занимавшие в первой половине X в. приднестровские земли. Исследователи причисляют к соседям печенегов в области Приднестровья племена тиверцев[27]. Но, вероятно, этим дело не исчерпывается.

Повесть временных лет в перечне племен, участвующих в походе Олега 907 г. на Византию называет их в соответствии с порядком географического размещения и помещает хорватов рядом с дулебами (волынянами) и тиверцами:

> Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь»[28].

Отсюда можно заключить, что тиверцы и волыняне, по старинке в последний раз названные дулебами, ближайшие соседи хорватов.

Южная граница расселения волынян, как и в более раннее время дулебов, по данным современных исследователей, проходила по водоразделу Припяти и Буга, а также верхнему течению Днестра[29]. Но именно регион Верхнего Днестра, по данным археологии и топонимики, совпадает с ареалом расселения восточнославянских хорватов, бóльшая часть памятников которых концентрируется как раз по левому берегу реки, вдоль Збруча, Серета и других днестровских притоков[30].

Южные поселения и могильники волынян в Верхнеднестровском регионе также концентрируются вдоль левых притоков Днестра, где они расположены вперемешку с более многочисленными хорватскими памятниками[31]. Здесь же, в районе впадения в Днестр Луквы, располагался и упомянутый выше Печенежский лес (Silva Pieczyngarum), название которого, несомненно, связано с пребыванием поблизости печенегов. На это же указывают и некоторые другие топо-

---

[26] Князький И. О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. С. 25.

[27] Там же.

[28] ПВЛ. С. 152.

[29] Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. T. II. S. 107–108; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 96; Баран В. Д. Слов'яни у VIII–IX ст. // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 96.

[30] Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976. С. 138, 139; Седов В. В. Восточные славяне... С. 126, 127 (карта 18).

[31] Седов В. В. Восточные славяне... С. 96.

нимические данные. В частности, в Прикарпатье, вблизи г. Коломыя, на правом берегу Прута есть село Печенежин[32].

Через земли восточнославянских хорватов, располагавшиеся в бассейне Днестра, в X в. проходил один из трех основных путей, по которым печенеги совершали свои набеги на Венгрию. Как установил на основании изучения венгерских хроник Д. А. Рассовский, этот путь шел по верховьям рек Прута и Сирета на Тису и далее на Венгерскую равнину[33].

Совершенно очевидно, что свидетельство Константина Багрянородного о нападениях печенегов на земли Великой Хорватии должны относиться к региону Среднего и Верхнего Днестра и Украинского Прикарпатья. Во всяком случае, для такой локализации есть все необходимые основания, в то время как весьма затруднительно представить себе, что в данном случае источник имеет в виду Белую Хорватию, располагавшуюся в пределах Северо-Восточной Чехии, до границ которой печенегам нужно было добираться, минуя Карпаты и венгерские земли в Паннонии.

* * *

Другим указанием Константина Багрянородного, важным для локализации Великой Хорватии в X в., стали сообщения 13-й главы трактата «Об управлении империей», содержащей сведения о странах и народах, граничащих с венграми, обосновавшимися в Среднем Подунавье:

> [Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них — Франгия, с северной — пачинакиты, а с южной — <…> Великая Моравия, т. е. страна Сфендоплука (Святоплука. — *А. М.*), которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими. Хорваты же соседят с турками у гор[34].

Сведения 13-й главы следует сопоставить с известиями 40-й главы, также содержащей информацию о соседях венгров в Подунавье:

> Соседствуют с турками с восточной стороны булгары, где их разделяет река Истр, называемая также Дунаем, с северной стороны — пачинакиты, с более западной — франки, с южной — хорваты[35].

Приведенные отрывки — одни из самых спорных мест труда Константина, поскольку передаваемые в них сведения о соседях «турок» не находят соответствия с известными науке историческими фактами о местах проживания соседних с венграми народов в середине X в., — особенно это касается отнесения Великой Моравии к южным соседям венгров, а печенегов — к северным[36].

---

[32] Приходнюк О. М. Східні Карпати у VIII–IX ст. // ЕЕІНУК. Т. І. С. 340.
[33] Рассовский Д. А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. 1933. Т. 6. С. 3.
[34] ОУИ. С. 53.
[35] Там же. С. 165–167.
[36] DAI. P. 7, 62; ОУИ. С. 337. Прим. 1; BIN. S. 89. Anm. 89.

Чтобы объяснить имеющиеся в тексте источника противоречия, современные исследователи прибегают к разного рода предположениям. «Скорее всего, — полагают комментаторы последнего издания труда Константина, — сбор материала вели несколько человек. Справка о соседних с "турками" народах, составленная одним из исполнителей, была отвергнута другим, собравшим значительный материал для гл. 40 и в том числе по тому же вопросу — о соседях "турок". Отрывок 13.3–18 оказался, таким образом, своего рода "дубликатом", которым Константин и распорядился по-своему, не слишком занимаясь поисками более стройной композиции»[37].

Многие комментаторы считают текст 13-й главы о соседях «турок» испорченным вариантом более основательного и исправного известия, содержащегося в 40-й главе; последнее признается не только более соответствующим действительности, но и первичным по отношению к первому[38]. Такое мнение во многом основывается на том, что в тексте известия 13-й главы имеется пропуск (после слов «а с южной...»), допущенный, вероятно, позднейшими переписчиками.

Исходя из этого, Р. Дженкинз предположил, что между артиклем ἡ и словом μεγάλη была пропущена целая строка, с добавлением которой испорченный текст получает следующее содержание: «а с южной — *Хорватия. Местность же эта была некогда* Великой Моравией...»[39]. Г. Г. Литаврин также усматривает в южных соседях венгров, по известиям 13-й главы, хорватов, т. е. жителей Хорватского королевства в Далмации, поскольку такие сведения имеются в исправном сообщении 40-й главы[40]. К такому же выводу приходят К. Бельке и П. Соуштель[41].

Мы не можем согласиться с подобными предположениями. Сведения о венграх 13-й главы составлены ранее времени написания трактата «Об управлении империей». Об этом свидетельствует тот факт, что венгры в данной главе отнесены к языческим народам, тогда как из сообщения Иоанна Скилицы известно, что в 948 г. венгерские вожди Булчу (Вулцус) и Дьюла приняли христианство в Константинополе, и это произошло при участии самого императора Константина[42].

Судя по содержанию известий о соседях венгров 13-й и 40-й глав, эти известия вовсе не дублируют друг друга, и решение по данному вопросу не может быть столь однозначным. В литературе неоднократно предпринимались попытки устранить имеющиеся в источнике противоречия, которые, однако, нельзя признать успешными. Подводя итог многолетней дискуссии по поводу локализации Хорватии 13-й главы трактата «Об управлении империей», Г. Ловмяньский пришел к пессимистическому заключению, что данная дискуссия оказалась бесплодной[43].

---

[37] ОУИ. С. 336.
[38] DAI. P. 7.
[39] Ibid.
[40] ОУИ. С. 338. Прим. 5.
[41] BIN. S. 89. Anm. 89.
[42] Moravcsik Gy. Studia byzantina. Budapest, 1967. P. 328–330.
[43] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 161.

Нам представляется, что сведения о соседях венгров, помещенные в разных разделах трактата византийского императора, противоречат друг другу, поскольку восходят не к одному, а к нескольким различным источникам. Эти источники возникли в разное время и отразили реалии быстро меняющейся политической обстановки в Среднем Подунавье конца IX — первой половины X в. Сведения о соседях венгров 13-й главы должны были возникнуть раньше соответствующих известий 40-й главы и в большей степени отражать реалии конца IX — начала X в., в то время как данные, помещенные в 40-й главе, более приближены ко времени творчества Константина.

К такому решению подводят несколько обстоятельств. В 13-й главе среди соседей «турок» значится Великая Моравия, названная «страной Сфендоплока». Уничтоженная венграми и франками в самом начале X в. эта славянская держава не могла соседствовать с венграми во времена императора Константина, и не случайно в известии 40-й главы она уже не упоминается, как и ее князь Святоплук, умерший в 894 г.

Отнесение Великой Моравии к числу южных соседей «турок», смутившее многих исследователей, получает удовлетворительное объяснение также лишь в контексте политических событий конца IX — начала X в. Как убедительно показал В. П. Шушарин, передаваемые Константином сведения о соседях «турок» могли поступить в Византию только от самих венгров. А представление о расположении великоморавских владений к югу от Дуная могло сложиться у венгров лишь в очень короткий период военных действий в Задунавье в 899–900 гг.[44] Кстати сказать, сведения о печенегах как о северных соседях венгров, по общепринятому мнению, также более всего соответствуют обстановке конца IX в., когда венгры ещё не преодолели Карпаты, и их станы располагались где-то в Восточной Галиции[45].

Известие 13-й главы о соседях «турок» имеет четкую композицию, не нарушенную в результате допущенного впоследствии пропуска части текста. В сообщении последовательно указываются соседи венгров с соблюдением ориентации по сторонам света. Такую же композицию имеют и известия 40-й главы: в обоих случаях четырем сторонам света соответствуют четверо соседей. В известиях 13-й главы три стороны приведены в прямое соответствие с прилегающими странами: с запада — Франгия, т. е. Восточно-Франкское королевство, с севера — печенеги, с юга — Великая Моравия. Четвертым соседом со стороны «гор» названы хорваты, и наиболее естественно отнесение их к еще не упомянутым восточным соседям, тем более что там же, на востоке, расположены и отделяющие хорватов от венгров Карпатские горы.

Следовательно, нет оснований преувеличивать значение пропущенного в известии 13-й главы фрагмента, потеря которого будто бы изменила его основное содержание. Этот недостающий фрагмент, скорее всего, был незначительным по смыслу и не содержал существенной информации. Во всяком случае, реконструкция Р. Дженкинза, вводящая в оригинальный текст дополнительный

[44] Ш у ш а р и н В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблема этнического самосознания. М., 1997. С. 64–65.

[45] DAI. P. 62; ОУИ. С. 338. Прим. 4.

элемент, полностью разрушает общий композиционный строй сообщения. Получается, что хорваты (или Хорватия) среди соседей «турок» упоминается дважды, и оба раза на юге, в то время как восточное направление остается открытым. Стремясь привести сообщение 13-й главы в соответствие с данными 40-й главы, исследователь приходит к еще большим противоречиям.

Важное значение в решении интересующих нас вопросов имеют данные археологии. Основная масса памятников начального периода освоения венграми Среднего Подунавья находится к северо-востоку от Дуная и только незначительное количество их обнаружено в Задунавье, в его северо-восточной части — севернее озера Балатон и правого притока Дуная реки Шио[46]. Такое расположение ранних венгерских памятников исключает возможность соседства венгров в начальный период расселения с жителями далматинской Хорватии, простиравшейся от Адриатического моря до гор Капелла и от полуострова Истрия до города Сплита.

Однако в дальнейшем границы венгерского расселения неуклонно продвигались на запад, в том числе и в Задунавье, и к середине X в. венгры действительно вошли в контакт с далматинскими хорватами, став обитателями располагавшихся в непосредственной близости земель в междуречье Дравы и Савы[47]. Этот засвидетельствованный данными топонимики и археологии факт находит подтверждение и у Константина Багрянородного. В 42-й главе трактата «Об управлении империей» сказано:

> Турки живут по ту сторону реки Дунай, в земле Моравии, а также по сю сторону, между Дунаем и рекой Савой[48].

Сведения, использованные в 42-й главе, непосредственно относятся ко времени составления трактата[49]. Им соответствует информация 40-й главы, говорящей о хорватах как о соседях венгров с юга. Оба известия отражают реалии одного и того же времени и, возможно, были получены из одного источника, каким могли быть сообщения венгерских вождей, крестившихся в Константинополе в 948 г.

Иное происхождение имеет информация главы 13-й, поступившая в Константинополь, судя по всему, несколькими десятилетиями раньше. Это могло произойти во времена миссии клирика Гавриила, посетившего Венгрию в конце 20-х или начале 30-х годов X в.[50] По предположению В. П. Шушарина, упомянутый византийский посланник доставил в Константинополь первые сведения о расположении венгерских владений вблизи границ империи, использованные впоследствии императором Константином, и содержание этих известий «можно понять лишь при соотнесении их с данными о расселении мадьяр в Среднем По-

---

[46] Erdélyi I. Zur Frage der ethnischen Grenzen des landnehmenden Ungarntums // MAIUAW. 1977. Bd 6. S. 77.

[47] Melich J. A honfoglaláskori Magyarország. Budapest, 1925. I k. 175. l; Шушарин В. П. Ранний этап... С. 68–69, 186.

[48] ОУИ. С. 171.

[49] DAI. P. 153–154; ОУИ. С. 400.

[50] Об этой миссии см.: Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 53–54.

дунавье, которое продолжалось с конца IX по вторую половину X в. (и позже)»[51].

Исходя из вышесказанного, мы не можем согласиться с Г. Г. Литавриным, который, основываясь на данных 40-й главы, приходит к мнению, что в исправном протографе 13-й главы южными соседями венгров также были названы хорваты, и то были обитатели Хорватского королевства в Далмации[52]. Такая точка зрения не учитывает разницы происхождения известий о хорватах, помещенных в разных частях труда Константина: известия 40-й главы не могли служить источником известий 13-й главы, так как появились позднее, между этими известиями, скорее, могла быть обратная взаимосвязь.

Трудно согласиться и с мнением Г. Фехера, Ф. Дворника и Д. Моравчика, полагавшими, что хорватами, которые «соседят с турками у гор», являются белые хорваты, проживавшие к северу от Карпат[53]. Белые хорваты, скорее, могли быть обозначены как северные соседи «турок», но таковыми и в 13-й и в 40-й главах названы печенеги.

По нашему мнению, говоря о соседстве венгров с хорватами «у гор», Константин и его венгерские информаторы имели в виду политическую ситуацию, сложившуюся в начальный период венгерского расселения в Среднем Подунавье. Следовательно, упомянутыми в 13-й главе «горами» не могли быть горы Капелла, а жившими около них хорватами — далматинские хорваты. Они были отделены от области венгерского расселения конца IX — начала X в. обширным пространством междуречья Савы и Дравы, занятого другим славянским населением и только к середине X в. освоенного венграми.

Зато области, прилегавшие к Карпатам, непосредственно смыкались с освоенной венграми территорией на первом этапе расселения в Подунавье. Эти области, располагавшиеся к востоку от Венгрии, и составляли территорию Великой Хорватии. Последняя, таким образом, располагалась в том же регионе, где она локализуется на основании уже рассмотренных нами данных, — в районе Карпат.

* * *

О непосредственном соседстве венгров и хорватов в указанном районе вполне определенно говорит и польский хронист Винцентий Кадлубек (около 1160–1223). Воздавая хвалу польскому князю и королю Болеславу I Храброму (992–1025), Винцентий среди его выдающихся свершений отмечает такой факт:

> Подчинил (Болеслав. — *А. М.*) своей власти гуннов или венгров, хорватов и сильный народ мардов[54].

---

[51] Шушарин В. П. Ранний этап... С. 138.

[52] ОУИ. С. 339. Прим. 8.

[53] DAI. P. 63. — См. также: Rački Fr. Biela Hrvatska i biela Srbija // RJAZU. 1880. T. 52. S. 145; Fehér H. Ungars Gebietsgrenzen in der Mitte des 10. Jahrhunderts // UJb. 1922. Bd 2; Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 102; Dekan I. T. Prispevok k otázke politických hranic Vel'kej Moravy // HS. 1947. T. 5. S. 207.

[54] Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники: текст, перевод, комментарий. М., 1990. С. 98.

В этом известии Кадлубек идет дальше своего предшественника Галла Анонима, который сообщает только о подчинении Болеславом Поморья, Пруссии, Руси, Моравии и Богемии[55]. В силу данного обстоятельства некоторые исследователи отказывают сообщению Кадлубка в доверии, полагая, что позднейший хронист попросту амплифицировал текст предшественника[56].

Получается, что в данном случае мы имеем дело не более чем с литературным приемом, не имеющим реального исторического содержания. Сомнения еще более усиливаются ввиду упоминания Кадлубком в числе подчиненных Болеславом народов полулегендарных мардов. В связи с этим высказываются предположения, что хронист спроецировал на времена Болеслава эпизод из истории войн Александра Македонского, а именно, завоевание им мардов на границе Мидии и Персии, черпая сведения у Юстина[57]. Если принять такое объяснение, то и эта подробность окажется лишь литературной метафорой, лишенной исторического содержания.

Следует, однако, учитывать, что Винцентий Кадлубек, как и другие средневековые европейские хронисты, имел обычай называть современные ему языческие племена и народы, в особенности же восточноевропейских кочевников, известными именами древних народов. Поэтому в его сообщениях то и дело возникают гунны, парты, парфяне и др. Но все это — не абстрактные образы неких воображаемых врагов христианского мира, а традиционные этнические наименования, имеющие вполне конкретные исторические соответствия среди ближайших соседей Польши.

Так, парфянами Кадлубек мог именовать половцев, а гетами — пруссов[58]. Гуннами, как мы видели, польский хронист называет венгров в соответствии с широко распространившейся в средневековой Европе традицией отождествлять эти два народа и возводить к гуннскому вождю Аттиле происхождение венгерской королевской династии Арпадов[59]. Этноним «парты» Кадлубек мог применять к половцам и ятвягам[60].

Что же касается упоминания среди подчиненных Болеславом Храбрым народов «сильного народа мардов», то, как нам представляется, более основательно выглядит предположение, что польский хронист в духе упомянутой выше средневековой европейской традиции мог именовать так печенегов[61]. Данное

---

[55] MPH. NS. 1952. T. II. P. 41. — См. также: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл., пер. и прим. Л. М. Поповой. М., 1961 (Кн. I, гл. 6).

[56] Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники... С. 113. Прим. 3.

[57] Mistrza Wincentego Kronika Polska / Tłum. K. Abgarowicz i B. Kürbis; wstęp i komm. B. Kürbis. Warszawa, 1974. S. 106. Prz. 64. — См. также: Balzer O. Studium o Kadłubku: Pisma pósmiertne. T. I. Lwów, 1934. S. 250, 317. — Эту точку зрения принимает и Н. И. Щавелева (Польские латиноязычные средневековые источники... С. 113. Прим. 5).

[58] Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники... С. 22–23.

[59] Подробно см.: Boor H. de. Das Attilabild in Geschichte, Legende und heroische Dichtung. Bern, 1932; Macarthney C. A. The Origin of the Hun Chronicle and Hungarian Historians. Oxford, 1953. P. 141; История Венгрии. Т. 1. М., 1971. С. 275.

[60] Mistrza Wincentego Kronika Polska. S. 201. Prz. 156.

[61] Magistri Vicentii episcopi Cracoviensis Chronica Polonorum / Ed. A. Przezdziecki. Cracoviae, 1862. S. 76; Bujak F. Studia geograficzno-historyczne. Warszawa, 1925. S. 80; Paszkiewicz H. Początki Rusi. Kraków, 1996. S. 395.

предположение опирается на исторические данные о характере взаимоотношений польского князя с печенегами в начале XI в. По свидетельству Титмара Мерзебургского, находящему подтверждение и в Повести временных лет, печенеги были союзниками Болеслава и совместно с ним действовали против Руси (походы 1013 и 1017 гг.)[62]. Источник достаточно красноречиво характеризует подчиненное положение печенегов по отношению к польскому князю:

> ...он (Болеслав. — *А. М.*) приказал перебить всех печенегов, когда между ними и его людьми случилась размолвка, хотя те и были его союзниками[63].

Упоминание в общем контексте венгров, хорватов и печенегов в связи с внешнеполитической деятельностью Болеслава Храброго дает основание видеть в них не только соседей по отношению к Малой Польше, но и в отношении друг друга. Как известно, Винцентий Кадлубек сам был родом из Краковской земли и, кроме того, краковским епископом, тем большего внимания заслуживают приводимые им сведения.

Еще одно важное для нас обстоятельство в сообщении Кадлубка — порядок перечисления зависимых стран и народов, на что в свое время обращал внимание Г. Пашкевич. Хронист упоминает хорватов не в связи с подчинением Болеславом Моравии и Богемии, а особо, в одном ряду с признавшими зависимость от Польши венграми и печенегами[64].

Все эти данные ведут к однозначному выводу: говоря о хорватах как о непосредственных соседях Польши, Венгрии и печенегов, Винцентий Кадлубек тем самым имел в виду хорватов, проживавших в районе Карпат, т. е. там, где помещал свою Великую Хорватию и Константин Багрянородный.

Соседство хорватов с венграми «у гор», о котором свидетельствует византийский император, не может быть истолковано в том смысле, что граница расселения хорватов и венгров в середине X в. проходила непосредственно по Карпатскому хребту. В состав территории Великой Хорватии, очевидно, входили и некоторые земли в Закарпатье.

Через карпатские перевалы, освоенные еще в эпоху бронзы[65], славянское население легко могло проникать на территорию Закарпатья. В середине I тыс. н. э. здесь появляются первые славянские переселенцы, прибывшие из районов Восточного Прикарпатья и принесшие с собой пражско-корчакскую культуру[66].

Археологические материалы середины — второй половины I тыс. н. э. демонстрируют отсутствие типологических отличий материальной культуры сла-

---

[62] Титмар Мерзебургский. Хроника: В 8 кн. / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2005. С. 128, 177–178. — См. также: Назаренко А. В. 1) События 1017 г. в немецкой хронике XI в. и в русской летописи // ДГ. 1980. С. 181–182; 2) О датировке любечской битвы // ЛХ. 1984. С. 18–19.

[63] Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 128.

[64] Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 396.

[65] Кобаль Й. Бронзовий скарб із села Завадка Воловецького району Закарпатської області (до проблеми стародавніх шляхів сполучення через гірські перевали Українських Карпат) // Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ, 1993.

[66] Пеняк С. И. Новые раннеславянские памятники середины I тыс. н. э. в Закарпатской области УССР // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4.

вянского населения Прикарпатья и Закарпатья, позволявших бы утверждать, что граница этнического расселения восточных и западных славян изначально проходила по линии Карпатских гор[67]. Сложившаяся в Закарпатье славянская культура последней четверти I тыс. н. э. по своим материальным признакам очень близка восточнославянской культуре типа Луки-Райковецкой, но вместе с тем она уже испытывала определенное влияние культуры западных славян[68].

Известно, что между районами Банской Быстрицы и Кошице — Пряшев по водоразделу рек имеет место заметное сокращение плотности и даже разрыв в череде древних славянских поселений, тогда как бассейн Лаборца, притока Ондравы, до нынешней венгерско-украинской границы был полностью заселен[69]. Этот факт дает основание предположить, что граница расселения карпатских хорватов и родственных им словаков могла проходить в указанном районе, а основной хорватский ареал в Закарпатье в IX–X вв. формировался вдоль долин рек Лаборца (Свиржавы), Ужа и Боржавы[70].

В X в. славянские земли, располагавшиеся к западу от Карпат, стали испытывать усиливающееся культурное и политическое влияние Венгерского государства, образовавшегося в Среднем Подунавье. Вместе с тем анализ археологических памятников и данных топонимики средневекового русско-венгерского пограничья свидетельствует, что восточная граница расселения венгерских племен в X в. не соответствовала позднейшей русско-венгерской границе, проходившей по Карпатскому хребту в районе Верецкого перевала.

По данным Д. Дёрффи, территория Венгерского союза в X в. ограничивалась на востоке правым берегом Тисы: пространство между Верецким перевалом и Мункачем (Мукачево) было покрыто лесом («лес Ховош»), а далее до бассейна Тисы (до места ее поворота на запад после впадения реки Стары) обнаруживается смешанная славянская и венгерская топонимика. В районе современного закарпатского города Свалява найдены остатки засеки, построенной на древней военной дороге. На левом берегу Тисы и далее на восток обнаруживается разнообразная «сторожевая» топонимика — названия, включающие элементы lövő ‘стрелок’ или őr ‘стражник’, а также племенные названия Besenyőd ‘печенег’, Székely ‘секей’, Varsány ‘алан’, Kércs, Ladány, свидетельствующие о поселении здесь присоединившихся к «семи мадьярам» невенгерских племен, на которых возлагались функции пограничной стражи[71].

Таким образом, восточная граница Венгерского союза X в., проходившая

---

[67] См.: Балагурі Е. А., Пеняк С. І. Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород, 1976. С. 135–136, 153–155; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 126; Parczewski M. Początki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego… S. 74, 75.

[68] Приходнюк О. М. Східні Карпати у VIII–IX ст. С. 313.

[69] Wędzki A. Słowacja // SSS. 1975. T. V. S. 253, mapa.

[70] Войтович Л. В. 1) Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // УЦСЄ. 2004. Вип. 4. С. 122; 2) Карпатские хорваты // ВСПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 1. С. 140.

[71] Györffy Gy. 1) Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. I. k. Budapest, 1966. 521. l.; 2) A csatlakozott népek // Györffy Gy. A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990. — См. также: Немет П. Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 211, рис. 2.

вдоль верхнего течения Тисы, на 60–80 км отстояла к западу от русско-венгерской границы, установившейся в XIII в. Даже в XII в. историки отмечают существование между Венгрией и Галицкой землей значительной «буферной зоны», достигавшей в ширину 200 км[72]. Эта территория не принадлежала ни Венгрии, ни Руси, — русские и венгерские пограничные крепости размещались на равнинах, на значительном удалении от Карпат[73].

По-видимому, такое положение стало следствием существования в Карпатском районе особого этнополитического образования, занимавшего территорию по обе стороны от Карпат и длительное время не признававшего власть ни русских, ни венгерских правителей. Этим образованием и мог быть племенной союз карпатских хорватов, известный в Византии под именем Великой Хорватии.

Картографирование археологических памятников, связываемых с ареалом расселения карпатских хорватов, показывает, что именно бассейн Верхней Тисы представлял собой западную границу этого ареала[74]. По данным лингвистического анализа наиболее ранних хорватских топонимов Карпатского региона, граница расселения хорватов в Закарпатье устанавливается в междуречье Лаборца и Ондравы[75].

Следует учитывать, что славянское население бассейна Верхней Тисы развивалось в особых исторических условиях, постоянно испытывая угрозу со стороны сильных соседних государств. По археологическим данным, на юге Кошицкой котловины на протяжении двух столетий (VII — рубеж VIII/IX в.) существовал один из периферийных центров Аварской державы, господствовавший над славянским населением данного региона[76].

В конце IX в. закарпатские земли, судя по всему, оказались в сфере влияния Болгарского государства. По данным Венгерского анонима (конец XII — начало XIII вв.), перейдя Карпаты и «лес Ховош», мадьярские племена Арпада встретили славян, которые были «людьми вождя Салана» (homines fuissent Salani ducis)[77]. В последнем историки видят местного болгарского правителя или даже царя Симеона (893–927)[78]. Длительное политическое влияние болгарских правителей на землях бассейна Верхней Тисы подтверждается находкой на берегу Лаборца, в словацком селе Михаловцы (в 30 км к северо-западу от Ужгорода),

---

[72] Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.). Київ, 1982. С. 86.

[73] Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. Л., 1967. С. 176.

[74] Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 164. — Б. А. Тимощук считает, что на территории Украинского Закарпатья жили западные, т. е. белые хорваты (Тимощук Б. А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 173).

[75] Купчинський О. А. Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень. Київ, 1981. С. 198.

[76] Šalkowský P. K vývoju a štruktúre osidlenia v dobe slovanskej na Slovensku // SlA. 1988. T. 36–1; Profantová N. Awarische Funde aus den Gebieten nördlich der awarischen Siedlungsgrenzen // AF. 1992. Bd 2.

[77] SRH. T. I. P. 51.

[78] Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig. Főszerk. Székely Gy. 2. kiad. 1/1. 585. l.

надгробья с кириллической надписью, свидетельствующей о том, что здесь был похоронен князь Престан (996/997–1060/1061) — сын последнего болгарского царя Ивана Владислава[79].

Новая, еще более мощная волна иноземного влияния в Закарпатье была связана с экспансионистской политикой правителей Венгрии, добившихся со временем полного включения славянских земель к западу от Карпат в состав Венгерского государства. Факты такого рода, очевидно, и имел в виду император Константин, говоря о том, что Великая Хорватия «доступна для грабежей» одновременно «и турок, и пачинакитов»[80]. Если для атак печенегов более всего были доступны хорватские земли в бассейне Днестра и в Восточном Прикарпатье, то для нападений венгров наиболее подходила та часть Великой Хорватии, которая располагалась к западу от Карпат.

Но, несмотря на столь неблагоприятные внешнеполитические условия, значительная часть славянского населения Потисья и Украинского Закарпатья избежала мадьяризации, сохранив языковую и культурную связь со своими восточнославянскими сородичами, жившими по другую сторону Карпат, используя в целях этнической и исторической самоидентификации этноним «русины»[81]. Отдельные «русские» села в Юго-Восточной Словакии и Северо-Восточной Венгрии известны по источникам XI–XII вв. Данные топонимики позволили Я. Д. Исаевичу сделать вывод, что в указанный период в ряде районов Потисья славянское население было преобладающим[82].

Как справедливо полагает Л. В. Войтович, закарпатские русины — прямые потомки карпатских хорватов и вместе с другой ветвью русинов, населявших Галицкую землю, они составляли единый этнический массив[83]. Вместе с тем следует признать, что твердых доказательств наличия сложившихся групп русинского населения к западу и юго-западу от Карпат ранее XIV в. пока недостаточно[84].

* * *

Наконец, последним ориентиром для локализации Великой Хорватии служит указание Константина о возможном пути из нее к морю, который «занимает 30 дней», а море «называется “Черным”». Иными словами, Великая Хорватия находится на расстоянии в 30 дней пути от Черного моря.

---

[79] Tkadlcik V. Cyrilsky nápis v Michalovcich // Sl. 1983. № 1. S. 121–123; Исаевич Я. Д. Карпатский регион в эпоху Киевской Руси и феодальной раздробленности // Украинские Карпаты. История. Киев, 1989. С. 45.

[80] ОУИ. С. 141.

[81] Панькевич І. Нарис історії українських закарпатських говорів. Прага, 1958. Ч. І. С. 33–41; Кобаль Й. В. Народи сучасної території Закарпаття в епоху середньовіччя // АН. 1992. Т. III. С. 104–105.

[82] Ісаєвич Я. Д. 1) Історична географія Угорщини та суміжних країв XI–XIV ст. // АУ. 1967. № 2. С. 73; 2) Джерела про західні межи української етнічної території в період феодалізму // Ісаєвич Я. Д. Україна давня і нова: народ, релігія, культура. Львів, 1996. С. 66.

[83] Войтович Л. В. 1) Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи... С. 125; 2) Карпатские хорваты. С. 142.

[84] Uličny F. Podiel Rusov, Rusinov na doosidl'ovani Slovenska v stredoveku // SS. 1993. T. 28. S. 21–29.

Комментаторы последних изданий труда Константина, исходя из тождества Великой Хорватии и Белой Хорватии и располагая эту историческую область к северу от Карпат и Судетов, приходят к выводу, что под «Черным» морем император имел в виду море Балтийское[85]. По мнению А. Ломы, в известии византийского императора речь могла идти не только о Балтийском, но и о Северном морях, а хорватские и сербские территории, отделенные от моря 30 днями пути, были расположены в верховьях Эльбы, Одера и Вислы[86].

Такая точка зрения, разумеется, имеет право на существование, но доводы, приведенные в ее поддержку, представляются далеко не бесспорными.

Многие исследователи придерживаются другого мнения и трактуют греч. ἡ σκοτεινή θάλασσα как *Черное море*[87]. То обстоятельство, что обычно в греческих памятниках, в том числе и у Константина, Черное море именуется Πόντος, совершенно не исключает употребления наряду с ним других названий. Встречающееся же в некоторых византийских памятниках использование выражения «черный(-ая)» в значении *северный* и даже *арктический*, представляемое как решающий аргумент для отождествления ἡ σκοτεινή θάλασσα с *Балтийским морем*[88], едва ли подходит к данному случаю. У Константина ни разу не упоминаются названия с корнем ἄρκτ(ος, нет упоминаний о Балтийском или Северном морях, и, похоже, его географический кругозор не простирался так далеко на север.

Кроме того, в византийской историографии существовала традиция, по которой Балтийское море вообще не воспринималось в качестве особого географического объекта и морем как таковым не считалось, — в нем видели лишь часть Атлантического океана, именуемого *Западным океаном*.

Так, в Истории Феофилакта Симокатты рассказывается, что во время войны с аварами в плен к византийцам попали трое славян из числа их союзников, которые вместо оружия имели при себе кифары. На допросе у императора Маврикия пленные сообщили, что:

> ...по племени они славяне и живут у оконечности Западного океана; что каган (аваров. — *А. М.*) отправил послов вплоть до тамошних [племен], чтобы собрать воинские силы, и прельщал старейшин богатыми дарами[89].

---

[85] DAI. P. 130; ОУИ. С. 378. Прим. 19.

[86] L o m a A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // ЗРВИ. 1999–2000. Кн. 38. С. 92.

[87] N i e d e r l e L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1906. D. II. Sv. 1. S. 275; M o d e l s k i T. Z onomastyki i terminologji średniowecznej // KH. 1920. T. 34. S. 16; Ž u p a n i ć N. Značenije barvnego atributa v imenu Crvena Hrvata // Et. 1937–1938. T. 10/11. S. 355 n.; W i d a j e w i c z J. Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 15; Ł o w m i a ń s k i H. Początki Polski. T. II. S. 166; G a c z y ń s k i J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski // RP. 1968. T. 12. S. 57; В о й т о в и ч Л. В. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Зб. наук. ст. Львів, 1998. Т. І. С. 51.

[88] L a b u d a G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. S. 212; L u d a t H. Ostsee und Mare Balticum // ZfSHG. 1952. Bd 76. S. 1 f; N a l e p a J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. Uwagi dotychçace kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // AAC. 1997–1998. T. 34. S. 164.

[89] СДПИС. Т. II. С. 17.

Этот же эпизод почти дословно повторяется в Хронографии Феофана Исповедника, где пленные именуют себя славянами, расселившимися «на краю Западного Океана»[90].

Славянами, о которых говорится в данных известиях, могли быть только племена, расселившиеся между устьями Эльбы и Одера, т. е. на побережье Балтийского моря. Таким образом, именно Балтийское море скрывается за определением «оконечность (край) Западного океана»[91]. Название «Западный океан» (ὁ ἑσπέριος Ὠκεανός) было известно и Константину Багрянородному, в сочинении которого оно выступает в своем основном значении — 'Атлантический океан'[92].

Исходя из сказанного, можно предположить, что Константин Багрянородный, говоря о море, к которому шел долгий путь из Великой Хорватии, не смог точно определить, какое именно море имеется в виду, иначе бы он использовал одно из более употребительных и узнаваемых названий, — например, «Понт» или «Западный океан». Тем самым, в случае с ἡ σκοτεινή θάλασσα мы имеем дело с греческой передачей подлинного хорватского названия, сообщенного императору его информаторами.

Как полагает А. Лома, обозначение Балтийского или Северного моря как «Черного» («Темного») могло возникнуть в средневековой Европе под влиянием тюркских языков, будучи связанным с древнеиранской системой цветовых обозначений сторон света, в которой черный цвет соответствовал северу[93]. Однако такое предположение не находит опоры в источниках. Нам не известны случаи использования в средневековой литературе названий с подобным значением применительно к Балтийскому или Северному морям.

Что же касается Черного моря, то принятое в греческой литературе его обозначение как Πόντος Ἄξεινος ('Море Негостеприимное'), по мнению ряда исследователей, происходит от др.-иран. основы *axšaēna- 'темный'[94]. Впоследствии это название было эвфимизировано и приобрело форму Πόντος Ἔυξεινος[95]. Употребленное Константином название ἡ σκοτεινή θάλασσα имеет ту же грамматическую основу и выступает в первоначальном, заимствованном у иранских народов, значении 'море черное (темное)'. В новогреческом языке распространяется еще более соответствующая первоначальному смысловому значению форма названия Черного моря — Μαύρη θάλασσα[96].

Таким образом, из двух предложенных в литературе вариантов локализации употребленного византийским императором гидронима ἡ σκοτεινή θάλασσα

---

[90] Там же. С. 255.

[91] Herrmann J. Byzanz und die Slawen «am äussersten Ende des Westlichen Ozeanz» // Klio. Berlin, 1972. Bd 54. S. 317–318; Гимбутас М. Славяне. С. 131.

[92] ОУИ. С. 92–93.

[93] Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut... C. 92.

[94] Vasmer M. 1) Osteuropäische Orstnamen. Dorpat, 1921. S. 4 f.; 2) Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923. S. 20. — См. также: BSL. T. 25. P. 61; T. 30. P. 61; ZfOF. Bd 12. S. 253.

[95] Irmscher J. Die Benennung des Schwarzen Meeres bei den Byzantinern // BS. 1962. T. 23. S. 16 f.

[96] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. СПб., 1996. С. 345.

('темное море'), к которому шел путь из Великой Хорватии, отождествление его с Черным морем представляется нам более достоверным[97].

По расчетам Т. Левицкого, за один день плавания по реке средневековые путешественники могли преодолевать расстояние примерно в 30 км, а за 30 дней — соответственно 900 км, что составляет фактическое расстояние между Черным морем и бассейном Сана, если плыть по Днестру[98]. По наблюдениям Л. В. Войтовича, за день плавания вверх по течению реки удавалось преодолевать расстояние примерно в 25–35 км, вниз — 80 км, однако по Днестру, «с его бесчисленными изгибами и поворотами вниз за день пройти более 50 км не удается. Простые подсчеты показывают, что за 30 дней до Черного моря можно было добраться где-то из района Перемышля»[99].

Этот древнейший городской центр в Прикарпатье, вероятно, можно считать географическим центром расселения восточнославянского племенного союза хорватов, известного по сообщениям Повести временных лет. Украинское Прикарпатье, где племена хорватов обитали со времен славянского расселения, по нашему мнению, и составляло территорию Великой Хорватии, о которой писал Константин Багрянородный в середине X в.

В пользу такого решения свидетельствуют и данные современной лингвистики. Сравнительное языкознание обнаруживает многочисленные черты сходства украинского языка карпатской зоны с сербохорватским и другими южнославянскими языками, что указывает на их общее происхождение. В частности, это касается многочисленных лексических совпадений, особенно в части социальной терминологии. Характерно, что западнославянские языки подобного сходства не обнаруживают. Областью формирования отмеченной языковой общности является Украинское Прикарпатье или более обширные территории Восточной Европы, где должны были проживать древние предки современных носителей сербохорватского и некоторых других языков балканских славян[100].

---

[97] См.: Майоров А. В. Константин Багрянородный о географическом положении Великой Хорватии // ВЕДС. 2005. Ч. I. С. 111–112.

[98] Lewicki T. Polska i kraje sąsiednie w świetle Księgi Rogera geografa arabskiego w XII w. w al. Idrisiego. Warszawa, 1954. Cz. II. S. 120 n.; Gaczyński J. Z. Zarys dziejow plemiennych Małopolski. S. 57.

[99] Войтович Л. В. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? С. 51.

[100] Ивић П. Српски народ и његов језик. Београд, 1981. С. 16 сл. — См. также: Grafenauer B. Nekoj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // ZČ. 1950. T. 4; Lehr-Spławiński T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // PS. 1951. S. 17, 31–32; Милов Л. В. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // ОИ. 2000. № 1. С. 97–99.

Часть вторая

ГЕНЕЗИС ХОРВАТОВ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Основные процессы ассимиляции славянами ираноязычного населения Северного Причерноморья должны были происходить в период действия черняховской археологической культуры (конец II — начало V в.), поскольку в более позднее время определяющую роль в истории славян Юго-Восточной Европы играли их взаимоотношения с тюркскими кочевниками[1].

В ареале черняховской культуры выделяют три локальные группы памятников, соответствующие трем регионам с преобладанием определенного этнического компонента. В Северном Причерноморье жило в основном скифо-сарматское население — древние обитатели этих мест. Между Днестром и Дунаем преобладали гето-даки. А на обширном пространстве лесостепной полосы от Днестра до Днепра сосредоточены памятники, связываемые со славянами[2].

К этногенезу славян более всего имели отношение два региона — Верхнеднестровский и Подольско-Днепровский. Если в первом преобладают памятники, генетически связанные со славянскими древностями, то для второго характерно наличие большого числа погребений с явно выраженными сарматскими признаками, что позволяет говорить о двух компонентах в структуре местного населения — иранском и славянском[3].

В районах наиболее интенсивного этнического взаимодействия древних славян и иранцев, судя по всему, и нужно искать следы зарождения и формирования древних хорватов, генезис которых был тесно связан с общим процессом этнического становления славян Юго-Восточной Европы.

---

[1] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 193.

[2] Баран В. Д. 1) Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра и Західного Бугу. Київ, 1981. С. 163–165; 2) Слов'яни у другій чверті I тис. н. е. // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 46. — См. также: Винокур І. С. 1) Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е. Київ, 1972; 2) Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський, 2000; Магомедов Б. В. 1) Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987; 2) Черняховская культура: Проблема этноса. Lublin, 2001 (Monumenta Studia Gothica. T. I).

[3] Седов В. В. 1) Славяне в древности. М., 1994. С. 233–286; 2) Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 186–189.

Глава 5

Генезис хорватов: археологический и этнолингвистический аспекты

Археологическая атрибуция хорватов в эпоху славянского расселения. — Данные танаисских надписей II–III вв. и проблема этимологии этнонима *хорваты*. — Исторические и лингвистические данные об иранском происхождении имени хорватов. — Иранский компонент материальной и духовной культуры хорватов. — Некоторые спорные вопросы этногенеза хорватов в современной историографии.

Основные процессы славянского переселения в Подунавье происходили в период действия пражско-корчакской и пеньковской археологических культур (V–VII вв.), образовавшихся после гибели черняховской культуры вследствие гуннского нашествия. Новые славянские культуры периода раннего средневековья возникают на основе предшествующих культур, в создании которых славяне участвовали наряду с представителями других этносов.

Ядро пражско-корчакской культуры формировалось на территории Среднего и Верхнего Поднестровья. Важную роль в ее генезисе сыграли расположенные здесь черняховские памятники — Черепин, Бовшев, Теремцы, Сокол, Бакота, Бернашевка, Лука-Каветчинская, Устье и др.[1] В целом же первоначальный ареал пражско-корчакских древностей охватывал территорию бассейнов Днестра, Западного Буга и Верхней Вислы[2].

---

[1] Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983; Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. 1) Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984; 2) Проблема преемственности черняховских и раннеславянских древностей в свете исследований на Среднем Днестре // SlA. 1985. Т. 33; Винокур І. С. Історія лісостепового Подністров'я та Південного Побужжя. Київ; Одеса, 1985. С. 78–80; Винокур І. С., Горішний П. А. Бакота: Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський, 1994. С. 311–321.

[2] Тимощук Б. О., Приходнюк О. М. Ранньослов'янські пам'ятки VI–VII ст. у Середньому Подністров'ї // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969; Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. Київ, 1976; Баран В. Д. 1) Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; 2) Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988; Ауліх В. В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI–VII вв. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972; Русанова И. П. 1) Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Ei-25; 2) Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М., 1976; Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984; Parczewski M. 1) Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław etc., 1988; 2) Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Kraków, 1988; Leciejewicz L. Słowianie zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław etc., 1989. S. 42–43; Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsze. Poznań etc., 1992; Quellen zur slawischen Besiedlung im Karpatengebiet / Hrsg. von M. Parczewski. Kraków, 2001. Bd I.

Расположенные на указанной территории археологические памятники относят к *склавенам* византийских авторов VI–VII вв.[3] Отсюда началось их расселение в восточном, южном и западном направлениях. Переселенческие потоки двигались соответственно в Среднее Поднепровье, в междуречье Нижнего Днестра и Дуная, но наиболее мощные волны на рубеже V–VI вв. устремились в Среднее Подунавье и далее на Эльбу[4].

Создателями пеньковской культуры были потомки черняховского населения, сохранившегося в Подольско-Днепровском регионе после гуннского разорения Северного Причерноморья, а также наследники киевской культуры Днепровского Левобережья[5]. Территория распространения ранних пеньковских памятников вплотную соприкасается с ареалом пражско-корчакской культуры. На западе и юге она охватывала бассейн Нижнего Днестра, среднее течение Южного Буга, бассейны Тясмина и других правых притоков Днепра[6]. На востоке ареал пеньковской культуры включал в себя область Нижнего Подесенья, бассейн Сейма и достигал Северского Донца и Ворсклы[7].

За носителями пеньковской культуры сохранялся этноним *анты*, возникший еще в черняховскую эпоху[8]. По сведениям готского епископа Иордана, анты занимали территорию «от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину», что в целом соответствует ареалу пеньковских древностей. Время существования племенного союза антов определяется IV–VII вв.[9]

Именно племена пеньковской культуры составляют основную часть славянского населения Аварского каганата, возникшего в Среднем Подунавье во второй половине VI в. Мысль о переселении в составе аварской миграционной волны побежденных славян-антов неоднократно высказывалась исследователями[10]. Наличие значительного славянского компонента, прибывшего на Дунай вместе с

---

[3] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 30.

[4] Баран В. Д. Велике розселення слов'ян // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 83; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 24.

[5] Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985. С. 88–89; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 251 сл.; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 316–318.

[6] Приходнюк О. М. 1) Слов'яни на Поділлі (VI–VII ст. н. е.). Київ, 1975; 2) Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н. е. Київ, 1980; Рафалович И. А. Славяне VI–IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; Хавлюк П. И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

[7] Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981; Дьяченко А. Г., Приходнюк О. М., Петренко Е. Н. Комплексы I тысячелетия н. э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) // Археология Славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991; Берестенев С. И., Любичев М. В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры Северского Донца и Ворсклы // Там же.

[8] Приходнюк О. М. 1) Основные итоги изучения пеньковской культуры // ААС. 1985. Т. 24; 2) Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

[9] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 81–82. — Подробно см.: Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.

[10] Maretič T. Slaveni u davnini. Zagreb, 1889; Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 168–169; Hauptmann Lj. Politische Umwälzungen unter den Slovenen vom Ende des sechten Jahrhundert bis zur Mitte des neunten // MIfÖGF. 1915. Bd 36. S. 234, 249; Comşa M. Die Slawen im Karpatisch-Donauländischen Raum im 6. — 7. Jahrhundert // ZfA. 1974. Bd 7. S. 218.

аварами, подтверждается как известиями письменных источников, так и многочисленными археологическими материалами и данными топонимики[11].

Одно из наиболее весомых доказательств антской миграции в среднедунайский регион — это находки характерных предметов, относящихся к так называемой мартыновской культуре (особенно пальчатых фибул, а также серебряных зоо- и антропоморфных фигурок), сопоставимых по стилю и художественной манере с подобными находками из Мартыновского и других днепровских кладов[12]. Мартыновские древности сосредоточены в основном в сербском Подунавье, но встречаются также и на территории Подравской и Далматинской Хорватии. По мнению исследовавших их археологов, все они были принесены, несомненно, славянами — выходцами из Приднепровья[13].

Таким образом, в переселении на запад — в Подунавье и на Балканы — принимали участие представители обоих крупнейших массивов славянства Восточной Европы, образовавшихся в V в. — склавенов, археологически соответствующих пражско-корчакской культуре, и антов, носителей пеньковских древностей. В Дунайском регионе пути переселенцев разделяются: племена пражской культуры поднимаются вверх по Дунаю и уже в начале VI в. заселяют Словакию, а затем Моравию, в то время как выходцы из пеньковского ареала селятся в Нижнем Подунавье и на Балканах[14].

Указанные переселенческие потоки имели не только разное направление, но и происходили в разное время, будучи вызванными, судя по всему, различными причинами. Первую волну составляли носители пражско-корчакской культуры. Появление их на территории Словакии датируется концом V — началом VI в., Моравии и Чехии — первой половиной VI в.[15] Из региона Среднего Подунавья племена пражско-корчакской культуры продолжили свое движение на северо-запад, и во второй половине VI в. широко расселились в бассейнах среднего течения Эльбы и Заале[16].

---

[11] Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 235–243.

[12] См.: Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. 1953. Т. 17. С. 73–89; Pekarskaja L. V., Kidd D. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck, 1994.

[13] Korošec J. Archeološki sledovi slovansko naselitve na Balkanu // ZČ. 1954. Sv. 8. S. 7–26; Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeća u Jugoslaviju s posebnim obzirom na archeološku ostavštinu iz vremena prvog avarškog kaganata // OA. 1958. Sv. 3. S. 13–67.

[14] Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Походження слов'ян. Київ, 1991. С. 77, 81–82; Баран В. Д. Велике розселення слов'ян. С. 89.

[15] Bialekowá D. 1) Nové včasnoslovanské nálezy z juhozápadneho Slovenska // SlA. 1962. T. 10–1. S. 134–136; 2) Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Südwestslowakei // AR. 1968. T. 20–5. S. 619–625; Fusek G. Slovensko vo včasnoslovanskom obdobi. Nitra, 1994. S. 41–115; Klanica Z. Počatky slovanského osidleni našich zemi. Praha, 1986. S. 215; Zeman J. 1) Zu den chronologischen Fragen der ältesten slawischen Besiedlung im Bereich der Tschechoslowakei // AR 1966. T. 18–2; 2) Najstarši slovanské osidleni Čech // PmA. 1979. T. 67. S. 210–212; 3) K problematice časně slovanské kultury ve Střední Evropě // PmA. 1979. T. 70; Галушка Л. До питання про перших слов'ян в Моравії // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть: Мат. Міжнар. наук. археолог. конф. Львів, 2001.

[16] Herrmann J. 1) Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 21–30; 2) Die Slawen in Deutschland. Geschi-

Здесь, на северо-западном фланге славянского расселения, в историческое время зафиксировано существование нескольких хорватских поселений, принадлежащих *белым*, т. е. *западным,* хорватам, как их называет Константин Багрянородный. Исходной областью расселения этих племен был регион Среднего и Верхнего Поднестровья — Верхней Вислы, являющийся территориальным ядром пражско-корчакской культуры.

В. В. Седов, признавая в первых славянах, поселившихся в бассейне Верхней Эльбы и на Заале, носителей пражско-корчакской культуры, полагает, что в дальнейшем ее эволюция здесь «была прервана новыми волнами миграции славян, принадлежащих к иным культурно-племенным образованиям»[17]. Между тем именно в регионе Верхней Эльбы по сообщениям письменных источников и многочисленным археологическим памятникам известно о существовании хорватских племен, расселившихся на значительной территории на северо-восток от чехов[18]. Вопреки мнению других исследователей В. В. Седов считает чешских хорватов частью антского племенного образования[19].

Как известно, один из важнейших этнографических признаков племен пражско-корчакской культуры — это курганный обряд погребения, а область распространения курганных памятников, исследованная археологами, как раз и находится в бассейне Верхней Эльбы, т. е. на территории расселения чешских хорватов[20]. Кроме того, ничем не доказана возможность появления на Эльбе племен пеньковской культуры, основным ареалом которых было Нижнее Подунавье и Балканы. В бассейне Эльбы представителей пражско-корчакской культуры, скорее, могли потеснить выходцы из Центральной и Северной Польши, славянские племена культуры типа Суков-Фельдберг, движение которых было более массовым и интенсивным[21].

Что касается носителей пеньковских древностей, то их появление в Подунавье и на Балканах находится в связи с нашествием аваров и может быть датировано не ранее второй половины VI в. На рубеже VI–VII вв. новые переселенцы многочисленной группой оседают на территории Далмации, вытеснив или подчинив прежнее население, в том числе и славянское.

В составе славян, прибывших в Подунавье вместе с аварами, одно из племен также носило название хорватов. Оказавшись в Далмации, эти хорваты заняли юго-западный фланг славянского расселения. Видимо, не случайно Далматинская Хорватия в некоторых источниках также именуется *Белой*[22]. Исходной областью движения на запад племен пеньковской культуры стало лесостепное междуречье Днестра и Днепра.

Как видим, древнее племя хорватов, оказавшееся в авангарде славянского переселения на запад, археологически связывается как с племенами пражско-

---

chte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 21–32; Brachmann H. J. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978. S. 57–60.

[17] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 30–31.

[18] Turek R. Čechy v raném středovéku. Vyšehrad; Praha, 1982. S. 40–41.

[19] Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 312.

[20] Turek R. Mohyly českých Charvatů // SA. 1956. T. 5.

[21] Баран В. Д. Велике розселення слов'ян. С. 89.

[22] См.: Kowalenko W. Chorwacja Biala // SSS. 1961. T. I.

корчакской, так и пеньковской культур. Вероятно, оно должно было возникнуть раньше, чем образовались упомянутые археологические культуры. Во всяком случае, это должно было произойти не позднее V, а, возможно, и конца IV в., когда началось расселение славян в Подунавье.

В период, предшествующий расселению, хорваты уже представляли собой сложное этническое образование: под этим именем объединились несколько племен, имеющих разную археологическую атрибуцию и, следовательно, происходивших из разной этнокультурной среды, которые впоследствии приняли участие в генезисе различных славянских народов — западно-, восточно- и южнославянской группы.

Если носителями этнонима *хорваты* были как представители пражско-корчакской, так и пеньковской культуры, то областью его первоначального распространения следует признать ту территорию, где ареалы указанных археологических культур смыкались. Таковой территорией был бассейн Днестра, особенно в его средней части. Отсюда началось движение хорватов в Центральную Европу и на Балканы, здесь же фиксируются следы проживания хорватских племен в древнерусское время.

* * *

Однако бассейн Днестра не был исходным рубежом миграции хорватов на запад. Следы этого древнего этнонима, а, следовательно, и его носителей, ведут еще далее на восток Европы, во времена, отстоящие на несколько веков от эпохи Великого славянского расселения.

В поисках древнейших известий о хорватах большое значение имеют данные, содержащиеся в памятниках греческой эпиграфики. В надписях, обнаруженных в располагавшемся в устье Дона древнегреческом городе Танаисе, фигурирует некое имя собственное в форме Хоρούα[θος] или Хорόαθος. Это имя высечено на двух каменных плитах, установленных некогда на стенах общественных зданий. Первая из надписей относится ко времени танаисского правителя Савроматоса (175–211) и упоминает некоего властителя, вероятно, из племени хорватов. На другой надписи, сделанной в 220 г. в правление Рескупорида, сына Савроматоса, имя Хорόαθος Σανδαρζίου (*Хороат, сын Сандарзия*) упоминается среди имен четырех «архонтов танаитов» — предводителей городской общины Танаиса[23].

А. Л. Погодин первым заметил, что если отбросить греческий суффикс -ος, можно получить исходную хорватскую форму имени Хорούαθ. Это имя лингвистически полностью соответствует этнониму *хорваты* и может быть своеобразным прототипом последнего. Однако исследователь явно поспешил, отнеся его к славянской этнической среде[24]. Примерно так же рассуждали и некоторые другие авторы: имя *Хорват* танаисских надписей относилось к одному из славянских племен, отличавшихся светлым цветом волос и кожи, с этими физиче-

[23] Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1890. Vol. II. P. 237, No 430 (8), P. 261, No 445 (5, 20, 220 p); КБН. С. 736–737, № 1245, С. 764, № 1277.

[24] Погодин А. Л. 1) Эпиграфические следы славянства // РФВ. 1901. Т. 46. С. 3; 2) Сборник статей по славяноведению. СПб., 1902. С. 156.

скими признаками связаны также названия *белые хорваты* и *Белая Хорватия*, полагал М. Будимир[25].

Более основательно к решению проблемы интерпретации данных танаисских надписей подошел А. И. Соболевский. По мнению ученого, фигурирующие в них имена имеют, несомненно, иранское происхождение, как и славянский этноним *хорваты*, на что указывает наличие форманта *-at*, характерного для иранских этнических названий. В процессе ассимиляции славянами ираноязычного населения Северного Причерноморья этот этноним был усвоен некоторой частью славян[26].

Гипотезу об иранском происхождении названия «хорваты» развивал М. Фасмер, установивший, что иранская основа в слав. хъrvatъ может иметь двоякое объяснение: во-первых, она связывается с иран. (fšu)-haurvatar 'страж скота' (Viehhüter) и согласуется со скотоводческим характером хозяйства ираноязычного населения Северного Причерноморья; во-вторых, такая основа могла образоваться от антропонима Chorvat'os и обозначать *род Хорвата*[27]. Этимологические разыскания М. Фасмера вызвали большой отклик в исторической науке и, несмотря на подчас неоднозначное к ним отношение, предложенные им решения получили наибольшее распространение[28].

---

[25] Budimir M. Hrvat // Šišićev zbornik. Zagreb, 1929. S. 616–617.

[26] Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 8.

[27] Vasmer M. 1) Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923. S. 56; 2) Die Urheimat der Slaven // Der ostdeutsche Volksboden. Breslau, 1926. S. 118 ff.; 3) Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971. Bd I. S. 44.

[28] Hauptmann Lj. 1) Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925; 2) Kroaten, Goten und Sarmaten // GS. 1935. Vol. 3; Županić N. 1) Prvobitni Hrvati // Zbornik Kralja Tomislava. S. 291–296; 2) Prvi nosilci etničkich imen Srb, Hrvat, Čech i Ant // Et. 1928. T. 2. S. 74–79; Meillet A. Le slave commun / Éd par A. Vaillant. Paris, 1934. P. 508; Vinski Z. Uz problematiku starog Irana i Kaukaza s osvrtom na podrijetlo Anta i Bijelih Hrvata. Zagreb, 1940; Gregoire H. L'Origine et le Nom des Croates et des Serbes // Byz. 1944–1945. T. 17. P. 116; Sakać S. 1) Iranische Herkunft des Kroatischen Volksnamens // OChP. 1949. T. 15. S. 330 f.; 2) The Iranian Origins of the Chroata. The Chroatian Nation. Chicago, 1955; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 168; Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950. T. I. P. 16; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerkünste. Praha, 1955. S. 169–170 (§ 256); Shevelov G. Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg, 1964. P. 483; Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. S. 347; Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski // RP. 1968. T. 12. S. 62; Mandić D. Hrvati i Srbi dva stara različita naroda. München, 1971. S. 13 f.; Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich // AAC. 1971. T. 12. S. 169; Гимбутас М. Славяне: Сыны Перуна. М., 2004. С. 71–72; Трубачев О. Н. 1) Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6; 2) Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 2003. С. 51; 3) Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 73; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1975. S. 61; Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 7.–11. Jh. Praha, 1978. S. 441–443; Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana // Poljica. Gata, 1982. Sv. I; Fine J. V. A. Jr. The Early Medieval Balkans: A Critical Survey from the Sexth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. P. 56; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji // PS. 1989. T. 36/37. R. 1986/1987. S. 249 n.; Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat. Zagreb, 1990. S. 298 sl.; Ломa А. Неки славистицки аспекти српске етногенезе // ЗМСС. 1993. Књ. 43. С. 121; Budak N. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 11–12; Košćak V. Iranska teorija o podrijetlu Hrvata // Etnogenesa Hrvata. Zagreb, 1995. S. 110 sl.; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 23.

Данные танаисских надписей — важнейший аргумент в продолжающемся уже не одно столетие споре по вопросу о происхождении имени хорватов. Неоднократно предпринимались более или менее удачные попытки вывести это название из этрусского, тюркского, литовского, немецкого, греческого и других языков или доказать его славянское происхождение[29].

Широкое распространение получила, в частности, гипотеза, связывающая происхождение названий *хорваты* и *Карпаты*. Оба они, в свою очередь, сближаются с древним этнонимом *карпы* (carpi, καρπιαῦοι), известным по античным источникам и обозначавшим одно из дакийских племен, живших в Прикарпатье. Впервые такая гипотеза была выдвинута еще в XVIII в.[30] В свое время ее активно поддержал П. Й. Шафарик, по мнению которого *карпы* и были *хорватами*, т. е. жителями Cherb'ow // *Хребтов* (*Карпат*) или *Татр*; с незапамятных времен *Хребты* или *Татры* были славянскими горами, так как славяне являлись первоначальными обитателями этих мест[31].

«Карпатская» гипотеза происхождения имени хорватов неоднократно подвергалась критике прежде всего с лингвистической точки зрения. В частности, указывалось на недопустимость смешивания корней chrb- и chrv-, поскольку в славянских языках -b не переходит в -v[32]. М. Фасмер считал неприемлемым также сближение названий *хорваты* и Καρπάτης ὄρος (Карпатские горы) в форме, представленной у Птолемея[33].

Не выдерживает критики и германская версия «карпатской» гипотезы, впервые предложенная Р. Хайнцелем и в наиболее полном виде сформулированная Ф. А. Брауном. Согласно этой версии, славяне переняли название Карпат и карпов через посредство германского племени бастарнов в форме Harvada (fjöll), от которой и образовали название одного из своих племен — *хорваты*[34]. Однако в соответствии с общими закономерностями славянской этнонимии этнонимы — производные от географических названий, образуются с помощью суффикса -an;

---

[29] См.: Klaić V. Hrvati i Hrvatska (Ime Hrvat u povijesti slavenskih naroda). Zagreb, 1930; 2. izd. Split, 1991; Trautmann R. Die slavischen Volker und Sprachen. Göttengen, 1947. S. 54 f.; Grafenauer B. Hrvati. I. Ime // Enciklopedija Jugoslavije. T. 4. Zagreb, 1960. S. 37–38; Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Sv. I. S. 690–692; Francić V. Chorwaci // SSS. T. I. S. 248; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. Warszawa, 1964. S. 127–142; Kunstmann H. Über den Namen der Kroaten // WS. 1982. Jg. 27. Hft I; Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat; Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne. Lublin, 1996. S. 36–43; Pantelić S. Die Urheimat der Kroaten in Pannonien und Dalmatien. Frankfurt-am-Main etc., 1997. S. 20–28.

[30] См.: Pantelić S. Die Urheimat der Kroaten… S. 27–28.

[31] См.: Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 128.

[32] Zeuss K. Die Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 608. Anm.; Geitler L. Etimologija imena Hrvat // RJAZU. 1876. Kn. 34. S. 111; Perwolf B. Slavische Völkernamen // AfSPh. 1884. Bd 7. S. 625 f.

[33] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. СПб., 1996. С. 262.

[34] Heinzel R. Über die Hervarersaga // SBWAW. Phil.-hist. Klasse. 1887. Bd 114. S. 499; Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Т. I. СПб., 1899. С. 173. — В пользу этой версии склонялись также Л. Нидерле и некоторые другие исследователи: Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1904. D. I. Sv. 2. S. 297, 428; Nahtigal R. Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat // Et. 1937–1938. T. 10/11. S. 399 n.; Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa, 1961. S. 224. Prz. 6.

в этом случае этноним *хорваты* имел бы иную форму — Chrvatjane или *хрватане* (как, например, *моравване*, *висляне*, *полочане*, *хорутане*).

Кроме того, как отмечал в свое время А. Брюкнер, славяне вообще не знали такого названия Карпатских гор, которое по своей форме соответствовало бы Harvada fjöll и Chrvati[35]. Общим обозначением Карпат для славян стало их древнее название, заимствованное у дакийских (фракийских) племен, возможно через посредство греч. книжн. Καρπάτης όρος и нем. Karpaten, сопоставимое с алб. karpë, karmë, krep, shrep ‘скала, утес’[36].

Подводя итог развитию научных представлений об этимологии имени хорватов, Г. Ловмяньский имел все основания оценить «карпатскую» гипотезу как полностью себя изжившую[37].

Тем не менее эта гипотеза, и в частности аргументация П. Й. Шафарика, остается привлекательной для некоторых новейших исследователей — прежде всего археологов, изучающих древности культуры карпатских курганов, связываемой с племенем карпов[38]. В последнее время «карпатская» гипотеза приобрела несколько новых сторонников, оперирующих лингвистическими данными; однако их аргументы по существу остаются теми же, что у авторов XVIII–XIX вв.: славянское происхождение этнонима *хорваты* и топонима *Карпаты* устанавливается через возможное чередование корневых ch // k // g; b // v, а также семантическую связь корней chrv- и chrb- < *chrb- , *gъrb- ‘хребет, гора’[39].

Возможность доказать славянское происхождение этнонима *хорваты* чрезвычайно соблазнительна для исследователя. Такое решение выглядит тем более естественным, что данное название в настоящее время принадлежит одному из славянских народов с многовековой историей, а известные ныне письменные и археологические источники в целом позволяют атрибутировать хорватов как славян, начиная со времен Великого славянского расселения.

Несостоятельность «карпатской» гипотезы побудила некоторых ученых искать возможности производства имени хорватов от других славянских корней. В частности, предпринимались попытки сопоставления chъrv- со словац. charviti se ‘защищаться’, этимологически соответствующим лат. servare, от которого образовалось позднейшее armare ‘вооружаться’, находящее соответствие в лит. šarvas ‘оружие’. Иногда праславянскую основу *chъrv- интерпретировали как прямое заимствование герм. *hurwa-, *harwa- ‘оружие’; иногда сопоставляли с праслав. *kъrv- ‘рог, рогатый’, что могло быть связано с некоей разновидностью шлемов, которые носили хорватские воины. Суффикс -at, как и балто-славян. -atas, широко распространен в славянских языках, например: *рог-ат'ый*, *бород-*

---

[35] Brückner A. Wzory etymologii i krytyki źródlowej // Sl. 1924–1925. T. 3. S. 211.

[36] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. С. 202.

[37] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 128.

[38] Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960. С. 150–152; Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 162.

[39] Худаш М. До етимології імені одного з легендарних засновників Києва Хорив та етноніма хорвати // НЗ. 1998. № 6; Купчанко О. Хорвати: питання виникнення етноніму // Питання історії України. Чернівці, 2003. Т. 6.

ат'ый, gęb-at'y, rosoch-at'y и др.[40]

Однако и такая этимология страдает от ряда существенных недостатков. Суффикс -at в имени хорватов может иметь и неславянское происхождение, с не меньшим основанием его можно вывести из иранского или иллирийского языков[41]. Но главное — предлагаемая этимология порождает новые затруднения семантического порядка. Если название хорватов происходит от славянского корня, обозначавшего оружие вообще или его отдельный вид, то возникнуть оно могло, очевидно, при условии наличия у данного племени каких-то особых военных преимуществ, изначально ему свойственных и отличавших его от других славянских племен, став своего рода обозначением таких преимуществ.

Но подобное объяснение не находит никакой опоры в источниках: нет ни письменных, ни археологических свидетельств, могущих подтвердить наличие у хорватов в древности передовых видов оружия или иных военных преимуществ, ставивших их в особое положение среди прочих славян. О каких-либо существенных различиях в уровне военно-технического оснащения у древних славян, скорее, можно говорить не в этническом, а в социально-политическом плане. Своим вооружением и военной подготовкой могли выделяться главным образом представители княжеско-дружинной среды вне зависимости от их племенной принадлежности.

Кроме того, для славянской этнонимии вообще не характерно производство этнических названий от корней, семантически связанных с обозначениями предметов материальной культуры, — нам не известно ни одного случая подобного рода. В образовании славянских этнонимов преобладало производство их от географических названий или понятий, обозначающих пространственно-географические особенности вновь освоенной территории, а также личных имен мифологических родоначальников и предводителей[42].

Еще более сомнительной представляется этимология, предложенная С. Роспондом, согласно которому исходной формой этнонима *хорваты* выступает греч. Χρωβάτοι, представленная в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей». Эта форма будто бы образована от праславянской основы *chorb-, которая с добавлением форманта -гъ дала форму *chorb-гъ > польск. chrobry или charbry, др.-рус. *хоробрый*, сербохорв. chrabar[43].

Однако принятию греч. Χρωβάτοι в качестве исходной формы этнонима *хорваты* противоречит тот факт, что в славянских языках начиная с эпохи раннего средневековья хорватские этнические и географические названия известны только в формах с корневым -v, воспроизводящих общую основу *хъrvat-: др.-рус. *хървати* (Повесть временных лет), сербохорв. *хрва́т*, словен. ragus Crouuati в Каринтии (X в.), др.-чеш. Charvaty в Чехии (Хроника Далимила), серболуж.

[40] Geitler L. Etimologija imena Hrvat. S. 112; Perwolf B. Slavische Völkernamen. S. 626; Brückner A. Wzory etymologii... S. 210 n.; Lehr-Spławiński T. 1) Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // PS. 1951. T. 2. S. 108 n.; 2) Chorwaci // SSS. T. I. S. 248; Popowska-Taborska H. Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Wrocław, 1991. S. 65–66.

[41] См.: Nahtigal R. Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat. S. 398, 410.

[42] См.: Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 129–131.

[43] Rospond S. O stosunkach językowych polsko-ruskich w świetle onomastyki // RKJ WTN. 1973. IX. S. 22.

Chruvati, кашуб. Charwatynia, др.-польск. Charwaty[44].

Большинство вариантов названий *хорваты* и *Хорватия*, встречающихся у далматинских хорватов, также восходят к общеслав. *хъrvat-: Chrvati, Crouati, Crauati, Chruati, Chrъvaty, Chrvate, Chorvaty. Лишь в некоторых случаях эта исходная форма претерпела изменения, сблизившись с греч. Χρωβάτοι, Χρωβατία: Krabatoi, Chrobatia, Corbatia[45]. Появление корневого -b в рассмотренных примерах следует считать результатом греческого влияния: в греческом языке в отличие от славянских согласный -v свободно переходил в -β, особенно при передаче иноязычных названий (греческий «бэтацизм»).

Таким образом, общей чертой большинства упомянутых гипотез, объясняющих происхождение имени хорватов, стало то, что их авторы концентрировали внимание преимущественно на отдельных языковых параллелях, иногда случайных, не учитывая в должной мере всей совокупности исторических и лингвистических данных по хорватской проблематике, имеющихся в распоряжении современной науки.

* * *

Древнейшие, зафиксированные в источниках формы этнонима «хорваты» — *хървати*, Crouuati, χρωβάτοι, — а также тот факт, что в различных восточноевропейских языках (венгерском, русском, польском и чешском) этот этноним распространен в форме Horvati, определенно свидетельствует, что исходным для данного названия был корень hor-. Именно этот корень читается в надписях на танаисских плитах — Χορόαθος, Χορούα[θος].

Форму Horvati, связанную с антропонимом Χορόαθος, следует считать первоначальным вариантом имени хорватов. Дальнейшие его видоизменения, приведшие к чередованию -v и -b, а также перестановке корневых -o и -r, связаны с позднейшими внешними языковыми влияниями, прежде всего влиянием греческого языка. Но и в этом случае нетрудно обнаружить первоначальный корень. О том, что во времена Константина Багрянородного имя хорватов звучало в его исходном виде, свидетельствует данная царственным историком этимология:

> [Имя] хорваты на славянском языке означает «обладатели большой страны»[46].

Такая этимология по другим источникам неизвестна. Возникнуть она могла не на славянской, а на греческой почве: от греч. χώρα ‘область, страна’[47]. Сопоставление имени хорватов с греч. χώρα определенно указывает, что и в самой Византии в устной речи это имя произносилось с корнем χωρ- и только при письме передавалось как χρωβάτοι в силу специфики письменной передачи иноязычных названий. Значит, вплоть до X в. изначальная форма этнонима «хорваты» была распространена в том числе и среди далматинских хорватов, о которых ведет

---

[44] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. С. 262.

[45] Rudnicki M. Prasłowiańszczyzna. Lechia–Polska. T. II. Pozań, 1961. S. 153.

[46] ОУИ. С. 135.

[47] ОУИ. С. 375. Прим. 2; BIN. S. 167. Anm. 351.

свой рассказ византийский император.

Тот факт, что древнейшая письменная фиксация имени, непосредственно связанного с этнонимом *хорваты*, произошла далеко за пределами Карпатского региона, — в степях Северо-Восточного Приазовья, — опровергает предположения об изначальной семантической связи этого названия с понятиями, обозначающими горный рельеф. Не находит подтверждения и мнение о славянском происхождении имени хорватов: время и место фиксации первого хорватского антропонима свидетельствует, скорее, в пользу его иранского происхождения.

Ираноязычное скифо-сарматское население составляло постоянное окружение греческих полисов азово-черноморского региона, поддерживая с ними тесные контакты. Более того, в первых веках нашей эры сарматы уже составляли значительную часть населения этих полисов, что нашло отражение в их материальной культуре. Наличие сарматского населения, в частности, отчетливо прослеживается в памятниках танаисских некрополей (особенности захоронений, погребального инвентаря и пр.)[48].

По данным письменных источников известно, что жители Танаиса делились на две группы — «эллинов» и «танаитов», причем каждая из них управлялась собственными архонтами. Различия между этими двумя группами не всегда носили четко выраженный этнический характер. Большинство имен «архонтов танаитов» имеет иранское происхождение. Вместе с тем и «архонты эллинов (эллинархи)» нередко носили явно негреческие имена, будучи выходцами из среды эллинизированной туземной знати[49].

Носителями антропонима *Хорват'ос* во II–III вв., вероятнее всего, могли быть члены одноименного сарматского племени, обитавшего в низовьях Дона, предводители которого занимали видное положение в городской общине Танаиса и проживали на территории города.

Но даже если полностью абстрагироваться от любых исторических оценок, связанных с эпиграфическими открытиями в Танаисе, ограничившись только лингвистическим анализом хорватских этнических названий, можно констатировать, что наиболее многочисленные аналогии этноним *хорваты* находит в иранской языковой среде. Его сопоставляют с др.-иран. *(fšu-)haurvatā ‘страж скота’, авест. pasu-haurva- : haurvaiti ‘стережет’, haurvatat- ‘целостность’, hara oδα- ‘прекрасно сложенный’, hvar ‘солнце’ в сложении с другими основами типа осет. vat- или vac- ‘вестник’, hra- < *sue- в сложении с основами типа urvaθa- ‘друг’ или aurvant- ‘отважный герой’[50].

Этот ряд можно продолжить другими примерами: название киевской горы *Хоривица* и имя одного из мифологических основателей Киева *Хорив*, имеющие общую основу с этнонимом *хорваты*, сопоставимы с авест. haraiva, др.-перс.

---

[48] Шелов Д. Б. 1) Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 249; 2) Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н. э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1; Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977. С. 45.

[49] Шелов Д. Б. 1) Танаис — потерянный и найденный город. М., 1967. С. 118; 2) Танаис — эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3. С. 51–52.

[50] Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze… S. 56; Zgusta L. Die Personennamen… S. 169–170; Skok P. Etimologijski rječnik… Sv. I. S. 691–692.

haraiva как название области Арианы; ср. авест. hara, haraiti как обозначение горы[51]. Для сопоставления с именем хорватов также представляет интерес имя древней Арахозии — др.-перс. Harauvatis (Бехистунская надпись, I, 6), Harauvatiyā (там же, III, 12, 13) и т. д.[52] Антропоним Χορούαθος, который в сарматском языке мог иметь форму Xurvāθ, сближается с др.-иран. *hu-brāθr- ‘имеющий хороших братьев’[53].

Связь имени хорватов с иран. hvar ‘солнце’ находит поддержку в материалах археологии и топонимики Прикарпатского региона. В Верхнем Поднестровье, на территории проживания летописных хорватов обнаружены памятники, связанные с поклонением солнцу — языческие святилища в с. Урич Львовской обл. и с. Бубнище Ивано-Франковской обл., на стенах которых высечены многочисленные солярные знаки[54]. Распространенная в Прикарпатье топонимика с основой *Хорс/Корс* (*Хоросно*, *Коросно*, *Кросно*), вероятно, также связана с обозначением солнечного божества, а именно *Хорса* или *Хоро*, вошедшего в языческий пантеон восточных славян вследствие культурного влияния ираноязычных соседей и, возможно, являвшегося племенным божеством хорватов[55].

Кроме того, обращает внимание морфологическое сходство этнонимов *хорваты* и *сарматы*, что наводит на мысль об их общем происхождении, связанном с иранской или даже индоарийской языковой средой. По мнению О. Н. Трубачева, иранское *χar-va(n)t- представляет собой не более как «фонетическую (фонетико-морфологическую) ипостась первоначального индоарийского *sar-ma(n)t- ‘женский, женовладеемый’»; античная традиция говорит о сарматах-гинократуменах, т. е. находящихся под властью женщин, женовладеемых (в отличие от близкородственных им скифов); эпитет «гинократумены» есть греческий перевод (калька) собственного имени сарматов[56].

Следует также обратить внимание на хорватскую антропонимику, встречающуюся в известиях Константина Багрянородного. Прежде всего речь идет об именах семи предводителей хорватов, возглавлявших переселение в Далмацию: пяти братьев — *Клука* (Κλουκᾶς), *Ловел* (Λόβελος), *Косендуис* (Κοσέντζης), *Мух-*

---

[51] Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976. С. 121.

[52] Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах. (Основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. I: (Древняя Русь). М., 2000. С. 431. — Подробно см.: Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana.

[53] Абаев В. И. 1) Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М.; Л., 1962. С. 437 сл.; 2) Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 333.

[54] Тимощук Б. О. 1) Східні слов’яни VII–X ст.: полюддя, язичництво, початки держави. Чернівці, 1999. С. 15; 2) Східнослов’янське полюддя // АС. 2000. Вип. 1. С. 224.

[55] Овчинников О. 1) Сакральні та хтонічні божества східно-хорватського регіону // Історія релігій в Україні: Тез. повід. IV круглого столу. Київ; Львів, 1994; 2) Східні хорвати на карті Європи // АС. 2000. Вип. 1. С. 159.

[56] ЭССЯ. 1981. Вып. 8. С. 149 сл. — См. также: Трубачев О. Н. Дополнения и исправления к томам III, IV издания 2-го // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. С. 860. — См. также: Brozović-Rončević D. Na marginama novijih studija o etimologiji imena Hrvat // FOCr. 1993. T. 2.

ло (Μουχλώ), *Хорват* (Χρωβάτος) и двух сестер — *Туга* (Τουγά) и *Вуга* (Βουγά)[57]. Попытки обосновать славянское происхождение хотя бы части из этих имен нельзя признать успешными, в большинстве своем они имеют неславянскую основу[58]. Объясняя данный факт ранней этнической истории хорватов, исследователи сходятся на том, что приведенные византийским императором хорватские антропонимы отражают древнейший неславянский пласт истории этого народа[59].

В современной литературе существует две основные версии происхождения имен упомянутых хорватских вождей. Большинство исследователей говорят об их иранских или в более узком смысле — аланских корнях и объясняет как результат тесных этнокультурных контактов предков славян и иранских народов Северного Причерноморья, осуществлявшихся на протяжении нескольких столетий; только около 800 г. хорватские князья стали носить славянские имена — *Войномир*, *Вышеслав*, *Борна*, *Людовит*, *Драгомуж*, *Владислав*[60].

В. Поль выдвигает версию тюркского происхождения названных Константином имен: вследствие аварского завоевания некоторые тюркские имена и названия могли стать личными именами для некоторых представителей хорватской знати. Особое внимание исследователь обращает на имена пяти братьев-предводителей, которые находят параллели в широко распространенной среди номадов Евразии космологической системе обозначения центра и четырех сторон света[61].

Древнее происхождение этнонима *хорваты*, возникшего еще в праславянскую эпоху, и его связь с иранской языковой средой подтверждается сопоставлением с этнонимом *сербы*, обозначающим ближайших этнических родственников хорватов. Сходство этих названий с точки зрения их этимологии неоднократно отмечалось исследователями[62]. Лингвистические и исторические данные свидетельствуют, что оба этнонима образовались в иранской этнокультурной среде на территории Северо-Восточного Причерноморья; из той же среды происходит и название племенного союза *антов*, сыгравшего важнейшую роль в этногенезе славян[63].

Истоки этнической истории сербов ведут примерно в тот же регион, где от-

---

[57] ОУИ. С. 131.

[58] См.: L o m a A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogennetos // ЗРВИ. 1999–2000. Књ. 38. S. 121–122.

[59] DAI. P. 116 f.; BIN. S. 161, Anm. 327.

[60] K r o n s t e i n e r O. Gab es unter den Alpenslawen eine kroatische ethnische Gruppe? // WSJ. 1978. Bd 24; K a t i č i ć R. Die Anfänge des kroatischen Staates // Die Bayern und ihre Nachbarn. Wien, 1985. T. I. S. 309; K o š ć a k V. Dolazak Hrvata // HZ. 1987. G. 40 (1). S. 362.

[61] P o h l W. Das Awarenreich und die „kroatischen" Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I. S. 292–297. — См. также: P o h l W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa. 567–822 n. Chr. München, 1988. S. 265.

[62] См.: Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. С. 262; ЭССЯ. Вып. 8. С. 151.

[63] G r e g o i r e H. L'Origine et le Nom des Croates et des Serbes; M o s z y ń s k i K. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 147 n.; Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 60; И в а н о в В. В., Т о п о р о в В. Н. О древних славянских этнонимах. С. 430–431.

мечены первые следы пребывания древнейших носителей имени хорватов. Такой вывод позволяет сделать ряд письменных известий, содержащихся в трудах античных историков и географов, синхронных надписям из Танаиса[64]. По данным Клавдия Птолемея (II в. н. э.), приведенным в описании географического положения «Азиатской Сарматии», *сербы* (Σέρβοι) помещались «между Кераунскими горами и рекой Ра»[65], т. е. восточные пределы их обитания простирались до Волги[66].

Указания Птолемея и других античных авторов свидетельствуют о древности этнической истории сербов и, так же, как в случае с хорватами, обнаруживают древнейший неславянский пласт в истории этого народа, непосредственно связанный с сармато-аланским миром Восточного Приазовья и Северного Кавказа. Эти данные представляют собой важнейший аргумент в определении происхождения этнонима «сербы». И хотя его этимология во многом остается спорной, производство имени сербов из иранских языков северокавказского региона является одним из ведущих направлений научного поиска[67]. Слав. *sьrb(j)i сопоставляют, к примеру, с осет. sœrvœt 'общинная земля'[68].

О родстве этнонимов *сербы* и *хорваты* говорит наличие у них общей словообразовательной структуры, устанавливаемой современными лингвистами[69]. Этот факт находит свое объяснение. По мнению К. Мошиньского, этноним *сербы* может иметь более древнюю индоевропейскую основу, и с точки зрения такой ретроспективы более очевидной становится не только фонетическая, но и семантическая связь этнонимов *сербы* и *хорваты*: слав. sьrbъ, Σέρβοι восходит к и.-е. *ser-v- 'охранять', которое дало в классическом скифском *xarv-, откуда слав. *xŕvati[70]. Схожих взглядов придерживался О. Н. Трубачев, считавший, что этноним *сербы*, возможно, «происходит из среды индоарийского (праиндийского) по языку населения Прикубанья и северопонтийских берегов, куда относятся древние племена синдов и меотов»[71]; смена этнического состава первоначальных носителей этнонима *сербы* и вхождение их к праславянскому ареалу произошла в районе Побужья[72].

* * *

Глубокие и разнообразные ирано-хорватские связи в области духовной и материальной культуры выявляются сравнительно-историческими исследованиями. Этнографами, изучавшими хорватский народный костюм, песни и обы-

---

[64] Подробно см.: S w o b o d a W. Serbowie starożytni // SSS. 1975. T. V. Cz. 1. S. 146.

[65] СДПИС. Т. I. С. 53.

[66] Б о р и с о в В. В. Карта Сарматии (нынешней России) во II в. по Р. Х. по греческому географу Птолемею. Ковно, 1909–1910. Вып. 1–3. (Карта 1).

[67] Подробно см.: ВИИНЈ. Књ. II. С. 48–49. Бел. 150; D i t t e n H. Bemerkungen… S. 446–447; Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. I. С. 144. Бел. 9; L o m a A. Serbisches und kroatisches Sprachgut… S. 93.

[68] А б а е в В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. С. 88 сл.

[69] L o m a A. Serbisches und kroatisches Sprachgut… S. 93.

[70] M o s z y ń s k i K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. S. 147 n.

[71] Т р у б а ч е в О. Н. Indoarica… С. 75.

[72] Т р у б а ч е в О. Н. 1) Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4. С. 41–42; 2) Этногенез и культура… С. 51.

чаи, открыты многочисленные элементы, непосредственно происходящие из культурной среды, существовавшей на пространстве между Черным морем и Иранской возвышенностью в эпоху правления иранской династии Сасанидов[73]. В частности, многочисленные черты сходства обнаруживаются в традиционной культуре балканских хорватов и некоторых народов Кавказа. Особое внимание исследователи обращают на близкое сходство хорватских и армянских народных песен и фольклора вообще, некоторых предметов традиционной одежды и погребального обряда, — используемые хорватами специфические каменные надгробия (stećki) свои прототипы находят на Кавказе[74].

Не вызывает сомнения глубокое иранское влияние на формирование религиозных воззрений славян в дохристианскую эпоху. В частности, с влиянием зороастризма связывается дуалистический характер представлений о борьбе доброго и злого божественных начал, выразившийся в культе *Белобога* и *Чернобога*[75]. Отмечается также полное совпадение основных постулатов манихейства — религиозного учения, зародившегося в Персии в III в. и богомильства — религиозно-философского движения на Балканах в X–XIV вв. В основе обеих мировоззренческих систем — дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия[76].

Иранское происхождение имеют некоторые институты власти и управления, характерные для социально-политической организации хорватского общества, начиная с глубокой древности, а также термины, их обозначающие, как, например, *бан* и *жупан*. Вопреки распространенному ранее мнению о тюркском происхождении термина ban, сопоставляемого с титулом kagan, известным славянам со времен аварского завоевания (kagan — bajan — ban)[77], современные исследователи приходят к выводу, что этот термин, обозначавший у хорватов высший государственный институт, происходит от др.-иран. ban с первоначальным значением ‘человек высокого положения, господин, властитель’, а выражение županвыводится из др.-иран. aszurpan ‘великий господин, вельможа’[78].

Традиционный хорватский герб, представляющий собой стилизованное изображение шахматной доски с красно-белыми клетками (5 x 5), как полагают исследователи, происходит из Древнего Ирана, известного своими традициями игры в шахматы. Мотив хорватского герба почти в идентичном виде изображен на древней вазе XI–X вв. до н. э., происходящей из Салкского некрополя. Значительное подобие иранским геральдическим прототипам обнаруживается в гербах хорватской аристократии, например в родовом гербе Шубичей или в гербе, изображенном на семейном надгробье Николая Тавелича — первого хорватско-

---

[73] Gušić M. Običaj «Ljelje-Kraljice» kao historijski spomenik. Zagreb, 1967.

[74] Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana. S. 35; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy… S. 252.

[75] Peisker J. Koje su vjere bili stari Slaveni prije krštenja // SHP. 1928; Pilar I. O dualizmu u vjeri starih Slovjena i o njegovu podrijetlu i značenju // ZNŽOJS. 1931. Knj. 28. Sv. 1.

[76] Mandić D. Hrvati i Srbi… S. 107–110.

[77] См., напр.: Šišić F. Pregled povijesti hrvatskog naroda. Zagreb, 1916.

[78] Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy… S. 250; Košćak V. Iranska teorija… S. 114.

го святого[79]. Исследователи отмечают широкое использование средневековыми хорватскими зодчими некоторых строительных приемов древней персидской архитектуры (ćemer — специальная техника сооружения каменных сводов и hrvatski vuglec — «хорватский угол» в деревянном строительстве), а также элементов персидского декоративного орнамента (troplet — «трехленточное плетение»). Изучение важнейших памятников архитектуры дороманского периода, сохранившихся на территории Далматинской Хорватии, обнаруживает их значительное сходство с архитектурными прототипами Сасанидского Ирана, известными на территории самого Ирана, а также Армении и некоторых областей Передней Азии[80].

К иранским корням восходят некоторые географические названия в Хорватии, например: селение Крапина (Krapina) близ Загреба, остров Крк (Krk) в Адриатическом море, горный хребет Велебит (Velebit). Название загребского парка Tuškanac выводится из иран. tuszkan ‘заяц’. Иранское происхождение имеют выражения: hudoba — в иранском языке оно означает злого бога, а в хорватском — злого, испорченного человека; tamburica — популярный в Хорватии струнный музыкальный инструмент; česma ‘родник, источник‘; škornje — разновидность обуви; čipka ‘кружево‘; šokac — обозначение представителя хорватской народности в Словении (от иран. szok ‘земледелец’). В последнее время исследователи обратили внимание на феномен так называемой угластой хорватской глаголицы, связанной своим происхождением с письменностью Древнего Ирана[81].

Все сказанное дает основания заключить, что не только этноним «хорваты», но и его первоначальные носители — исторические предки балканских хорватов — имели иранское происхождение, их связь с культурно-языковой средой Сасанидского Ирана не вызывает сомнения. Славянизация хорватов должна была стать результатом их последующей исторической эволюции, происходившей в период, когда хорватские племена в ходе переселения на запад достигли районов Прикарпатья.

С точки зрения данной исторической ретроспективы, цветовые этнические наименования, возникшие в процессе расселения хорватов в Центральной Европе и на Балканах — *белые хорваты*, *Белая* и *Червонная Хорватии* — нет необходимости, как это делали некоторые исследователи, связывать с внешними культурными влияниями, в частности, с влиянием гуннов или аваров, подчинивших своей власти славянское население Прикарпатья и Подунавья в эпоху Великого переселения народов[82].

Цветосимволические обозначения в этнических и географических названиях у хорватов и сербов могут быть их древним иранским наследием. Наряду с Китаем традиция цветового обозначения сторон света, в которой западу соответст-

---

[79] Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana. S. 35; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy... S. 252.

[80] Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana. S. 34–35; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy... S.251; Košćak V. Iranska teorija... S.111.— См. также: Strzygowski J. O razvitku starohrvatske umjetnosti. Zagreb, 1927.

[81] Heres T. Dugo putovanje od Irana do Jadrana. S. 35; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy... S. 252.

[82] Županić N. Značenije barvnego atributa v imenu Crvena Hrvata // Et. 1937–1938. T. 10/11.

вовал белый, северу черный, а югу красный цвета, была широко распространена в Древнем Иране, — с древнеиранскими цветовыми обозначениями, в частности, связаны принятые в современной географической номенклатуре названия Черного и Красного морей[83].

* * *

В поисках иранских корней хорватского народа некоторые исследователи углубляются в еще более отдаленные исторические времена.

В 1830–1840-х годах Г. К. Роулинсон расшифровал самую знаменитую царскую надпись эпохи Ахеменидов, высеченную на Бехистунской скале, расположенной между городами Хамадан и Керманшах, на высоте 105 м над дорогой, которая связывала в древности Вавилонию с Мидией и другими странами к востоку от нее. Прославляющая персидского царя Дария I и его предшественника Камбиза надпись, датируемая примерно 519 г. до н. э., выполнена древнеперсидской клинописью на трех языках — древнеперсидском, эламском и аккадском. Над надписью возвышается величественный рельеф с изображением бога Ахура-Мазды, царя Дария в окружении придворных и поверженных им врагов[84].

В Бехистунской надписи читается древнеиранское название одной из восточно-иранских сатрапий Персидской империи в форме *Харавати́я* (Haraυvatti, Haraυvatiyā, Haraυvatis), известной по древнегреческим источникам как *Арахо́сия* (Αραχωσια), располагавшейся в бассейне рек Аргандаб, Аргастан и Газни с главным центром в районе современного Кандагара. Известный хорватский иранист С. Грубишич первым выдвинул предположение, что др.-иран. Haraυvatti и Haraυvatiyā, Haraυvatis являются первыми датированными фактами, имеющими непосредственное отношение к этногенезу хорватов[85].

Опираясь на данные бехистунской надписи, С. Сакач пришел к выводу, что начальная история хорватов берет свой исток в Иране эпохи Ахеменидов. Их прародина, называемая в древних источниках Хараватией или Арахозией, располагалась на границе современного Ирана и Афганистана. В результате нашествия саков, вторгшихся из Пенджаба, в начале нашей эры хорваты вынуждены были переселиться на новые земли в Северном Приазовье[86].

Построения С. Сакача нашли поддержку и у некоторых новейших авторов[87]. Иногда можно встретить еще более смелые предположения: поиски истоков

---

[83] Saussure F. de. Le systeme cosmologique Sine-Iranien // JA. 1923. Vol. 63; Ludat H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen. Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziegungen // Sc. 1953. T. 4. Hft 2; Gabain A. Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // AOAH. 1962. No 1; Šaur V. K původu názvů světových stran // Sl. 1985. R. 54. Z. 1. — См. также: Sacać S. Prevo značenje naziva «bijela» i «červena» Hrvatska // Život. Zagreb, 1938. No 6.

[84] См.: Дандамаев М. А. Цивилизации Древнего Ирана // Древние цивилизации. М., 1989. С. 157–158.

[85] См.: Heres T. 1) Dugo putovanje od Irana do Jadrana; 2) Hrvatska povijest od 6. st. pred Krista do 10. st. poslije Krista // Poljica. 1990. Sv. 15; Marčinko M. Podrijetlo i značenje imena Hrvat // Kačić. Split, 1993. Sv. 25.

[86] Sakać S. 1) Iranische Herkunft des Kroatischen Volksnamens; 2) The Iranian Origins of the Chroata.

[87] См.: Heres T. 1) Dugo putovanje od Irana do Jadrana; 2) Hrvatska povijest…; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy….

хорватского народа и государственности ведутся на территории Древней Персии и Месопотамии во времена, на несколько тысячелетий предшествующие первым письменным известиям о хорватах, а в их этническом названии усматриваются древние индоарийские корни[88].

Однако такое удревнение истории хорватов строится на весьма шатких основаниях, главное из которых — подобие некоторых древних имен и названий этниониму *хорваты*. Как справедливо отмечалось в литературе, само по себе такое подобие и даже близкое соответствие имен не может свидетельствовать в пользу этнической общности их носителей, тем более, если случаи фиксации таких имен и названий хронологически разделены многими столетиями[89].

Сказанное в первую очередь относится к попыткам сопоставления названий *хорваты* и *Хорватия* с Harauvatti и Harauvatiyā. Между указанными названиями не может быть полного соответствия. При всем своем сходстве они происходят от разных корней — *hŝrv- и *harauv-, причем корневой гласный *-a* в Harauvatti не может этимологически соответствовать слав. -ъ в hŝrvati. Нет соответствия форм Harauvatti, Harauvatiyā и с антропонимом Χορόαθος, Χορούα[θος] танаисских надписей, этимологически связывающимся со слав. hŝrvati.

Более основательной выглядит гипотеза, предложенная в свое время Л. Гауптманом, Г. В. Вернадским, Ф. Дворником и принятая другими исследователями, согласно которой древнее племя хорватов происходило из среды ираноязычного населения, в начале нашей эры обитавшего в Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье. Более точная этническая идентификация вызывала некоторые разногласия: одни историки считали хорватов выходцами из антского племенного союза[90], другие говорили об их сармато-аланском происхождении[91].

Во время гуннского или аварского нашествия хорваты совершили значительную миграцию на запад, влившись в ряды армии завоевателей. Оказавшись в Северном Прикарпатье, а в дальнейшем достигнув Верхней Вислы, а также Балкан и Верховьев Эльбы, хорваты, представляя собой лучше организованную в военном отношении силу, установили господство над местным славянским населением и со временем ассимилировались в его среде, передав части славян новое название[92].

---

[88] См.: Vidović M. Hrvatski iranski korijeni. Zagreb, 1991. Sv. I; Ćurić N. M. Staroiransko podrijetlo Hrvata. Zagreb, 1991; Marčinko M. Podrijetlo i značenje imena Hrvat; Pantelić S. Najstarija povijest Hrvata. Mainz, 1993.

[89] Gluhak A. Hrvatski iranski korijeni i staroiransko podrijetlo Hrvata? // Kolo. Zagreb, 1992. Sv. I; Karbić D. [Rec. na knj.:] Stjepan Pantelić. Najstarija povijest Hrvata. Mainz, 1993, str. 97 // HZ. 1994. G. 47. Sv. 1; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. S. 26.

[90] Hauptmann Lj. Seoba Hrvata i Srba // ЈИЧ. 1937. Сш. 3. С. 59–61; Barada M. Hrvatska dijaspora i Avari // SHP. Ser. III. 1952. Sv. 2.

[91] Dvornik F. Les Slaves. Histoire et civilisation. Paris, 1970. P. 35–36.

[92] Hauptmann Lj. 1) Dolazak Hrvata. S. 90 n.; 2) Kroaten, Goten und Sarmaten // GS. 1935. Vol. 3; 3) Seoba Hrvata i Srba. C. 30 sl.; Vernadsky G. 1) Great Moravia and White Chorvatia // JAOS. 1945. Vol. 65. T. 3; 2) Das frühe Slawentum // Historia Mundi. T. V. Bern, 1956. S. 265 f.; Dvornik F. 1) The Making of Central and Eastern Europe. P. 268 f.; 2) The Slavs, Their Early History and Civilization. Boston, 1956. P. 25–29; Barada M. Hrvatska dijaspora...; Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich. S. 169; Košćak V. Iranska teorija... S. 115–116.

Г. Ловмяньский скептически отнесся к возможности существования в древности иранского племени, носившего название хорватов, поскольку в письменных источниках не содержится на этот счет прямых указаний. Антропоним *Хорват* (Хорóαθος) танаисских надписей, по его мнению, мог принадлежать только отдельному лицу, по каким-то причинам ставшему известным жителям греческого полиса[93].

Исследователь не отрицал связи личных имен и этнических названий и, более того, указывал на случаи производства ряда древних славянских этнонимов от имен племенных вождей или князей (*дулебы*, *чехи*, *радимичи* и *вятичи*). Однако, по мнению Г. Ловмяньского, подобная связь осуществлялась только в одном направлении — имя выдающегося вождя со временем могло стать этнонимом. И поэтому в нашем случае «рецепция одним из славянских племен в качестве этнического названия имени Хороатос могла произойти при условии, что он исполнял функции племенного вождя и имел на этом поприще большие заслуги, как, например, Само у чешских славян»[94].

Подобных взглядов придерживается и А. Лома. По его мнению, название «хорваты» происходит от личного имени прародителя племени или древнего властителя, которое было распространено на все племя. Доказательствами этого служат случаи древней письменной фиксации антропонимов Хорóαθος (танаисские надписи) и Χρωβάτος (Константин Багрянородный). Кроме того, в средневековье этноним Хъrvat(in)ъ и соответственно основа *хъrv- широко представлены в личных именах (в отличие от этнонима Sьrbinъ), что, по мнению исследователя, указывает на изначально антропонимический характер имени хорватов[95].

Едва ли можно согласиться с такими доводами. Совершенно очевидно, что между этнонимами и антропонимами могла существовать и обратная связь, когда личные имена были производными от этнических названий. Примеры такого рода можно почерпнуть из истории самих же хорватов. По сообщению Константина Багрянородного, один из предводителей хорватских племен, переселившихся в Далмацию, носил имя *Хорват* (Χρωβάτος)[96]. Как бы ни датировать хорватское переселение на Балканы, ясно, что данный антропоним на несколько столетий моложе своего танаисского аналога и относится ко времени, когда этноним *хорваты* уже укоренился в славянской среде.

Как следует из рассказа Константина, Хорват возглавлял одно из племен, носивших название хорватов и прибывших в Далмацию из «Великой» или «Белой Хорватии». Значит, и этноним *хорваты* и хоронимы *Великая* и *Белая Хорватия*, обозначавшие территорию, откуда происходило хорватское переселение на Балканы, — названия, возникшие ранее упомянутого переселения. Антропоним *Хорват* в известии Константина явно вторичен, и этот случай не может быть доказательством антропонимического происхождения этнонима «хорваты». Наоборот, он определенно демонстрирует обратную взаимосвязь: антропоним «Хорват» был производным от этнонима «хорваты».

---

[93] Ł o w m i a ń s k i H. Początki Polski. T. II. S. 139–140.
[94] Ibid. S. 140.
[95] L o m a A. Serbisches und kroatisches Sprachgut… C. 95.
[96] ОУИ. С. 130, 131.

Об этом же свидетельствует и другой факт, также имеющий отношение к хорватской антропонимии. Самая частая фамилия у современных хорватов — *Хорват*[97]. Причем хорватские антропонимы встречаются не только на территории Хорватии, но и за ее пределами, например, в Словакии множество таких антропонимов известно по архивным документам, начиная с XVI в., и сейчас фамилия «Хорват» по распространенности занимает у словаков второе место[98].

Нет никаких оснований трактовать эти факты как свидетельства антропонимического происхождения этнонима «хорваты». Этот этноним, очевидно, древнее всех известных случаев распространения соответствующих ему антропонимов в Центральной Европе и на Балканах. Кроме того, исследования показывают, что фамилия «Хорват» и подобные антропонимы более всего распространены там, где при немецком и венгерском господстве хорваты составляли обособленную группу населения[99].

Следовательно, эти антропонимы выполняли функцию своего рода этнокультурного индикатора, способствовали в неблагоприятных политических условиях обеспечению и сохранению этнической самоидентификации хорватов. Значит, при их производстве главную роль играл фактор этнической принадлежности: личные имена типа *Хорват* отражали идею принадлежности к народу, носившему имя хорватов, и были производными от этого этнонима. По наблюдениям В. А. Никонова, этническая принадлежность и место происхождения вообще — одни из основных факторов образования славянских фамилий[100].

Таким образом, возможность производства личных имен от этнических названий — достоверный исторический факт. В истории хорватов такая возможность была реализована неоднократно. Ранняя фиксация антропонима *Хорват* в танаисских надписях не может быть доказательством вторичности этнонима *хорваты*, зафиксированного в более поздних источниках. Тем более, что образование личных имен от этнических названий — явление вообще характерное для ираноязычного населения Северного Причерноморья.

В корпусе боспорских надписей неоднократно встречаются антропонимы *Сармат* и *Савромат*. На древних мраморных плитах, найденных на побережье Черного моря в Анапе и датируемых примерно второй половиной II в., читаются имена:

Σαρμάτας (Сармат), Σαρμάτας Κοδόρα (Сармат, сын Кодора)[101]; Σαρμά[τας] Χορηγίωνος (Сармат, сын Хорегиона), Σαρμάτας Χοδεκίον (Сармат, сын Ходекия)[102]; Σι[αγ]ους Σαρμάτα (Сиагус, сын Сармата)[103].

---

[97] См.: Leksik prezimena Socialisticke Republike Hrvatske. Zagreb, 1976.

[98] Habovstiakova K. Medzijazykové Kontakty pri rodných menách v staroj slovenčine // SS. 1975. S. 42.

[99] Никонов В. А. Типология славянской антропонимии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 268.

[100] Там же. С. 265.

[101] КБН. С. 666 (№ 1134).

[102] Там же. С. 677 (№ 1140).

[103] Там же. С. 697 (№ 1179).

Имя *Савромат*, как уже отмечалось, носил один из правителей Танаиса, живший на рубеже II–III вв.

Образованию личных имен от этнических названий ираноязычных народов в Причерноморье, очевидно, способствовала необходимость этнокультурной самоидентификации в условиях постоянных контактов и совместного проживания с греческим населением городов Боспорского царства. Такие же факторы, как мы видели, действовали и в отношении потомков причерноморских иранцев — центрально-европейских и балканских хорватов, — что способствовало сохранению у них старой традиции производства личных имен от названия своего народа.

Глава 6

Славяне и сарматы в первые века нашей эры

Славяно-иранские контакты на юге Восточной Европы. — О хронологии и территории славяно-иранского этнического синтеза. — Гипотеза о славянском происхождении этнонима *сарматы*. — Роль сарматов в этногенезе славян Поднестровья. — Славяне между Германией и Сарматией (венеды, певкины и сарматы).

Существование тесных контактов части славянских племен Юго-Восточной Европы с остатками древнего скифского и сарматским населением Северного Причерноморья, продолжавшихся до эпохи раннего средневековья, доказывается исследованиями в области сравнительного языкознания. Следы иранского влияния обнаруживаются не только в лексике, но также в фонетике, морфологии и синтаксисе некоторых славянских языков и прежде всего восточнославянских[1].

В частности, результатом тесных ирано-славянских языковых контактов, происходивших на территории Восточноевропейской равнины, объясняется появление в современном украинском языке и некоторых южнорусских говорах звонкого щелевого γ(h), первоначально возникшего в скифском языке и родственных ему восточноиранских диалектах из более ранних общеарийских *g и *gh[2]. Как общая черта, обязанная ирано-славянским ареальным контактам, воспринимается исследователями близость системы употребления и совпадение комплекса значений превербов в осетинском и славянских языках[3]. Распростра-

---

[1] См.: А б а е в В. И. 1) Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965; 2) Избр. труды. Т. II: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995; Т о п о р о в В. Н. 1) Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // КСИС. 1960. Вып. 28; 2) Еще раз о GOLTHESCYTHA у Иордана (Getica. 116): К вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М., 1983; З а л и з н я к А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. М., 1962; Т р у б а ч е в О. Н. 1) Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967; 2) Языкознание и этногенез славян: Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.): Доклады советской делегации. М., 1983; K i p a r s k y V. Russische historische Grammatik. Bd III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975. S. 59–61; Б и р н б а у м Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987; Э д е л ь м а н Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2003.

[2] А б а е в В. И. 1) О происхождении фонемы γ(h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115–121; 2) Скифо-европейские изоглоссы. С. 41–52; 3) Избр. труды. Т. II. С. 332–342; Э д е л ь м а н Д. И. К происхождению ирано-славянских диахронических параллелей // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 76–77.

[3] А б а е в В. И. 1) Превербы и перфективность: Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. С. 90–99; 2) Скифо-европейские изоглоссы. С. 54–68.

нение форм генитива на функции аккузатива в осетинском, восточноармянском и славянских языках также говорит о наличии прямых межъязыковых контактов[4].

Особую научную проблему представляет собой комплекс лексических параллелей, отмечаемых в иранских и славянских языках. Исследователи говорят как о прямых заимствованиях иранской лексики, так и о случаях семантического сдвига в значении отдельных слов и корней, произошедших в некоторых славянских языках. Речь идет о заимствованиях, затронувших самые разные пласты славянской лексики — от сакральной до бытовой[5]. Как считает В. Н. Топоров, «при строгом подходе многие иранизмы могут оказаться не столько заимствованиями, сколько реликтами иранской речи в языке населения, перешедшего на славянскую речь»[6].

Глубокое воздействие иранского начала проявляется в области восточнославянской языческой религии и мифологии, духовной культуры, обычаев и быта[7]. Так, в языческом пантеоне Владимира иранское происхождение имеют *Хорс* и *Семаргл*[8]. Как устанавливает М. А. Васильев, теоним *Хорс* / *Хурс* является славянской передачей Сарматского культового наименования Солнца — «Солнцецарь» в форме *xors / *xūrs[9]. Иранские по происхождению божества были сармато-аланским наследием у восточной ветви славянства, одной из культурных рефлексий существовавшего в течение длительного времени в I тыс. н. э. глубокого славяно-иранского взаимодействия на юге Восточной Европы[10].

По антропологическим данным, значительная часть населения Южной Руси X–XII вв., характеризуемая мезокранией при относительной узколицести, в своем облике восходит к той группе носителей черняховской культуры, которая сложилась в условиях ассимиляции славянами ираноязычных племен[11].

Одной из причин, побуждавших древних славян к тесным контактам с их ираноязычными соседями стало более высокое экономическое и культурное развитие оседлого скифо-сарматского населения, имевшего многовековые связи с античной цивилизацией. Будучи носителями провинциально-римских культурных традиций, причерноморские скифо-сарматы оказали существенное влияние

---

[4] Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. С. 68–79; Эдельман Д. И. К происхождению… С. 85, 87.

[5] Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений… — Ср.: Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений…

[6] Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // СБФ. 1989. С. 24.

[7] Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 354–527; Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н. Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 24–25; Топоров В. Н. Об иранском элементе…; Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа Владимира. М., 1999.

[8] Топоров В. Н. Об иранском элементе… С. 25 сл.; Васильев М. А. Язычество восточных славян… Гл. 1 и 2.

[9] Васильев М. А. Язычество восточных славян… С. 71.

[10] Там же.

[11] Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // СЭ. 1974. № 1.

на развитие всей черняховской культуры, определив ее характерные черты, что в итоге привело к размыванию местных этнографических различий[12].

Вместе с тем, потерпев поражение от готов, значительная часть сарматского населения с конца II в. стала отходить на север в лесостепные районы, переходя к оседлому образу жизни. Смешиваясь с местным земледельческим населением, сарматы приняли непосредственное участие в формировании черняховской культуры, став одним из основных компонентов ее населения. Очевидно, в процессе оседания сарматы не создавали своих отдельных поселений, а присоединялись к уже существующим поселениям земледельцев[13].

Процесс ирано-славянского этнокультурного синтеза протекал раньше, чем началось заселение славянами Дунайских земель и Балканского полуострова. По данным языкознания, славянское население, осваивавшее указанные районы, уже испытало иранское воздействие. Поскольку первые славяне на Балканах и Среднем Дунае появились только в конце IV–V вв., период ирано-славянского симбиоза должен быть отнесен к первым векам I тысячелетия н. э.[14]

* * *

Начало контактов сарматов с оседлым населением лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины следует датировать временем существования зарубинецкой культуры (II в. до н. э. — II в. н. э.), носителями которой были одни из предков славян — исторических венедов[15]. Проблема зарубинецко-сарматских отношений давно обсуждается в литературе[16]. Исследованиями археологов установлено, что с первой половины I в. н. э. происходит резкое усиление набегов сарматов на зарубинецкие поселения[17].

Особенно значительный натиск со стороны сарматов испытывало население лесостепной полосы Днестро-Днепровского междуречья, где выявлена большая

---

[12] Баран В. Д. 1) Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. С. 152–162; 2) Слов'яни у другій чверті I тис. н. е. // Давня історія України. Т. 3. Київ, 2000. С. 49–50.

[13] Гудкова О. В. Про участь сарматів у виникненні черняхівської культури // Археологія. 2002. № 2. С. 36–40; Козак Д. Н. Сармати та слов'яни на Україні // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. [До 80-річчя Є. В. Максимова]. Київ, 2003. С. 68.

[14] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191.

[15] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. М., 1970. С. 28, 32–43; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971. С. 179–187; Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972. С. 129–133; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 118–153; Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні наприкінці I тис. до н. е. — у I тис. н. е. // Етнічна історія давньої України. Київ, 2000. С. 122–139.

[16] Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях // СА. 1954. № 19. С. 120; Максимов Є. В. Відносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. 1978. № 28. С. 45–54; Кубишов А. І., Покляцький О. В., Симоненко О. В. Про взаємини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. 1987. № 58. С. 56–63; Обломский А. М., Томашевич В. В. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 48–55.

[17] Козак Д. Н. Сармати та слов'яни на Україні. С. 65–67.

группа чисто сарматских погребений[18]. Периоды военных действий сменялись временем мирного сосуществования. С середины I в. н. э. сарматы закрепляются на ряде зарубинецких территорий Киевщины, Черкасщины и Подолья. На порубежье Степи и Лесостепи от Днестра до Днепра и далее на восток найдено немало смешанных зарубинецко-сарматских памятников[19].

Таким образом, история славяно-иранского этнического взаимодействия ведет свой отсчет с первого века новой эры, и к началу Великого славянского расселения она уже насчитывала около пяти столетий[20].

Не менее интенсивно процессы славяно-иранского синтеза происходили и во второй четверти I тысячелетия. Об этом свидетельствуют памятники этулийской культуры Буджакской степи, имеющие смешанные сармато-венедские элементы[21], а также памятники черняховской культуры, свидетельствующие о совместном проживании сарматов и славян в лесостепной зоне Украины в III–IV вв.[22] Многовековые непрерывные контакты с сарматами оказали значительное влияние на процессы этногенеза славян. Как отмечает Д. Н. Козак, «они были многогранными и пришлись на наиболее ранние этапы развития древнеславянского этноса на территории Украины, и потому затронули многие стороны его существования»[23].

Как уже отмечалось, основной территорией совместного проживания предков восточных славян и потомков причерноморских скифо-сарматов был Подольско-Днепровский регион (от верхнего и среднего течения Южного Буга до среднего и нижнего течения Днепра). В период существования черняховской культуры на этой территории происходили наиболее активные процессы этнического синтеза местного ираноязычного населения и расселившихся здесь славян — потомков носителей пшеворской и позднезарубинецкой культур. Доминирующая роль принадлежала славянам, что предопределило характер протекавших в указанном регионе этнических процессов[24].

«Процесс славянизации иранского населения в Подольско-Днепровском регионе, — отмечает В. В. Седов, — по-видимому, не был завершен. Однако это не препятствует заключению о том, что славяне черняховской культуры — это не только потомки пшеворских племен, но и ассимилированное скифо-сарматское население». Сложившуюся на данной территории в черняховское время этническую ситуацию исследователь определяет как «славяно-иранский симбиоз»[25].

---

[18] Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.

[19] См.: Максимов Е. В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры; Хавлюк П. І. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережного Дніпра // Археологія. 1975. № 18; Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. Киев; Сумы, 1991. С. 139–140.

[20] См.: Майоров А. В. Контакты славянского и сарматского населения Северного Причерноморья в первые века нашей эры: языковые и культурные аспекты // ССПК. 2005. Т. 12.

[21] Гудкова А. В. О классификации памятников III–IV вв. в Днепро-Дунайской степи // Археологические памятники степей в Днепро-Поднестровье-Подунавье. Киев, 1989.

[22] Славяне Юго-Восточной Европы… С. 98–172.

[23] Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні… С. 139.

[24] Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 273.

[25] Там же. С. 274, 275.

Другим регионом на карте Восточной Европы, которому было суждено сыграть важнейшую роль в этногенезе славян, можно считать район верхнего течения Днестра и прилегающие к нему территории верховьев Западного Буга. На этих землях получили распространение памятники пшеворской культуры (конец II в до н. э. — V в. н. э.), восточную часть ареала которой (в особенности земли Верхнего Поднестровья и Западной Волыни) занимали предки славян[26].

Район Среднего Поднестровья — территория будущей Галицкой земли — занимал особое положение, находясь между двух названных эпицентров этногенеза славян в Восточной Европе и в силу этого испытывая постоянный приток славянского населения. С древних времен Среднее Поднестровье было особенно тесно связано с верхнеднестровскими землями ввиду постоянных контактов местного населения. Современные исследователи выделяют древности бассейна Среднего и Верхнего Днестра конца I — середины II вв. н. э. в особую волыно-подольскую группу, сыгравшую важнейшую роль в этногенезе славян и составившую основу формирования черняховской культуры в данном регионе[27].

И хотя славянские памятники черняховской культуры концентрируются на широком пространстве лесостепной полосы между Днестром и Днепром, региону Среднего и Верхнего Поднестровья принадлежала особая роль в этногенезе славян, — характерные признаки их материальной культуры здесь выражены наиболее ярко. «Лесостепную полосу в Днестро-Днепровском междуречье, — пишет И. С. Винокур, — где представлены четырехугольные жилища-полуземлянки с печами-каменками, особенно в Среднем и Верхнем Поднестровье со специфическим керамическим комплексом, можно считать основной территорией черняховской культуры, связанной с историей древних восточных славян»[28]. К такому же выводу приходит и В. Д. Баран[29].

Для северо-западной части черняховского ареала характерна меньшая концентрация сарматских памятников. Но вместе с тем не вызывает сомнений, что в район Среднего и Верхнего Днестра был направлен один из значительных потоков сарматского переселения. В Поднестровье и Прикарпатье зафиксированы памятники сарматской культуры первых веков новой эры, являющиеся здесь пришлым элементом[30]. Среди них выделяются Киселевский могильник в Киц-

---

[26] Седов В. В. 1) Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 58–74; 2) Славяне в древности. С. 166–200; Козак Д. Н. 1) Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984; 2) Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.). Київ, 1991; 3) Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993.

[27] Винокур И. С. 1) Волыно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры // КСИА. 1970. Вып. 121; 2) Генезис черняхівської культури на Волині і Поділлі // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України; Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н. е. // Археологія. 1986. № 56. С. 36–37.

[28] Винокур І. С. Черняхівська культура... С. 277.

[29] Баран В. Д. Слов'яни у другій чверті I тис. н. е. С. 48.

[30] См.: Щукин М. Б. 1) К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1973. Вып. 15; 2) На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 220.

манском р-не Черновицкой обл., датируемый I–II вв.[31], синхронные ему могильники у с. Островец Гвиздецкого р-на Ивано-Франковской обл.[32], могильник у с. Ленковцы Кельменецкого р-на Черновицкой обл., относящийся ко II — началу III в.[33], женское погребение начала III в. в с. Буряковка Залищицкого р-на и ряд других сарматских памятников на юге Тернопольской обл.[34].

Анализируя материалы сарматских могильников, можно заключить, что на протяжении I — начала III в. происходил процесс активного проникновения кочевников из Северо-Западного Причерноморья через земли современной Молдавии на территорию Среднего Поднестровья и Прикарпатья.

На новых землях сарматы проживали, очевидно, среди местного земледельческого населения и постепенно сами оседали на землю, смешиваясь с гето-дакийскими и славянскими племенами. Активное взаимовлияние культур местного оседлого и пришлого кочевого населения, по мнению И. С. Винокура, нашло свое выражение как в морфологических признаках археологических памятников, так и в антропологических материалах. В частности, в керамическом комплексе сарматов кроме традиционной лепной посуды появляется гончарная, аналогичная черняховской. В погребальной обрядности гето-дакийских и славянских племен наряду с трупосожжением возникает обычай ингумации, заимствованный у сарматов[35].

* * *

Признание тесных многовековых славяно-сарматских контактов, достигавших в основных районах этногенеза славян на юге Восточной Европы степени этнокультурного синтеза, привело некоторых новейших исследователей к пересмотру традиционной этимологии этнонима *сарматы*.

Иранское происхождение этого, зафиксированного в многочисленных древних памятниках названия, как и иранские корни этноса, его носившего, еще недавно безоговорочно признавались практически всеми лингвистами[36]. Разрушить сложившийся научный стереотип пытается Р. М. Козлова. Она устанавливает наличие в восточнославянской ономастике многочисленных лексических параллелей этнониму *сарматы*, на которые ранее не обращалось должного вни-

---

[31] Тимощук Б. А., Винокур И. С. Памятники черняховской культуры на Буковине // МИА. 1965. Вып. 116. С. 186–192; Винокур И. С., Вакуленко Л. В. Киселевский могильник I–II вв. н. э. // КСИА. 1967. Вып. 112.

[32] Смішко М. Ю. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області // МДАПВ. 1962. Вип. 4.

[33] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. Вып. 51.

[34] Малєєв Ю. М., Піоро І. С. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія. 1973. Вип. 12; Малєєв Ю., Симоненко О. Сарматські поховання на півдні Тернопільщини // МДАПВ. 2002. Вип. 8.

[35] Винокур І. С. Сармати у Прикарпатті // АС. 2000. Вип. 1. С. 55.

[36] Rospond S. Baza onomastyczna pie. **ser-* / **sor-* / **sŗ-* / **sreu-* (Sarmaci i Serbowie) // LP. 1965. T. 10. S. 20; Блаватский В. Д. О скифской и сарматской этнонимике // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 46; Трубачев О. Н. «Старая Скифия» (Ἀρχαίη Σκυθίη) Геродота (IV, 99) и славяне: Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. № 4. С. 40; Стрижак О. С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії. У пошуках Русі. Київ, 1991. С. 73.

мания. Это — разнообразные топонимы, гидронимы, ойконимы и антропонимы, имеющие корень *Sъrm- с характерным набором вокализаций корневого сонанта и фонетических трансформаций в корневой морфеме[37]. Все они, по мнению исследователя, образованы от исходного праславянского адъектива *sъrmatъ (-a, -o), имеющего топографическое значение — 'изобилующий, богатый *сормами*, т. е. мелями, перекатами, подводными камнями (о реках)'[38].

«Нет никаких лингвистических препятствий, — замечает далее Р. М. Козлова, — для включения в число продолжений праслав. *sъrmatъ (-a, -o) древнего этнонима *сарматы* для обозначения этноса, занимавшего пространство Восточной Европы между Вислой, включая Карпаты, и Волгой...». Праславянская бинарная группа ъr в корневой морфеме *Sъrm- может быть результатом диалектной вокализации и.-е. *r̥* в корневой морфеме *Sr̥m-. И в этом случае с и.-е. *Sr̥mátai через посредство праславянского *Sъrm-átai связываются древнегреческие обозначения сарматов — Σαυρομ-άτ, Σαρμ-άται, Συρμ-άται[39].

«Таким образом, — делает вывод Р. М. Козлова, — этимология *Sъrmatъ (-a, -o), Sarmátai, Sarmatia решается на славянском материале, а следовательно, между понятиями Sarmátai, Sarmatia и *Славяне*, *Славия* следует поставить знак равенства»[40].

Мы не беремся оценивать эту этимологию с лингвистической точки зрения. Такая задача — дело специалистов. Выскажем лишь несколько замечаний, касающихся исторического аспекта гипотезы, предлагаемой Р. М. Козловой.

В историческом отношении «знак равенства» между славянами и сарматами можно было бы поставить, только если иметь в виду результаты длительного славяно-сарматского этнокультурного синтеза, происходившего в некоторых районах проживания сарматских племен в первые века нашей эры. Полное же отождествление сарматов со славянами невозможно.

Нет оснований для их сближения, а тем более отождествления в языковом и культурном отношении на ранних этапах этнической истории обоих народов. Этому противоречили бы данные исторических источников: рассказ Геродота о происхождении сарматов от браков скифов с амазонками, указание Страбона, называвшего сарматов «последними из известных скифов» и др.[41] Кроме того, родственная связь сарматов со скифами доказывается данными лингвистики, устанавливающей принадлежность обоих древних народов к иранской языковой группе[42]. Многочисленные археологические и историко-этнографические материалы также свидетельствуют об этническом родстве сарматов со скифами, проявившемся не только в сфере материальной культуры[43], но и в области религии

[37] Козлова Р. М. О Сормах, Сарматах, Сорматских горах // СОЕ. 2004.
[38] Там же. С. 261.
[39] Там же. С. 263.
[40] Там же. С. 264.
[41] Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. В. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарии. М., 1982. С. 363.
[42] См.: Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979; Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
[43] Смирнов К. Ф. 1) Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964; 2) Сар-

и мифологии[44]. Гипотеза о славянском происхождении этнонима *сарматы* не находит подтверждения и в сравнительно-типологической перспективе. Мы имеем в виду прежде всего тот хорошо известный факт, что для формирования славянской этнонимии в позднеантичную и раннесредневековую эпоху вообще были характерны тенденции, обратные по своей направленности. Если судить по сохранившимся письменным источникам, древнейшими аутоэтнонимами славян становились названия иноязычного происхождения, в том числе и иранские — *анты*, *хорваты*, *сербы*, *венеды*, *дулебы*, *болгары*[45]. В это время не зафиксировано ни одного случая, когда бы славянские по происхождению имена или названия становились этнонимами для неславянских народов.

* * *

Карпато-Днестровский регион издревле представлял собой арену сложных этнических процессов. Автохтонное фракийское (гето-дакийское) население в последние столетия до новой эры испытывало сильное влияние кельтов и германцев, переселившихся сюда с запада, из районов Центральной Европы[46].

В середине I в. до н. э. на Западной Волыни и в Верхнем Поднестровье появляется новое население, прибывшее на этот раз с севера, из Польши, и занявшее территории Северного Прикарпатья и Левобережья Днестра примерно до Галича. Это были носители *пшеворской культуры*, возникшей на территории Висло-Одерского междуречья и представлявшей собой субстрат германского, кельтского и древнеславянского этнических компонентов[47].

маты и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984; Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983; Мошкова М. Г. 1) История изучения савромато-сарматских племен // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989; 2) Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Там же; Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992; Мурзін В. Ю. Населення України у I тис. до н. е. — на початку I тис. н. е. // Етнічна історія давньої України. С. 71 н.

[44] См.: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

[45] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. I. С. 187, 551; Т. III. С. 604; Т. IV. С. 262; ЭССЯ. 1979. Вып. 5. С. 147–148; М., 1981. Вып. 8. С. 149–151; Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.

[46] Мачинский Д. А. 1) К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти — Лукашевка // Археология Старого и Нового света. М., 1966; 2) Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15; Бидзиля В. И., Щукин М. Б. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. М., 1993; Бандрівський М., Йосипишин Я. Кельти на заході України // УМ. 1996. Вип. IX.

[47] Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. T. I. S. 215–277; Kolendo J. Źródła pisane w badaniach nad strefami kulturowymi i etnicznymi Europy środkowej w okresie rzymskim // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 70–78; Козак Д. Н. 1) Пшеворська культура...; 2) Пшеворская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.; Русанова И. П. 1) Компоненты пшеворской культуры // Труды V Междунар. конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4; 2) Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М., 1990; Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Походження слов'ян. Київ, 1991. С. 28 н.; Седов В. В. 1) Славяне в древности. С. 166–200; 2) Славяне: Историко-археологическое исследование; С. 97–125; Цветков С. В. Кельты и славяне. СПб., 2005. С. 9–20.

В I в. н. э. происходит значительное расширение области обитания сарматов, связанное с их перемещением на запад. Это перемещение фиксируется как сопоставлением этнокарт Страбона (до 18 г.) и Плиния (до 79 или 62 гг.), так и археологически, — со второй половины I в. наблюдается резкое увеличение числа сарматских погребений на Правобережной Украине и в Молдавии[48]. Начало миграции, по-видимому, было связано с бурными событиями рубежа 40–50-х годов в Северном Причерноморье — конфликтом между сарматскими племенами *сираков* и *аорсов*, переселением другого сарматского племени *языгов* через Карпаты в Среднее Подунавье по призыву царя *квадов* Ванния, а также возникновением особого сарматского царства в междуречье Днепра и Прута во главе с неким царем Фарзоем, чеканившем свои монеты в Ольвии[49].

В результате в начале нашей эры в Восточном Прикарпатье складывается весьма пестрая в культурном и этническом отношении картина. Памятники региона демонстрируют смешение пшеворских, дакийских и сарматских черт.

Яркий пример тому — хорошо изученные археологами могильники так называемой *звенигородской группы* (в районе с. Звенигород Львовской обл.), где в одних и тех же комплексах встречаются вещи пшеворского, дакийского и сарматского облика, пшеворские захоронения по обряду трупосожжения сочетаются с сарматскими трупоположениями[50]. В этом же регионе (на могильнике Гринев) сделана находка уникального произведения древнего ювелира — ажурная обкладка ножен меча с изображением грифона, всадника и любовной сцены, демонстрирующая причудливое сочетание элементов фракийского, кельтского и сарматского искусства[51].

В указанном регионе обнаружены также два богатых погребения (в Чижиково и Колоколине), выделяющиеся своим инвентарем, в частности, наборами бронзовой римской посуды, атрибутируемыми как княжеские[52]. Их обнаружение позволило некоторым исследователям даже высказать гипотезу о существовании в Восточном Прикарпатье особого «клиентального» варварского государства, созданного римлянами в качестве своеобразной «буферной зоны» наподобие «царства Ванния» в современной Словакии[53].

---

[48] Щукин М. Б. На рубеже эр. Рис. 71.

[49] См.: Щукин М. Б. 1) Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1; 2) На рубеже эр. С. 204–224.

[50] Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской обл. (раскопки у сел Звенигород и Болотное) // КСИИМК. 1957. Вып. 68; Кропоткин В. В. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовской обл.) // КСИА. 1974. Вып. 40; Козак Д. Н. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині // Археологія. 1978. Вип. 25; Щукин М. Б. На рубеже эр. С. 229–231.

[51] Kozak D. N. Eine Bestattung aus dem ersten nachchristlichen Jahrhundert am Oberlauf des Dnjestr // Germania. 1982. Bd 60. Hbd 2.

[52] Smiszko M. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstws rzymskiego w Małopolsce Wschodnej. Lwów, 1932; Majewski K. Imacz naczynia bronzowego z Kolokolina // WA. 1935. T. 13; Смишко М. Ю. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области // СА. 1957. № 1.

[53] Majewski K. Klienci Rzymu i osródki władzy "książat plemiennych" w Europie środkowej w okresie cesarstws w świetle źródel archeologicznych // Archeologia. 1962. R. 13.

В середине — второй половине I в. н. э. регион верхнего и среднего течения Днестра принимает новую волну переселенцев с востока. Пшеворское население Поднестровья смешивается с носителями зарубинецкой культуры, которые в значительном количестве переселяются сюда из районов Среднего Поднепровья.

Зарубинецкая культура принадлежит к числу крупнейших археологических культур Юго-Восточной Европы периода поздней античности. Ее ареал охватывал территории Среднего и Верхнего Поднепровья, а также бассейнов Припяти и Десны. Основу ее населения составляли автохтонные балтские племена, а также переселенцы из областей Центральной Европы — носители *позднеоморской* и *подклёшевой культур*, прибывшие с территории современной Польши. Кроме того, в составе зарубинецкой культуры находят германские, фракийские, кельтские элементы, характерные для некоторых ее локальных групп[54].

Происходящее из Висло-Одерского междуречья древнее славянское население было преобладающим в Припятско-Полесском регионе[55]. В лесостепной полосе Среднего Поднепровья значительную роль в формировании зарубинецкой культуры играло автохтонное население скифского времени, в котором одни исследователи видят праславян, а другие доказывают его иранскую принадлежность[56].

В I в. н. э. земледельческое население Среднего Поднепровья начинает испытывать усиливающийся натиск со стороны сарматов. В ответ возникает ряд новых зарубинецких городищ и дополнительно укрепляются уже существующие (Пилипенкова Гора, Ходосовка, Бабина Гора). Вскоре городища на юго-восточной границе расселения зарубинецких племен, в районе Канева, погибли в огне пожарищ, в их валах и культурном слое обнаружены наконечники сарматских стрел, свидетельствующие о нападениях кочевников[57].

В середине I в. прекращаются захоронения на всех крупнейших могильниках зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье и Полесье (Корчеватовском, Зарубинецком, Пироговском, в Велемичах I и II и др.)[58]. В то же время на землях в Среднем Поднепровье, принадлежавших носителям зарубинецкой

---

[54] Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура // САИ. 1964. Вып. Д1–19; Максимов Е. В. 1) Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры; 2) Зарубинецкая культура на территории Украинской ССР. Киев, 1982; Седов В. В. 1) Происхождение и ранняя история славян. С. 74–78; 2) Славяне в древности. С. 201–221; Максимов Е. В., Русанова И. П. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э.; Каспарова К. В. Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи латена // АСГЭ. 1984. Вып. 25; Еременко В. Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. СПб., 1997.

[55] Кухаренко Ю. В. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // СА. 1960. № 1; Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. 1966. Вып. 107; Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 56–59; Максимов Е. В., Русанова И. П. Зарубинецкая культура. С. 39; Козак Д. Н. Слов'яни у II ст. до н. е. — першій чверті I тис. н. е. (за археологічними даними) // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 29–30.

[56] См.: Максимов Е. В. Среднее Поднепровье… С. 116–129; Максимов Е. В., Русанова И. П. Зарубинецкая культура. С. 38–39.

[57] Максимов Е. В. Зарубинецкая культура на территории Украинской ССР. Табл. XIX. 8.

[58] Каспарова К. В. Зарубинецкая культура…

культуры, появляется ряд сарматских памятников (могильник у с. Калантаево, погребения в Кагарлыке, Ружичевке, Липовце, богатые захоронения в Цветне и Старой Осоте). Сарматы углубляются в лесостепь и почти достигают широты Киева[59].

В результате мощного сарматского удара зарубинецкое население покинуло прежние места обитания и расселилось в разных направлениях. Часть его ушла на восток — в Подесенье и далее вплоть до Дона[60]. Другая часть — на юго-запад, в районы Южного Побужья и Поднестровья. В среднем течении Южного Буга раскопан могильник Рахны и ряд небольших поселений, сохраняющих черты зарубинецкой культуры[61]. А в районах Поднестровья обнаружен ряд позднезарубинецких памятников, расположившихся вперемешку с пшеворскими[62].

Переселение в районы Поднестровья значительных масс славянского населения во второй половине I в. н. э. привело к коренным изменениям этнокультурной обстановки в данном регионе. В результате смешения пшеворского и зарубинецкого компонентов формируется новая, славянская в своей основе этнокультурная общность, первоначально названная исследователями волыно-подольской группой пшеворской культуры[63]. Однако значительные отличия памятников этой группы и пшеворских древностей Висло-Одерского междуречья привели исследователей к необходимости квалифицировать ее как особую археологическую культуру, получившую название зубрицкой культуры, в формировании которой заметную роль сыграли также традиции липицкой культуры, оставленной гето-дакийским населением Восточного Прикарпатья[64].

С возникновением зубрицкой культуры связывают завершение становления раннеславянского венедского этноса. Отныне на несколько столетий центр процесса славянского этногенеза перемещается на западно-украинские земли, поскольку в Среднем Поднепровье доминирующим этносом становятся сарматы, установившие свое господство над остатками зарубинецкого и балтского населения[65].

Переселение основной части зарубинецких племен из районов Среднего Поднепровья и Припятского Полесья на Волынь и в Поднестровье привело к

---

[59] Щукин М. Б. 1) Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14; 2) На рубеже эр. С. 232–239; Этнокультурная карта Украинской ССР. Киев, 1985. С. 9.

[60] См.: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона...; Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991; Хреков А. А. Постзарубинецкое поселение Шапкино I на р. Вороне // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. Воронеж, 1998.

[61] Хавлюк П. І. 1) Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. 1971. Вип. 4; 2) Зарубинецька культура Південного Побужжя та лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1976. Вип. 18.

[62] Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині...

[63] Козак Д. Н. Пшеворська культура... С. 46–47, 49; Козак Д. Н., Смишко М. Ю. Пшеворская культура и волыно-подольская группа // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.

[64] Козак Д. Н. 1) Етнокультурна історія Волині... С. 30–70; 2) Формування давньослов'янських пам'яток на території Волині та Північної Галичини у першій чверті I тис. н. е. // Археологія. 1996. № 2; 3) Етнічні процеси в Україні... С. 139–146.

[65] Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні... С. 140.

резкому увеличению численности славянского населения и значительной концентрации его на сравнительно компактной территории Восточного Прикарпатья, что, в свою очередь, способствовало превращению славян в доминирующий этнос в данном регионе. Во второй половине I–II вв. н. э. на Волыни и в Поднестровье резко увеличивается количество новых славянских поселений, их размеры по сравнению с предыдущим периодом возрастают в 2–3 раза, а общая численность населения только во второй половине I в. увеличивается по меньшей мере в 2,5–3 раза[66].

Доминирующее положение славянского этноса нашло свое проявление в активном воздействии элементов зарубинецкой и в дальнейшем зубрицкой культуры на развитие липицкой культуры Прикарпатья. Последние дакийские элементы на этой территории исчезают в конце II в. в связи с приходом новых значительных групп зубрицкого населения с Волыни, вытесненного экспансией готов. Кроме того, славянское население начинает расширять область своего обитания за счет освоения новых территорий. Помимо Волыни и Прикарпатья зубрицкие памятники распространяются на территории Среднего Поднестровья, занятой прежде дакийцами и бастарнами[67].

* * *

О том, что славянская экспансия осуществлялась не только мирными средствами, но и путем военных захватов, можно судить по известиям Корнелия Тацита, римского писателя второй половины I в. н. э. Сведения Тацита вызывают особый интерес и доверие исследователей, что обусловлено как самой личностью автора, так и характером его произведений. Тацит не был простым писателем или историком, он — видный государственный деятель, занимавший ряд важнейших постов в Риме и исполнявший специальные поручения самого императора[68].

Одним из таких поручений был сбор информации о Германии, завоевательные планы в отношении которой римлянами вынашивались не одно столетие. При работе над «Германией» Тацит действовал как политический и военный аналитик. Его задачей было создать для своих заказчиков, императоров Домициана и Траяна, по возможности полную и объективную характеристику положения в стане противника, пользуясь всей доступной информацией, включая агентурную[69].

Тацит, в частности, пишет о «разбойничьих шайках» венедов/венетов, имевших военное преимущество перед своими противниками:

> Венеты <...> обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и феннами. Они <...> носят [большие] щиты и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты...[70]

---

[66] Там же. С. 143.
[67] Там же. С. 144.
[68] См.: К н а б е Г. С. Корнелий Тацит. М., 1981.
[69] Щ у к и н М. Б. На рубеже эр. С. 240–241.
[70] СДПИС. Т. I. С. 39.

Феннами Тацит, судя по всему, именует саамов, живших в Прибалтике севернее Немана[71]. Певкины — это одна из группировок племени бастарнов, появившегося во второй половине III в. до н. э. в нижнем течении Дуная, а затем достигшего Пруто-Днестровского междуречья. Этническая принадлежность бастарнов иногда вызывает споры, но большинство исследователей вслед за Страбоном, Плинием и Тацитом причисляет их к германцам[72].

Бастарны — сильные и воинственные племена, неоднократно упоминавшиеся многими древними авторами. Их походы на Балканы описаны Титом Ливием и Орозием. Согласно Плутарху, бастарны не умели ни сеять хлеб, ни пасти скот, занимаясь только войной и грабежами. Наиболее подробные сведения о них содержатся в «Географии» Страбона, составленной на рубеже эр. Здесь же приводятся и данные о певкинах как одном из «колен» бастарнов, прозванных так потому, что они «заняли остров Певку» в дельте Дуная[73].

Современные археологи связывают с бастарнами поянешты-лукашевскую культуру, распространенную в районе Молдавских Кодр и Буковины и достигавшую на западе отрогов Восточных Карпат, на юге — порубежья лесостепи, на севере и востоке — Днестра[74].

По мнению М. Б. Щукина, бастарнам принадлежала также зарубинецкая культура, их памятники составляют единую поянешты-зарубинецкую культурную общность[75]. Однако такое предположение не находит поддержки у большинства археологов, которые, признавая полиэтничный характер зарубинецкой культуры, устанавливают ее преемственную связь с позднепоморской и подклёшевой культурами, особенно характерную для Припятско-Полесского региона[76], и, как мы уже видели, говорят о ее праславянской основе в целом. Сравнительный анализ древностей поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур, прове-

---

[71] Бобович А. С. Комментарий к «Германии» // Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т. I. М., 1969. С. 439. Прим. 116; Whitaker I. Tacitus' Fenni and Ptolemy's Phinnoi // CJ. 1980. Vol. 75.

[72] Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле. СПб., 1899. С. 101, 104–107, 185–193; Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 99; Much R. Der Eintritt der Germanen in die Weltgeschichte. Wien, 1925. S. 4; Шелов-Коведяев Ф. В. Замечания к Ptol. Geogr. 3.5.5. // Симпозиум по структуре балканского текста. М., 1976. С. 63–65; Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 101.

[73] См.: Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I–II. СПб., 1992–1993.

[74] Babeş M. 1) Die Frühgermanen im östlichen Dakien in den letzten Jahrhunderten v. u. Z. Archäologische und historische Belege // Frühe Völker in Mitteleuropa. Berlin, 1988; 2) Die Poieneşti-Lukaşevka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum östlich der Karpaten in der letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt. Bonn, 1993; Лапушнян В. Л., Никулице И. Т., Романовская М. А. Памятники культуры Лукашевка — Поянешты (II–I вв. до н. э.) // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1974; Пачкова С. П. Культура Поенешти — Лукашевка // Археологическая карта Украинской ССР. Киев, 1985.

[75] Щукин М. Б. 1) На рубеже эр. С. 107–116, 227–235; 2) Забытые бастарны // SP. 1999. № 5.

[76] Мачинский Д. А. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры; Каспарова К. В. Новые материалы могильника Отвержичи… С. 56–59; Пачкова С. П. О соотношении поморско-клешевой и зарубинецкой археологических культур по керамическим материалам // Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów, 1992.

денный недавно С. П. Пачковой, показал, что, несмотря на наличие ряда общих черт, связанных с латенским влиянием, указанные культуры имеют существенные различия и были созданы представителями разных этносов[77].

Расселение в Поднестровье носителей пшеворских древностей приводит к размыванию и полному прекращению существования ряда этнокультурных образований, характерных для этого региона в предшествующее время. В частности, в районах Среднего Поднестровья наблюдается смешение культурных элементов пшеворского облика с местными поянешты-лукашевскими и дакийскими[78]. С середины I в. н. э. пшеворское население в Поднестровье и Прикарпатье чересполосно проживало с носителями липицкой культуры — гето-дакийскими племенами, переселившимися в Верхнее Поднестровье из Дакии в связи с вторжением войск императора Домициана[79].

Сообщения Тацита о военном превосходстве и «разбойничьих» нападениях венедов на певкинов приходятся на период, когда известия об этой племенной группировке, как и о бастарнах вообще в Северо-Западном Причерноморье временно прекращаются. Еще раньше прекращается существование поянешты-лукашевской культуры. Ее носители, по предположению М. Б. Щукина, переселились в районы Среднего и Верхнего Поднестровья, смешавшись с носителями пшеворской культуры[80].

Примечательно, что новая волна известий о певкинах возникает в письменных источниках только после появления в Днестро-Дунайском регионе других германских переселенцев — готов, — установивших здесь в III в. свою гегемонию. По сообщению Иордана, в 248 г. придунайские готы вместе с певкинами, вандалами и др. совершили опустошительный набег в Мезию и Фракию[81]. В 269 г. певкины в коалиции с другими варварами приняли участие в еще более масштабном походе на земли Империи, исходным пунктом которого было устье Днестра[82].

Известия Тацита дают важный материал для определения территории проживания венедов и времени их появления в Восточном Прикарпатье. Проанализировав эти известия и сопоставив их с данными других письменных источников, исследователи приходят к выводу, что территория возможного преобладания венедов во второй половине I в. смыкается с областью германцев, т. е. ее

---

[77] Пачкова С. П. До питання про своєрідне та спільне в зарубинецькій та поснешті-лукашівській культурах // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н. е. [До 70-річчя В. Д. Барана]. Київ; Львів, 1999.

[78] Пачкова С. П. Археологические исследования многослойного поселения у с. Горошева Тернопольской обл. // Археологические памятники Среднего Поднестровья. Киев, 1983; Козак Д. Н. Памятники рубежа и первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

[79] Цигилик В. М. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975; Берест Р. Нові пам'ятки дакійських племен з Верхнього Подністров'я // Етногенез та ранння історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Львів, 2001.

[80] Щукин М. Б. Забытые бастарны.

[81] Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 253–254.

[82]Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954. С. 129–133; Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 37.

западная граница проходит приблизительно по среднему течению Западного Буга и далее через Подольскую возвышенность. На юге соседями венедов были ираноязычные кочевники. Граница между ними проходила по северной части лесостепной полосы в районе верхнего течения Южного Буга и, возможно, несколько севернее Роси достигала Днепра. Восточная граница территории венедов по письменным данным не прослеживается[83]. Выводы, полученные на основании анализа письменных источников, в целом поддерживаются археологами[84].

Территория проживания венедов и область совершаемых ими нападений на певкинов, восстанавливаемые по данным Тацита, соответствуют северной части области «взаимного страха» между германцами и сарматами, которая, по словам того же автора, ограничивала Германию с востока. В отличие от германцев и сарматов венеды появились здесь недавно. Анализ известий письменных источников показывает, что венеды во второй половине I в. н. э. возникают между Верхней Припятью и Средним Днестром как новое, только что прибывшее население, еще не вполне освоившее данную территорию[85].

Это наблюдение полностью подтверждается материалами археологии, свидетельствующими о прибытии в Поднестровье из районов Припятского Полесья значительных масс зарубинецкого населения, принявшего участие в формировании зубрицкой культуры. Тогда же, во второй половине I в., памятники позднезарубинецкой и зубрицкой культур появляются в районах Среднего Днестра, где проживали сарматы и племена бастарнов, в частности, певкины[86].

Тацит говорит о двойственности облика венедов, что заставляет его колебаться в определении их этнической принадлежности, — относить ли венедов к германцам или сарматам. С одной стороны, венеды «многое усвоили» из нравов сарматов: подобно сарматам они совершают свои разбойничьи нападения на певкинов. Но, с другой стороны, по используемому вооружению и тактике венеды «скорее должны быть отнесены к германцам»: они носят большие щиты и имеют преимущество пехоты. Кроме того, венеды строят дома в отличие от сарматов, «живущих в повозке и на коне»[87].

Все сказанное дает основание заключить, что между сарматами и венедами в рассматриваемое время существовали более близкие, если не сказать союзнические, отношения, по сравнению с их отношениями к германцам. По-видимому, освоение венедами новых земель в Среднем Поднестровье и их вражда с певкинами объективно совпадали с интересами сарматов, ведущих борьбу с бастарнами за господство в Северо-Западном Причерноморье. Отзвуки этой борьбы сохранились в памятниках римской эпиграфики. Около 62 г. римский наместник

---

[83] Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян в I–VI вв. // АСГЭ. 1976. Вып. 17; Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–III вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС. 1976. Т. 16. — Ср.: Черняк А. Б. Тацит о венедах (Germ. 46.2) // ВДИ. 1991. № 2.

[84] Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні... С. 147.

[85] Мачинский Д. А. К вопросу о территории обитания славян...

[86] Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні... С. 148.

[87] СДПИС. Т. I. С. 39.

Мезии Плавтий Сильван, как значится в его эпитафии, помог бастарнам отбить сыновей своих царей, захваченных сарматами[88].

Сарматы и венеды на данном этапе выступали, скорее, союзниками, действующими против общего противника. Поэтому Тацит уподобляет венедов сарматам при всей несхожести их быта, военной тактики и внешнего облика. Вероятно, только при поддержке сарматов «разбойничьим шайкам» венедов удавалось успешно действовать против воинственных германцев.

Так или иначе, говоря о вражде венедов и певкинов, Тацит ни словом не обмолвился о каких-либо конфликтах или противоречиях между венедами и сарматами, несмотря на то что последние также были обитателями Среднего Поднестровья и отличались не меньшей воинственностью и агрессивностью в отношении оседлых народов лесной зоны. Наоборот, римский историк говорит, что «венеты многое усвоили из [их] (сарматов. — *А. М.*) нравов». По-видимому, прежде всего к венедам имеет отношение и его замечание о том, что «смешанными браками они обезображивают себя, почти как сарматы»[89].

Яркой археологической иллюстрацией к этим словам римского историка служат памятники могильников звенигородской группы пшеворской культуры, о которых уже шла речь выше. Здесь среди множества захоронений, совершенных по обряду трупосожжения, встречаются женские погребения по обряду трупоположения с вещевыми комплексами, характерными для сарматских могильников (хрустальные бусы, бронзовые зеркальца, кусочки румян)[90]. Очевидно, что совместные захоронения такого рода должны были возникнуть как следствие смешанных браков венедов с сарматками.

---

[88] Щукин М. Б. Забытые бастарны. С. 79.

[89] СДПИС. Т. I. С. 39.

[90] Свешников И. К. Могильники липицкой культуры в Львовской обл. ...; Щукин М. Б. На рубеже эр. С. 230.

Глава 7

«Венеды-сарматы»: античная традиция в свете данных современной археологии и этнографии

Venadisarmatae Певтингеровой карты: проблемы локализации. — Венеды в низовьях Днестра и Дуная по данным письменных и археологических источников. — Миграции сарматов и этническое взаимодействие со славянами (о некоторых противоречиях римских источников). — Пастушество прикарпатских славян и данные этимологии имени хорватов.

Особый характер венедо-сарматских отношений в первые века новой эры зафиксирован в другом позднеантичном источнике — так называемых Певтингеровых таблицах — римской дорожной карте, представляющей собой свиток пергамента длиной в 6,75 м и шириной около 34 см. Этот документ вобрал в себя сведения, отражающие реалии разного времени[1]. К. Миллер, автор наиболее фундаментального исследования и полного факсимильного издания карты, полагал, что она составлена в 365–366 гг.[2] В настоящее время преобладает мнение, что в своей основе Певтингеровы таблицы были составлены в начале III в., но эта основа, восходящая к топографическим справочникам рубежа нашей эры, неоднократно дополнялась и корректировалась в IV и V вв.[3]

Имя венедов на карте встречается дважды:

в VII.1 в виде Venadisarmatae (= Venadi Sarmatae)
и в VII.4 в виде Venedi[4].

Особого внимания заслуживает первый случай. Имя Venadisarmatae помещено на самом побережье Северного океана и находится над Дунаем к северо-западу от Бастарнских Альп (Alpes Bastarnice), т. е. Карпат. Следовательно, венеды-сарматы расположены на карте северо-западнее Карпат, территория которых связывается с местом обитания бастарнов[5].

Ближайшее окружение венедов-сарматов на западе составляют другие сарматские племена и территории:

---

[1] Разбор мнений о времени возникновения источника и содержащихся в нем сведений см.: Ł o w m i a ń s k i H. Początki Polski. T. 1. Warszawa, 1964. S. 183; П о д о с и н о в А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 290–295.

[2] Itineraria Romana / Ed. K. Miller. Stuttgart, 1916. S. XXX–XXXII.

[3] П о д о с и н о в А. В. Восточная Европа… С. 295.

[4] СДПИС. Т. I. С. 68, вкладыш.

[5] П о д о с и н о в А. В. Певтингерова карта // СДПИС. Т. I. С. 69.

Lupiones Sarmate, Amaxobii Sarmate (букв. «сарматы, живущие в повозках»), solitudines Sarmatarum («Сарматские пустыни»), Sarmate vagi («бродячие сарматы»)[6].

Далее на запад следуют германские племена буров, ютунгов, квадов, маркоманов и др. Ближайшими восточными соседями венедов-сарматов указаны бастарны[7].

Легко заметить, что на Певтингеровой карте четко проводится линия размежевания германских и сарматских племен в Европе, что вообще было в традиции позднеантичной географии (Плиний Старший, Тацит, Птолемей). Однако если ранее граница между Германией и Сарматией проводилась в основном по течению Вислы, южным рубежом Германии считался Дунай, а владения сарматов в Юго-Восточной Европе не распространялись далее восточных склонов Карпат и низовьев Дуная[8], то, по данным Певтингеровой карты, германо-сарматская граница проходит уже где-то в Паннонии[9]. Таким образом, данный источник фиксирует значительные успехи сарматов в борьбе с германцами за освоение новых территорий в Европе.

В связи с этими успехами сарматов находится появление на карте новых этногеографических сарматских наименований и в том числе славяно-сарматских новообразований типа венедов-сарматов. Примечательно, что подобных составных сармато-германских образований, равно как и славяно-германских, источники не фиксируют. Напрашивается вывод, что в первые века новой эры этнополитическое размежевание в Центральной и Юго-Восточной Европе могло происходить не только по линии германцы — сарматы, но также по линии германцы — славяне (венеды) при том, что последние в своем противостоянии германцам выступали на стороне сарматов и даже поддерживали с ними какие-то более тесные отношения, что подало повод римским картографам объединить их в одно целое.

Как полагают некоторые исследователи, Певтингерова карта отмечает еще одно славяно-сарматское этнополитическое образование, располагавшееся в непосредственном соседстве с венедами-сарматами. Речь идет о Lupiones Sarmate. Не имеющий аналогов этот этноним давно был сопоставлен с названием племени *лугиев*, известным по сообщениям Страбона, Тацита, Птолемея и др. Л. Нидерле предлагал в названии Lupiones Sarmate первое слово исправить на Lugiones и видеть здесь вислянских славян-лугиев, которые в эпоху Великого переселения народов спустились на территорию Венгрии[10]. Славянскую принадлежность лугиев допускали также М. И. Артамонов, Е. Ч. Скржинская и Г. Ловмяньский[11].

---

[6] СДПИС. Т. I. С. 68, вкладыш.

[7] Там же.

[8] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 9–12.

[9] Подосинов А. В. Певтингерова карта. С. 70.

[10] Niederle L. 1) Slovanské starožitnosti. Praha, 1906. D. II. Sv. 1. S. 161; 2) Славянские древности. М., 2000. С. 476. Прим. 25.

[11] Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 5; Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях

Впрочем, для надежного отождествления лугиев со славянами не достает оснований. Вопрос об этнической принадлежности лугиев остается дискуссионным[12]. Но во всяком случае ясно, что, относя Lupiones, как и венедов, к сарматам, составитель Певтингеровой карты тем самым противопоставляет обоих германцам. Можно согласиться с доводами тех исследователей, кто полагал, что в языковом отношении лугии-сарматы должны были отличаться от германцев так же, как и венеды-сарматы[13].

А. В. Подосинов справедливо отвергает локализацию венедов-сарматов у южного берега Балтики. Такая локализация выглядит слишком прямолинейной и не учитывает важных особенностей изучаемого документа: «для малоизвестных частей Европы севернее Дуная вытянутая в широтном отношении карта почти не оставляла места, и народы и города, расположенные поблизости от Дуная, неизбежно оказывались на ней на берегу Северного океана»[14]. С учетом этого и других координирующих факторов новейший исследователь приходит к выводу, что венеды-сарматы при перенесении их названия на современную карту оказались бы на севере Средне-Дунайской низменности, в верховьях рек Тисы, Прута, Днестра и Вислы[15].

Примерно в том же районе, на северо-западных склонах Карпат Л. Нидерле и К. Миллер[16] помещали венедов-сарматов. На Тисе, включая ее среднее и нижнее течение, а также бассейн Тимиша, наличие славян в середине V в. отмечает Л. А. Гиндин. На основании лингвистических данных ученый констатирует, что первое появление здесь славян, прибывших из-за Карпат, относится к еще более раннему времени[17]. В долине Средней Тисы Б. А. Рыбаков[18] помещает венедов-сарматов.

* * *

Второе упоминание венедов на Певтингеровой карте также имеет непосредственное отношение к бассейну Дуная. Вторично венеды помещены в секторе VII.4 юго-восточнее Бастарнских Альп (Карпат) между Дунаем и рекой Агалинг

гетов (Getica). М., 1960. С. 193; Lowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 184, 197, 274.

[12] См.: Schönfeld M. Lugii // RE.KAW. 1927. Hbd. 26. S. 1715–1717; Łowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 194–198; Подосинов А. В. Певтингерова карта. С. 78–79.

[13] Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 193; Lowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 181; Королюк В. Д. 1) О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья // СС. 1975. № 4. С. 104; 2) Пастушество у славян в I тысячелетии н. э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи (Попытка реконструкции по письменным источникам) // Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985. С. 156.

[14] Подосинов А. В. Певтингерова карта. С. 70.

[15] Там же.

[16] Niederle L. Slovanské starožitnosti. D. II. Sv. 1. S. 123; Itineraria Romana. S. 613–614.

[17] Гиндин Л. А. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингво-филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 66, 70–86.

[18] Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 36.

(Agalingus), которую чаще всего отождествляют с Днестром[19], а иногда — с небольшой речкой Когыльником, протекающей в Буджакской степи и впадающей в Черное море[20]. Венеды занимают здесь последнее на востоке место в ряду названий:

Piti (возможно, гепиды), Gaete (геты), Dagae (даки), Venedi[21].

Геты и даки — автохтонные фракийские племена в «треугольнике» Карпаты — Днестр — Дунай. Гепиды и венеды — пришлые германские и славянские племена соответственно[22]. Поскольку появление гепидов в карпато-дунайских землях следует датировать примерно серединой III в., то и появление их на Певтингеровой карте не могло произойти ранее указанного времени. Этот хронологический ориентир используется для определения времени появления в данном регионе и других пришельцев — венедов[23]. По наблюдениям А. В. Подосинова, III в. (а точнее его вторая половина) является terminus post quem и для обозначения Venadi Sarmatae. Таким образом, оба венедских названия появились на Певтингеровой карте примерно в одно и то же время[24].

Что же могло быть причиной двойного использования имени венедов? Нужно заметить, что сам по себе факт дублирования этнонимов — весьма распространенное явление в античной картографии, помимо Певтингеровых таблиц встречающееся также на карте Птолемея[25]. Вызвать появление дублетного наименования могли как дефекты картографирования литературных источников, так и пространственная разбросанность или протяженность места обитания племени[26]. Среди множества случаев дублирования этнонимов, разумеется, есть и те, которые могли явиться вследствие механического повтора и поэтому не отражают реальной локализации племени.

На возможность чисто механического дублирования этнонимов на Певтингеровой карте указывал еще К. Миллер[27]. В качестве одной из наиболее распространенных причин появления названий-двойников новейшие исследователи этого источника также признают механическое дублирование[28]. В силу подоб-

---

[19] Tomaschek W. Die alten Thraker. II. Eine ethnologische Untersuchung // SBWAW. 1894. Bd 131. Sp. 777; Петров В. П. Из этнонимики и топонимики Северного Причерноморья // МАСП. 1962. Вып. 4. С. 227–228; Мачинский Д. А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 60–61; Weber E. Tabula Peutingeriana. Codex Vindobonensis 324, vollständige Faksimile-Ausgabe im Originalformat. Graz, 1976. S. 26.

[20] Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 36.

[21] СДПИС. Т. I. С. 68, вкладыш.

[22] Атрибуции названий см.: Подосинов А. В. Восточная Европа... С. 331–337.

[23] Łowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 274; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975. С. 306–307. См. также: Подосинов А. В. Певтингерова карта. С. 73.

[24] Подосинов А. В. К вопросу о венедах «Певтингеровой карты» // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвящ. 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. М., 1988.

[25] См.: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 206–209.

[26] Подосинов А. В. Восточная Европа... С. 327.

[27] Itineraria Romana. S. XIX, LI.

[28] Подосинов А. В. Восточная Европа... С. 327.

ных представлений общего характера ряд исследователей склоняются к тому, чтобы в случае с размещением венедов в низовьях Днестра и Дуная видеть не более чем очередное проявление указанной тенденции, никак не связанное с реальным расположением племени[29].

На наш взгляд, двукратное размещение венедов в разных секторах карты (VII.1 и VII.4) не содержит противоречия и не может считаться ошибкой составителя, даже если признать в одном из обозначений позднейшую приписку. Оба они в равной мере отражают общую тенденцию территориальной экспансии венедов, главной целью которой было движение на юг. Это движение осуществлялось по обеим сторонам Карпат и его конечным пунктом был Дунай в его среднем и нижнем течении. Не случайно Карпаты, по данным славянской этнонимики, выступают в качестве своего рода центра географической ориентации праславян, а Дунай в древней славянской традиции выступает главным средоточием славянских земель и центром притяжения славян[30].

Едва ли можно говорить о существовании двух обособленных групп венедов и венедов-сарматов. Данные Певтингеровой карты указывают, скорее, на большую протяженность занимаемой венедами территории и свидетельствуют о ее расширении в III–IV вв., в частности, за счет районов Нижнего Поднестровья и Подунавья[31]. Такое расширение подтверждает сопоставление данных карты с известиями о венедах первых веков нашей эры, позволяющих локализовать их на территории между Балтийским морем и Карпатами, в основном в районах Повисленья. Налицо несомненное увеличение пределов первоначального обитания, которое могло быть достигнуто в результате перемещения значительных масс славянского населения на юг и юго-восток и колонизации ими новых территорий[32].

Наличие славянского населения в междуречье Нижнего Дуная и Днестра подтверждается другими письменными источниками позднеримского времени. В результате победы над конгломератом «скифских племен», одержанной в

---

[29] Horák B. Gallove v českých zemich. Kritický rozbor historických zprav. Brno, 1923. S. 29 sqq.; Łowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 183.

[30] См.: Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6. С. 50.

[31] Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 209; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 31; Рикман Э. А. О начале расселения и этнических контактах праславян в Карпато-Дунайских землях // V Междунар. конф. славянской археологии: Тезисы докл. сов. делегации. М., 1985. С. 42–43.

[32] Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 34–37; Łowmiański H. Początki Polski. T. I. S. 183; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья... С. 42–43; Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–III вв. н. э. (по письменным и археологическим источникам) // ААС. 1976. Т. 16. С. 79–80; Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. С. 31; Королюк В. Д., Наумов Е. П. Перемещение славян... С. 41–42; Королюк В. Д., Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н. Древняя славянская этническая общность // Развитие этнического самосознания. С. 13; Ditten H. Zu Fragen des Siedlungsgebietes der Slawen in der Antike (1.–6. Jh.) nach den schriftlichen Quellen // Klio. Berlin, 1989. Bd 71, Hft 1. S. 203–204; Максимов Е. В. Миграции в жизни древних славян // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 6–7.

Нижнем Подунавье в 50-е годы III в. римский император Волузиан получил титул «Венедский»[33]. В житийном повествовании «Мученичество Орентия и его братьев», первоначальный вариант которого возник не позднее VII в., славяне упоминаются среди варварского населения левобережья Нижнего Дуная, совершавшего нападения на территорию Римской империи в эпоху Геркулия Максимиана (286–305)[34]. Как полагают исследователи, славяне, участвовавшие в варварских нападениях на империю, начиная с эпохи Маркоманских войн, прибывали из районов Прикарпатья и Днестро-Дунайского междуречья[35].

Решающим аргументом в пользу достоверности сведений Певтингеровой карты о венедах, по-видимому, должно стать открытие археологических следов пребывания этого этноса в низовьях Днестра и Дуная.

Долгое время поиски исследователей в этом направлении не приносили удовлетворительных результатов, несмотря на немалые затраченные усилия. Дело в том, что проблема археологической атрибуции славян-венедов первых веков нашей эры вообще принадлежит к числу наиболее дискуссионных. В свое время Д. А. Мачинский и М. А. Тиханова были вынуждены признать, что «основным археологическим соответствием раннему славянству конца I — начала VI в. являются зоны отсутствия хорошо выделенных и датированных групп археологических источников»[36].

Венедов низовьев Днестра и Дуная М. И. Артамонов пытался связывать с носителями поянешты-лукашевской культуры[37]. Ему возражал Э. А. Рикман, по мнению которого эта часть венедских племен входила в состав населения черняховской культуры, хотя и не принадлежала к числу ее создателей[38]. Схожей точки зрения придерживался и В. В. Седов[39]. Согласно М. Ю. Брайчевскому, археологическим эквивалентом венедов начала нашей эры являются зарубинецкая и пшеворская культуры[40].

Новейшими археологическими исследованиями в Буджакской степи в междуречье Нижнего Днестра и Дуная открыта сравнительно небольшая группа памятников, получивших название древностей типа Этулии. Это небольшие поселения и грунтовые могильники по обряду трупосожжения. Этулийские памятники датируются III — IV вв., т. е. по времени своего существования они синхронны черняховской культуре, господствовавшей в степной и лесостепной зонах Юго-Восточной Европы. Однако по своему облику древности типа Этулии су-

---

[33] Мишулин А. В. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // ВДИ. 1939. № 1. С. 298.

[34] СДПИС. Т. II. С. 515.

[35] Мишулин А. В. Древние славяне... С. 298; Чаплыгина Н. А. Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I — начале III в. н. э. Кишинев, 1990. С. 19–20; Колосовская Ю. К. Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // ВДИ. 1996. № 2. С. 155.

[36] Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания... С. 88.

[37] Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и современная археология // Проблемы всеобщей истории. Л., 1967. С. 46.

[38] Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья... С. 327–328.

[39] Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. С. 78–100.

[40] Брайчевський М. Ю. Походження Руси. Київ, 1968. С. 70–71.

щественно отличаются от черняховских: они не испытали влияния созданной готами вельбарской культуры и, следовательно, сложились в период, предшествовавший появлению готов в Северном Причерноморье[41].

Как устанавливает А. В. Гудкова, по своим основным признакам (жилища, погребальная обрядность и лепная керамика) этулийские древности сходны с памятниками позднезарубинецкой культуры, волыно-подольской группы (зубрицкая культура) и раннекиевской культуры и возникли в результате перемещения населения в основном из областей Верхнего Днестра и Западного Буга. Носителями этулийской культуры Днестро-Дунайского междуречья были славяне-венеды, что подтверждается также присутствием в этулийской лепной керамике протопражских форм (славянская принадлежность пражской керамики ныне общепризнана).

Время переселения славян в низовья Днестра и Дуная определяется рубежом II–III вв., а его наиболее вероятной причиной, по мнению А. В. Гудковой, стало начавшееся вторжение на Волынь готов, вызвавшее массовый отток славян на другие территории[42]. Группа славян в Буджакской степи некоторое время сохраняла свою культурную обособленность: начало черняховской культуры в этом районе датируется серединой IV в.[43] Эти выводы в настоящее время получили признание в науке[44] и, безусловно, представляют важное достижение в изучении истории славян-венедов Днестро-Дунайского междуречья.

* * *

Открытия археологов подтверждают достоверность данных Певтингеровой карты о венедах, — не только их географическое размещение, но и тесную связь с сарматами. Венедами-сарматами составитель карты называет славян, проживавших в районах Верхнего Поднестровья, Прута и Тисы. Насколько применимо такое название к группе венедов, обитавших в степном междуречье Нижнего Днестра, Прута и Дуная?

В. Д. Королюк, сопоставляя данные Певтингеровых таблиц с известиями Тацита, отмечает наличие в них существенного противоречия. Составитель римской дорожной карты сближает венедов с сарматами настолько, что использует для них общее обозначение — венеды-сарматы. А в сочинении Тацита, напротив, содержится указание на значительные этнографические отличия венедов и сарматов, проявившиеся в их быте, обычаях и занятиях. Решение подобного противоречия исследователь, насколько можно судить, видит в размежевании

---

[41] Гудкова А. В. Группа венедов в низовьях Дуная // Материалы по археологии России. 1990. Вып. 1: Славянская археология. М., 1993; Щербакова Т. А. Памятники типа Этулия: истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). Киев, 1991; Фокєєв М. М. Населення Буджацького степу у I ст. до н. е. — IV ст. н. е. Одеса, 1998.

[42] См.: Гудкова А. В. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье (культура оседлого населения) // SP. 1999. № 4.

[43] Гудкова А. В. Черняховские памятники Буджакской степи // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991. С. 78; Дзиговський О. М. Сармати на Заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — першій половині IV ст. н. е. Київ, 1993. С. 118.

[44] См.: Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 198.

прикарпатских венедов-сарматов и венедов Нижнего Поднестровья и Подунавья. Последние, по логике В. Д. Королюка, в меньшей степени были подвержены сарматскому влиянию (что проявилось в их обозначении), к ним и должна относиться этнографическая характеристика венедов, данная Тацитом[45].

Мы не можем согласиться с таким решением. Территория междуречья Нижнего Днестра и Дуная еще в конце I в. до н. э. была освоена сарматами, форсировавшими Днестр и занявшими степное и лесостепное пространство современной Молдавии и южных районов Одесской обл. Украины[46]. В настоящее время здесь выявлено свыше ста сарматских памятников, что значительно превышает численность древностей этого типа в Восточном Прикарпатье. С первой волной сарматского переселения, происходившей на рубеже эр, связываются могильники Скаяны и Траяны, к периоду второго, более мощного переселения (II–IV вв.) относятся могильники Боканы, Рисипены, Готешты, Надушита, Олонешты, Зернешты[47].

Переселившись на земли Нижнего Поднестровья и Подунавья, славяне оказались в окружении численно преобладающего гето-дакийского и сарматского населения. При таких условиях неизбежными становились тесные культурные и этнические контакты. При значительном влиянии сарматского компонента в Днестро-Дунайском регионе сформировался особый вариант черняховской культуры, объединившей разноэтничное население этих мест, в том числе и древних славян-венедов[48].

Как показывают специальные исследования, сарматы Северного Причерноморья принимали самое активное участие в формировании черняховской археологической культуры. В частности, установлено, что сарматским наследием в погребальной обрядности черняховского населения был обычай трупоположения с ориентацией на север, устройство подбоев и земляных склепов (катакомб), обычай класть в могилу пищу, кусочки мела или краски, разнообразные сосуды. Следует отметить также характерный обычай прижизненной деформации черепов[49]. Примечательно, что перечисленные особенности археологических памят-

---

[45] Королюк В. Д. 1) О некоторых спорных вопросах... С. 104; 2) Пастушество у славян... С. 156.

[46] См.: Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982; 2) Сармати на Заході Степового Причорномор'я...; Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.

[47] Рикман Э. А. 1) Памятники эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967. С. 15–27; 2) Этническая история населения Поднестровья... С. 30–34.

[48] Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. // МИА. 1960. № 89. С. 91; Рикман Э. А. 1) Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев, 1975; 2) Этническая история населения Поднестровья... С. 317–323; Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987; Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1) Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев, 1984; 2) Сармати і черняхівська культура в Буджацькому степу // Археологія південного заходу України. Київ, 1992.

[49] Кухаренко Ю. В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда) // СА. 1954. Т. 19; Федоров Г. Б. О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии) // СА. 1958. № 3; Седов В. В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978; Гей О. А. Проблема выделения скифо-

ников черняховской культуры локализуются преимущественно в тех местностях, которые ранее были заселены сарматами и поздними скифами, в том числе в междуречье Нижнего Днестра и Дуная[50].

Эти выводы подтверждаются и данными палеоантропологии. Сарматские черепа, характеризующиеся мезобрахикранией и брахикранией, более широким лицом, встречаются в черняховских могильниках междуречья Днестра и Нижнего Дуная (Будешты, Боканы, Спанцев, Ербичень)[51]. Краниометрический анализ показывает, что черняховское население, представленное захоронениями по обряду ингумации, заимствованному у сарматов, в целом принадлежит к мезодолихокранному типу; эта часть носителей черняховской культуры в значительной степени состояла из прямых потомков ираноязычного населения Северного Причерноморья[52].

Именно из районов Северо-Западного Причерноморья началось продвижение сарматов далее на север. Их путь проходил через земли Прутo-Днестровского междуречья и заканчивался в районах Верхнего Поднестровья и Прикарпатья[53]. Согласно данным письменных источников, а также выводам ученых, изучавших памятники сарматской культуры в Молдавии и Западной Украине, можно считать, что наиболее активную роль в миграционном сарматском потоке с юга играли языги и роксоланы[54].

Достигнув земель Среднего — Верхнего Поднестровья и Прикарпатья во второй половине I–II вв., сарматы, как мы уже видели, активно взаимодействовали с местным земледельческим населением, значительную часть которого к тому времени составляли древние славяне-венеды. Характер этого взаимодействия получил отражение как в письменных источниках римского происхождения, так и в многочисленных археологических и палеоантропологических материалах.

Учитывая новейшие археологические данные, можно заключить, что обитатели Верхнего Поднестровья и Прикарпатья получили в античной традиции наименование венедов-сарматов не случайно. Указанный регион в начале нашей эры был территорией совместного проживания и активных этнических контактов славянского и сарматского населения. По-видимому, обстоятельства подобного рода и послужили основанием для объединения имени венедов и сарматов в одно этническое обозначение.

сарматских элементов в черняховской культуре // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: материалы, публикации, статьи. М., 1999; Магомедов Б. В. Сармати у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. [До 70-річчя В. Д. Барана]. Київ; Львів, 1999. Ср.: Рудич Т. О. Сармати та черняхівська культура (за матеріалами антропології) // ССПК. 2004. Т. 11.

[50] Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 172–178.

[51] Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1972. С. 70–90.

[52] Кондукторова Г. С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 256–263.

[53] Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья... С. 10; Винокур І. С. Сармати у Прикарпатті // АС. 2000. Вип. 1.

[54] Винокур І. С. Сармати у Прикарпатті. С. 55.

Поскольку район Верхнего Поднестровья, где проживали венеды-сарматы, был исходным для переселившихся на рубеже II–III вв. в Буджакскую степь славянских племен — носителей этулийских древностей, последних с теми же основаниями можно было бы именовать венедами-сарматами. На это указывает не только их происхождение, но и условия среды обитания, в которой они оказались в результате переселения. На землях Днестро-Дунайского степного междуречья венеды проживали в окружении значительно превосходящего сарматского населения и были в еще большей степени подвержены сарматскому влиянию.

Противоречия в данных римских письменных источников первых веков нашей эры о характере венедо-сарматских отношений, на наш взгляд, могут получить удовлетворительное объяснение, если искать его не в географической, а в хронологической плоскости. Известия Тацита, отразившие уровень контактов древних славян и причерноморских кочевников на начальных стадиях сарматской экспансии в Прикарпатье (вторая половина I в.), отличаются от сведений, которыми располагал составитель Певтингеровой карты полтора — два столетия спустя.

Разновременные источники зафиксировали не только разный ареал венедского расселения, но и различный уровень венедо-сарматских этнических контактов. Однако они в полной мере отразили общую тенденцию к расширению пределов расселения славян и усилению славяно-сарматского этнического синтеза, подтверждаемую данными современной археологии.

* * *

Какие реальные исторические события могли привести к возникновению традиции этнического сближения венедов и сарматов? Ответить на этот вопрос непросто. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении научные данные позволяют наметить пути возможного поиска и получить некоторые предварительные результаты.

Нужно сказать, что вопрос о причинах соединения венедского имени с сарматским в названии Venadisarmatae, используемом составителем Певтингеровой карты, давно привлекает внимание исследователей. Высказано немало различных суждений, подчас противоречивых, демонстрирующих несколько возможных подходов к решению данного вопроса. Укажем на некоторые из них как на наиболее важные.

Согласно Л. Нидерле, в появлении названия «венеды-сарматы» основную роль сыграл политический фактор. В этом термине отразился факт подчинения иранскими кочевниками славянского населения Венгерской низменности, фиксируемый также и в ряде других источников, подчинения, которое по своему характеру было схожим с гуннским владычеством, установившимся в V в.[55]

Э.А.Рикман объяснял появление двойных этнонимов, подобных этнониму «венеды-сарматы», причинами этнического характера и видел в этом результат смешивания разноэтничных групп населения, приведшего к появлению в рамках межплеменных союзов качественно новых этнических образований типа народности[56].

[55] Нидерле Л. Славянские древности. С. 51–52.

[56] Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья... С. 65, 332.

По мнению В. Д. Королюка, в основе сближения венедов с сарматами лежали причины географического порядка. Часть венедов, расселившихся в горных и предгорных районах Прикарпатья, подобно племенам лугиев, была включена римскими географами-картографами в пределы Сарматии на том основании, что эта часть венедов оказалась в непосредственной близости от сарматов, проживала в одинаковых с ними географических условиях и в силу этого вела похожий образ жизни[57].

А. В. Подосинов подвергает этногеографическую номенклатуру Певтингеровой карты источниковедческому анализу. Исследователь обращает внимание на особенности написания на ней различных рядом стоящих названий: одни из них имеют слитное написание в виде сложных слов, состоящих из двух основ, другие написаны в два слова и отделяются друг от друга точкой или точкой с интервалом. Этноним Venadisarmatae представляет собой название первого типа. Среди сарматских названий к нему относятся также Amaxobiisarmatae, Suanisarmatae, Sasonesarmatae. Обозначениями второго типа среди сарматских этнонимов являются Lupiones. Sarmate, solitudines. Sarmatarum, Roxulani. Sarmate[58].

Означает ли сращивание этнонимов, характерное для названий первого типа, бóльшую степень «сарматизации» соответствующих этносов, в нашем случае — венедов? А. В. Подосинов склонен видеть здесь, скорее, дань литературной традиции, свойственной античным историко-географическим произведениям начала нашей эры, требовавшей соотнесения варварских народов Европы с германцами либо сарматами[59].

Однако следует учесть, что на Певтингеровой карте написанные слитно составные этнические названия, как правило, повторяются еще и в виде однокомпонентных названий. Например: Venadisarmatae [VII, 1] и Venedi [VII, 4], Dac[i]petoporiani [VII, 3–4] и Dagae / Daci [VII, 4], Suanisarmatae [IX, 3–4] и Suani [IX, 2], Divalimusetice [IX, 5] и Divali [X, 2–3]. Напротив, названия, разделенные точкой, таких дублетов не имеют.

Объяснить эту закономерность лишь данью указанной выше литературной традиции едва ли возможно, поскольку соотнесение с сарматами различных групп племен и народов, проживавших в разных частях известного античным авторам мира, не сводится к вопросу выбора между германцами и сарматами и происходит не только в Европе, но и за ее пределами.

Это обстоятельство признает и А. В. Подосинов, что заставляет его скорректировать собственную позицию. «Слитное написание, — делает вывод исследователь, — первоначально имело целью продемонстрировать, что племя, в другом случае выступающее как независимое этническое образование, в данном случае находится на территории другого, более крупного этнического массива или, возможно, входит в племенной союз»[60].

Как видим, исследователи, изучавшие интересующий нас вопрос с различ-

[57] Королюк В. Д. Пастушество у славян... С. 157.
[58] Подосинов А. В. Восточная Европа... С. 328.
[59] Там же. С. 322.
[60] Там же. С. 328.

ных сторон, по сути дела, приходят к общему выводу: появление в позднеантичной традиции нового этнонима, соединяющего имена венедов и сарматов, было вызвано причинами этнического или даже этнополитического характера и отразило реальные изменения этнополитической обстановки в Европе вблизи границ Римской империи.

Обращаясь к сведениям Тацита, В. Д. Королюк указывает на два обстоятельства, характеризующие образ жизни венедов, которые 1) жили не только в лесах или лесостепях, но и в горах; 2) передвигались с большой быстротой. «Венеты, безусловно, не были кочевниками. Но можно предполагать, что двойное название венетов-сарматов было связано с тем, что часть венетов занималась пастушеством и тем самым в какой-то мере по образу жизни приближалась к сарматам»[61].

По данным исторической этнографии, в Карпатском регионе отмечаются следы существования славянского населения, для которого основным видом занятий было пастушеское скотоводство. Наиболее ранние сведения такого рода относятся к XII в. В последующие столетия количество известий о славянском пастушестве на горных полонинах Карпат увеличивается, что позволяет говорить о возрастающей роли этого вида хозяйственной деятельности[62].

Пастушеское скотоводство как основная отрасль хозяйства — явление совершенно нетипичное для хозяйства славян, земледельческого в своей основе. Тезис Л. Нидерле, доказывавшего, что скотоводство, хотя и имело место в хозяйстве древних славян, никогда не являлось их основным занятием, поскольку славяне были, прежде всего, земледельцами, в настоящее время стал общепринятым и нашел подтверждения в многочисленных археологических материалах ранних славянских культур Восточной и Центральной Европы[63].

Пастушеский тип скотоводства также не вполне соответствовал образу жизни основной массы древних славян и восточных славян в частности. Оседлый образ жизни обусловливал иной тип животноводства — стойлово-выгонный. Это означает, что ночью животные находились в хлеву или кошаре в селении или в непосредственной близости от него, а днем в теплое время года их выгоняли на пастбища[64].

И только в некоторых районах славянского ареала сложились особые локальные типы животноводческого хозяйства. Сказанное, прежде всего, касается Украинского Прикарпатья и Карпатского региона в целом, а также некоторых пристепных и степных районов, отличавшихся особыми природно-географическими и ландшафтными условиями. Здесь в весенне-летние месяцы часть животных находилась на пастбищах, значительно удаленных от постоянных посе-

---

[61] Королюк В. Д. Пастушество у славян... С. 156–157.

[62] Podolák J. Poloninské hospodárstvo huculov v ukrajinských Karpatach // SN. 1966. T. 14. S. 288–289; Тиводар М. П. Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины // КС. 1972. С. 20.

[63] Нидерле Л. Славянские древности. С. 354. См. также: Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

[64] Бунятян Е. П. Классификация и типология скотоводства // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 32.

лений, и таким образом преобладала выгонная форма содержания скота[65].

Для приселищного типа скотоводства характерно разведение тех пород скота, которые по своим физическим данным не способны к длительным переходам, — прежде всего, свиней и крупного рогатого скота. Содержание таких видов животных, в особенности свиней, не требует участия пастухов и постоянного присмотра. Свиньи, судя по этнографическим данным, могут питаться остатками пищи человека непосредственно на поселении или свободно пастись в близлежащих лесах и на полях после сбора урожая[66].

Именно приселищный тип животноводства практиковало население зарубинецкой и черняховской культур. Его развитию способствовало наличие богатой кормовой базы в условиях более влажного и теплого климата. Изучение остеологического материала показало, что стадо зарубинецкого населения состояло прежде всего из свиней, второе место принадлежало крупному и мелкому рогатому скоту, коневодство было развито сравнительно слабо[67].

В период существования черняховской культуры крупный рогатый скот по своему удельному весу выходит на первое место. Сокращению поголовья свиней способствовало освоение степных пространств, более пригодных для разведения мелкого рогатого скота и лошадей. Однако вековые традиции свиноводства продолжались даже в самых южных районах черняховского ареала[68]. Для региона Верхнего Днестра и Западного Буга в хозяйстве славян периода черняховской культуры разведение крупного рогатого скота и свиноводство имели примерно равное значение[69].

Изменению традиционного типа животноводческого хозяйства способствовали, очевидно, не только особые природно-географические и ландшафтные условия. В районах Прикарпатья, где пастушеское скотоводство сохраняло значение ведущей отрасли хозяйства славян на протяжении многих веков, главную роль в его развитии играл фактор внешнего культурного влияния. Исследования историков и этнографов показывают, что в XV–XVII вв. славянское пастушество в Карпатах развивалось под непосредственным влиянием волошского пастушеского населения, распространявшимся в связи с волошской колонизацией данного региона[70]. Об этом же свидетельствует обширный лингвистический материал[71].

Совершенно очевидно, что значительное культурное влияние со стороны различных кочевых этносов, ведущих пастушеское хозяйство, славянское насе-

---

[65] Магомедов Б. В., Пачкова С. П. Економічний розвиток слов'янського суспільства у I тис. н. е. // Давня історія України: У 3 т. Т. 3. Київ, 2000. С. 115.

[66] Пачкова С. П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери (за матеріалами зарубинецької культури). Київ, 1974. С. 51.

[67] Максимов Е. В., Русанова И. П. Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 32.

[68] Гей О. А., Сымонович Э. А. Черняховская культура // Славяне и их соседи… С. 155.

[69] Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 223.

[70] Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Этнографические аспекты карпатоведения // СС. 1973. № 6. С. 65–66.

[71] Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.

ление Восточной Европы испытывало и в более ранний период. Особенно это касается контактных зон на границе расселения и в районах совместного проживания славянских племен и степных кочевых этносов. Отсутствие письменных источников до определенной степени компенсируется данными археологии, позволяющими установить изменение состава домашнего стада древних славян в южных районах Лесостепи, где на второе место после коров выходит мелкий рогатый скот и заметно увеличивается количество лошадей. По мнению исследователей, подобные факты, безусловно, свидетельствуют о влиянии кочевого хозяйства, для которого характерно преобладание овцеводства и коневодства[72].

Этот вывод подтверждается сопоставлением остеологических материалов, показывающим, что в отличие от пород крупного рогатого скота и свиней, которые у славян лесостепной полосы отличались от пород скота скифских племен, лошади черняховского и скифского населения по размерам и строению скелетов обнаруживают определенное сходство[73].

Соответствующие изменения хозяйственного уклада можно наблюдать и в других районах Европы, где происходили тесные контакты земледельческого и скотоводческого населения. В данной связи представляет интерес пример из истории пастушеского населения Паннонии, жившего там в период, предшествовавший венгерскому завоеванию, — «римских пастухов», как их называет венгерский средневековый источник. Паннония, как считали венгры, «первоначально принадлежала королю Аттиле, и после его смерти князья римлян захватили землю Паннонии до Дуная, где поселили своих пастухов»[74].

Этими «римскими пастухами», по-видимому, было древнее волошское население Подунавья, известное также и древнерусской летописи, приобщившееся к пастушескому скотоводству, вероятно, под влиянием гуннского и аварского завоевания. Первоначально признавая власть гуннов, оно впоследствии перешло под протекторат Византийской империи, отсюда и название — «римские пастухи», заключающее в себе не столько этнический, сколько политический смысл. Вытесненное венграми, это население было вынуждено переселиться в районы Прикарпатья[75].

Очевидно, что подобные по своему характеру и результатам контакты земледельческого и кочевого населения могли происходить и в более раннее время, — в том числе в эпоху сарматских завоеваний, затронувших районы Прикарпатья, Среднего и Нижнего Подунавья.

Источники сохранили сведения, прямо указывающие на подчинение сарматами земледельческого населения Подунавья[76]. Зависимость могла выражаться в двух наиболее традиционных формах, — как в уплате дани, так и в выполнении каких-либо повинностей. В числе последних мог оказаться и пастушеский труд

---

[72] Баран В. Д. Давні слов'яни. С. 224.

[73] Гей О. А., Сымонович Э. А. Черняховская культура // Славяне и их соседи... С. 155.

[74] SRH. Vol. I. P. 48.

[75] См.: Королюк В. Д. Славяне, влахи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима» // Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. Политическая и этническая история. М., 1985.

[76] См.: Niederle L. 1) Slovanské starožitnosti. D. II. Sv. 1. S. 128, 130, 133, 138; 2) Славянские древности. С. 51–52.

для той части подвластного населения, которая проживала в районах, пригодных для пастушеского скотоводства.

Не удивительно поэтому, что, согласно наиболее распространенной среди лингвистов гипотезе, один из древнейших славянских этнонимов — *хорваты*, — обозначавший племенной союз древних славян, сложившийся в Прикарпатье, имеет иранское происхождение. Это название может быть одной из локальных фонетических разновидностей этнонима *сарматы* и этимологически связывается с понятием 'страж скота'[77].

---

[77] См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. СПб., 1996. С. 262, 860; Moszyński K. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957. S. 147 n.; Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 7. — 11. Jh. Praha, 1978. S. 444–446; ЭССЯ. 1981. Вып. 8. С. 151; Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat. Zagreb, 1990. S. 298 n.; Brozović-Rončević D. Na marginama novijih studija o etimologiji imena Hrvat // FOCr. 1993. T. 2. См. также с. 87 настоящей работы.

Глава 8

Гуннское нашествие и славяно-германские отношения

О возможных путях славянизации хорватов: дискуссионность вопроса. — Аланы и славяне Юго-Восточной Европы в период гуннского завоевания. — Верхнеднестровский регион в истории отношений славян с гуннами и готами. — Характер взаимоотношений готов с венедами и антами. — Антская группировка IV в. в контексте славяно-аланских этнополитических связей и противоборства гуннов с готами.

Зародившееся в ираноязычной или даже индоарийской языковой среде название *хорваты* с течением времени стало славянским этнонимом. Для эпохи Великого переселения народов подобная трансформация — чрезвычайно распространенное и даже закономерное явление. По образному выражению В. П. Будановой, «этноним эпохи Великого переселения народов подобен призраку, который шагал вместе с переселяющимися племенами и народами. Он зачастую покидал своего хозяина и выбирал в спутники другого»[1]. «Диалектика жизни в ходе миграций меняла и самого владельца этнонима, — продолжает исследователь. — Имела место динамика содержания многих этнонимов. Большинство из них существовало на протяжении всех этапов Великого переселения народов, но в конце Переселения они могли обозначать не совсем тех, или совсем не тех, кого в начале»[2].

То же самое следует сказать и об антропонимии. Антропонимы эпохи Переселения легко преодолевали этнические и географические границы: рожденные в одной этноязыковой среде, они могли быть перенесены в другую и прижиться в ней. Эту особенность подметили еще современники. Так, Иордан говорил даже о существовании некоего обычая перенимать имена у чужих народов:

> ...в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские[3].

Такая трансформация этнонимов и антропонимов объясняется, с одной стороны, интенсивным межэтническим и межкультурным взаимодействием, а с другой, политической нестабильностью, разрушением прежних политических связей, распадом этнических образований, повышением значения фактора внешней угрозы и внешнего влияния.

---

[1] Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 15.

[2] Там же.

[3] Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 59.

Какими путями, в какое время и на какой территории иранский антропоним мог превратиться в славянский этноним?

Согласно выводам Л. Гауптмана и М. Барады, древнее племя хорватов сформировалось в условиях тесных контактов предков славян с ираноязычным населением Северного Причерноморья и стало одним из племенных образований антского союза[4]. Этот вывод получил дальнейшее развитие в трудах В. В. Седова: племенное образование антов, частью которого являлись древние хорваты, должно было возникнуть в период существования черняховской культуры, в Подольско-Днепровском регионе, где впоследствии складывается пеньковская культура, непосредственно отождествляемая с антами[5].

В соответствии с такими взглядами процесс славянизации иранского этнонима *хорваты* должен был растянуться на несколько столетий и происходить по мере развития славяно-иранского этнического синтеза, территорией которого были широкие степные и лесостепные пространства Северного Причерноморья и Днестровско-Днепровского междуречья.

Подобное объяснение, вполне удовлетворительное с точки зрения созданной на базе археологических данных картины этногенеза славян Юго-Восточной Европы, страдает отсутствием связи с известными современной науке фактами этнической и политической истории Северного Причерноморья. Сказанное прежде всего относится к построениям В. В. Седова, в которых не уделяется должного внимания важнейшим историческим событиям эпохи Великого переселения народов, раскрывающим сущность происходивших в это время этнических процессов. Отсюда — схематичность таких построений, существующих в отрыве от исторического контекста описываемой эпохи.

Кроме того, вызывает возражения интерпретация ученым и некоторых археологических фактов. На наш взгляд, нет оснований связывать хорватов исключительно с антской средой, как это предлагает В. В. Седов[6]. Приведенные выше археологические данные показывают, что этот этноним восприняло не только пеньковское население, но и часть племен пражско-корчакской культуры, с носителями которой связывают группировку склавенов[7]. Данный факт нуждается в дополнительном разъяснении, для чего требуется привлечение не только материалов археологии, но и свидетельств письменных источников.

Распространение названия хорватов на более широкий массив славянства, участвовавший в генезисе как антов, так и склавенов, показывает, что генезис самих хорватов нельзя связывать только с одним Подольско-Днепровском регионом. Кроме того, как мы уже видели, Подольско-Днепровский регион — не единственная область славяно-иранского этнического взаимодействия в Юго-Восточной Европе. Такие процессы происходили и в Днестровско-Прикар-

[4] Hauptmann Lj. Seoba Hrvata i Srba // ЈИЧ. 1937. Сш. 3. С. 59–61; Barada M. Hrvatska dijaspora i Avari // SHP. Ser. III. 1952. Sv. 2.

[5] Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191–195, 202–213, 216, 218, 220–224.

[6] Седов В. В. 1) Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 83, 124, 130, 312, 321; 2) Древнерусская народность. М., 1999. С. 37–38, 269; 3) Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 192–193, 236, 484.

[7] См. с. 84–85 настоящей работы.

патском регионе, начиная с первых веков нашей эры, т. е. еще в дочерняховское время, на поздних этапах существования зарубинецкой культуры. Именно в то время начали складываться основные центры славяно-иранского этнического взаимодействия, которыми стали районы Среднего Поднепровья, а также Среднего и Верхнего Днестра[8].

В период существования черняховской культуры процессы славяно-иранского этнического синтеза продолжались, а район Среднего и Верхнего Днестра превратился в один из его эпицентров. Этому способствовали происходившие в III–IV вв. новые волны массового перемещения славянского населения на юг и восток, обусловленного, с одной стороны, давлением гото-гепидов, а с другой, встречным колонизационным потоком сарматов[9]. Многочисленные данные археологии и палеоантропологии указывают на участие сарматов в формировании этнического состава средневекового населения Восточного Прикарпатья: наряду с гетским мезодолихокранным типом здесь встречаются черепа сарматского брахикранного типа[10].

Однако приведенными свидетельствами проблема генезиса хорватов не решается. Главное препятствие состоит в том, что нет никаких следов пребывания этого племени в первые века нашей эры ни в районах Среднего и Верхнего Поднестровья, ни на территории Подольско-Днепровского региона. Между сарматами и хорватами нет полного тождества: древние хорваты могли быть только частью ираноязычного межплеменного объединения, вошедшего в историю под общим названием сарматов. Поэтому говорить об участии хорватов в процессах славяно-иранского этнического синтеза можно только гипотетически. Единственной опорой для этого становится доказываемое филологами и историками иранское происхождение этнонима «хорваты», а также его первоначальных носителей.

Не ставя под сомнение эти факты, заметим, что апеллирующие к ним построения существенно ослабляются ввиду полного отсутствия письменных свидетельств о хорватах не только на территории проживания предков славян, но и в районах сосредоточения скифо-сарматского населения — в Северном Приазовье и Причерноморье к западу от Дона. В корпусе древних надписей, обнаруженных в греческих полисах западнее Танаиса, названий, связывающихся с этнонимом *хорваты*, не встречается. Не упоминается это племя и среди сарматских племен, достигших на рубеже нашей эры Днестровско-Дунайского региона, хотя о других племенах сарматов, например *языгах* и *роксоланах*, известно на Дунае уже в I в.[11]

Таким образом, нет достаточных оснований говорить о пребывании хорватов к западу от Дона в первые века нашей эры. Положение могло измениться

---

[8] Козак Д. Н. Сармати та слов'яни на Україні // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. [До 80-річчя Є. В. Максимова]. Київ, 2003.

[9] Баран В. Д. Велике розселення слов'ян // Давня історія України. Т. 3. Київ, 2000. С. 83.

[10] Рикман Э. А. Этническая история населения Приднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 319; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 19–20.

[11] Дзиговський О. М. Сармати на Заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. — першій половині IV ст. н. е. Київ, 1993; Мурзін В. Ю. Населення України у I тис. до н. е. — на початку I тис. н. е. // Етнічна історія давньої України. Київ, 2000. С. 78.

только в эпоху Великого переселения народов. Вероятнее всего, начало миграции иранского племени хорватов на запад нужно искать в событиях этого бурного времени, когда массовые перемещения целых народов, а вместе с ними — этнонимов, топонимов и антропонимов, стало чрезвычайно распространенным и даже обычным явлением. Надо думать, что в результате подобных процессов, начавшихся после гуннского вторжения в Европу, произошла славянизация этнонима *хорваты*, возможно, вместе с его первоначальными носителями.

По мнению ряда исследователей, появление хорватов в Центральной Европе и на Балканах находится в связи с событиями аварского нашествия[12]. Но к тому времени, судя по имеющимся археологическим и лингвистическим данным, процесс славянизации хорватов уже был завершен: хорваты могли быть только среди мобилизованных аварами славянских племен, которые, составляя самую многочисленную часть аварской армии, принимали наиболее активное участие в заселении завоеванных территорий[13].

Значит, усвоение славянами этнонима «хорваты» должно было произойти ранее. Если взаимодействие ираноязычных хорватов со славянами не могло начаться ранее гуннского нашествия и было связано с вызванными им этническими процессами, то формирование славянского племенного образования хорватов должно было произойти в период между гуннским и аварским нашествиями, т. е. примерно в конце IV — первой половине VI в.

Район Нижнего Дона, где зафиксированы древнейшие письменные свидетельства, имеющие прямое отношение к ираноязычным хорватам, в начале новой эры был территорией проживания одного из крупных сарматских племен, известного под названием *алан*. Алан и прибывших вместе с ними *аорсов* относят к более поздней волне сарматской миграции, достигшей степей Северного Причерноморья в I в. н. э.[14]

В отличие от своих предшественников аланы смогли создать на юге Восточной Европы мощное военно-политическое объединение, о чем можно судить по проводимой ими активной внешней политике. Отряды алано-сарматов преодолевают Кавказские горы и вторгаются на территорию Ирана[15]; принимают

---

[12] Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 78; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 489–490; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 81–83.

[13] Barada M. Hrvatska dijaspora i Avari // SHP. Ser. III. 1952. Sv. 2; Korošec J. Archeološki siedovi slovansko naselitve na Balkanu // ZČ. 1954. Let. 8; Zástěrová B. Avaři a Slované // VPS. 1958. T. 2; Наследова Р. А. Вторжение славян и их расселение на территории Византийской империи // История Византии. Т. I. М., 1967. С. 339–350; Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. Godine // VAMZ. Ser. 3. 1971. Sv. 5; Авенариус А. Авары и славяне. «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 235–243; Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 88–95.

[14] Мурзін В. Ю. Населення України... С. 78. Об этническом происхождении и времени появления в Восточной Европе алан см.: Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождение. (Историографический очерк) // Историко-археологический альманах. Армавир, 2001. Вып. 7.

[15] Алиев И. Сармато-аланы на пути в Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971.

активное участие в политической борьбе, развернувшейся в середине I в. в Боспорском государстве[16]; на некоторое время устанавливают свое господство над Ольвией, где начинается чеканка монет с именами «царей» Фарзоя и Инисмея, являвшихся, вероятно, представителями аланского правящего рода[17].

Потерпев поражение от готов, аланы были вынуждены покинуть Северное Причерноморье, сосредоточившись в основном в районе Нижнего Дона. Здесь их и застигла волна гуннского нашествия. В значительной своей части аланы признали власть гуннов и с конца IV в. принимали активное участие в их завоевательных войнах, составив своеобразный авангард гуннской армии[18].

По-видимому, первое переселение хорватов на запад и начало их взаимодействия со славянским населением Юго-Восточной Европы было связано с миграцией аланских племен, включившихся в волну расселения, вызванную экспансией гуннов. Подобные предположения уже неоднократно высказывались в исторической литературе. К их анализу мы теперь и приступим.

* * *

Г. В. Вернадский, Ф. Дворник и другие исследователи выдвинули гипотезу, согласно которой иранское племя хорватов, происходившее из среды аланских племен и жившее некогда в Низовьях Дона, во время гуннского или аварского нашествия совершило значительную миграцию на запад, влившись в ряды армии завоевателей. Оказавшись в Северном Прикарпатье, а в дальнейшем достигнув Верхней Вислы, а также Балкан и Верховьев Эльбы, хорваты как лучше организованная в военном отношении сила установили господство над местным славянским населением и со временем ассимилировались в его среде, передав части славян новое название[19].

Одни исследователи склонны видеть аланское происхождение всего племенного сообщества хорватов, как и их ближайших родственников — сербов, переселившихся на запад под давлением гуннов[20]. Другие, как, например, известный польский филолог Т. Лер-Сплавиньский, допускают, что название хорватов происходит от относительно немногочисленной иранской вооруженной дружины, растворившейся в массе славянского населения и принявшей славянский язык[21].

Проблема генезиса надвислянских хорватов, таким образом, решается в свя-

---

[16] Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 1.

[17] Карышковский П. И. Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 108; Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 58.

[18] См.: Бахрах Б. С. Аланы на Западе (от первого их упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья). М., 1993.

[19] Vernadsky G. 1) Great Moravia and White Chorvatia // JAOS. 1945. Vol. 65. T. 3; 2) Das frühe Slawentum // Historia Mundi. T. V. Bern, 1956. S. 265 f.; Dvornik F. 1) The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 268 n.; 2) The Slavs, Their Early History and Civilization. Boston, 1956. P. 25–29; Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich // AAC. 1971. T. 12. S. 169; Košćak V. Iranska teorija o podrijetlu Hrvata // Etnogeneza Hrvata. Zagreb, 1995. S. 115–116.

[20] Czekanowski J. Wstęp do historii Słowian. Warszawa, 1953. S. 173, 187, 194, 205, 247, 252, 338.

[21] Lehr-Spławiński T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // PS. 1951. T. 2. S. 111.

зи с проникновением в Прикарпатье и, в частности, на земли Малой Польши ираноязычных кочевников, каковыми могли быть аланы или другие древние племена, известные под общим названием сарматов.

Наиболее обстоятельную картину этого процесса представляет в своих работах о европейских сарматах Т. Сулимирский. Исследователь принимает сарматское (аланское) происхождение древних хорватов и доказывает, что в процессе гуннской экспансии восточноаланские племена хорватов и сербов устремились на запад. Из их среды рекрутировались гуннские наместники (logades), которых селили на территориях, подчиненных власти завоевателей, в том числе в Малой Польше, Силезии и на лужицких землях[22].

Следует, однако, учитывать, что проникновение сарматских племен на запад началось задолго до гуннского нашествия. В самом начале новой эры в связи с изменениями климата, вызванного процессами аридизации, из степных районов Северного Причерноморья значительно возросла миграция сарматского населения на запад, север и юг. В авангарде этого расселения шли племена языгов, изгнавшие даков из долины Тисы и вышедшие к Дунаю, откуда они начали атаковать владения Римской империи. Во II в. часть языгов поселилась в Паннонии[23]. Среди сарматских племен в первые века нашей эры известны также *роксоланы*, *аорсы*, *сираки*, *аланы*, жившие в причерноморских и приазовских степях, но при этом нередко совершавшие завоевательные походы на запад[24].

В I–II вв. среди северопричерноморских сарматов выделяется племенной союз алан, однако в III в. их власть была подорвана готами, оттеснившими алан за Дон. Поражение лишь на время ослабило алан. Уже с IV в. они вновь занимали главенствующее положение среди сарматов, проживавших к востоку от Дона, и распространили на них свое название[25].

Эта черта взаимоотношения алан с побежденными и признавшими их власть племенами заслуживает особого внимания. Ее подметили еще античные авторы. Так, Аммиан Марцеллин писал:

> Аланы мало-помалу своими постоянными набегами истощили соседние народы и распространили на них название своей народности[26].

О способности сарматов вообще и алан в частности передавать свое этническое название покоренным народам говорят и современные исследователи[27]. Одним

---

[22] Sulimirski T. Sarmaci w Polsce. XII // RPTNO. R. 1961–1962. S. 65–88.

[23] Археология Венгрии. М., 1986. С. 280; Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I — начале II века н. э. // РА. 1995. № 1.

[24] См.: Рубцов С. М. Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I — начало II века н. э.). СПб.; М., 2003; Нефедкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э. — II в. н. э. СПб.; М., 2004.

[25] Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

[26] Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. XXXI, 2, 14.

[27] Мошкова М. Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье, Северном Причерноморье // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989; Козак Д. Н. Етнічні процеси в Україні наприкінці I тис. до н. е. — у I тис. н. е. // Етнічна історія давньої України. С. 137.

из таких народов были аорсы, прибывшие вместе с аланами в Северное Причерноморье и вскоре утратившие собственное название[28].

Потерпев поражение от гуннов в начале 370-х годов, аланы наряду с готами приняли участие в гуннских завоеваниях и последовавшем за ними Великом переселении народов. В последней четверти IV в. аланы вместе с гуннами и готами проникли на территорию Римской империи и поселились там в качестве федератов. Часть аланских племен вместе с вандалами и суэбами прошла через Паннонию, Галлию и Испанию и в начале V в. поселилась в Лузитании (Португалии), другая часть перешла Гибралтар и расселилась в Северной Африке. В Западной Европе следы алан сохранились в некоторых географических названиях и личных именах[29].

В то же время значительная часть алан осталась в Северном Причерноморье и Приазовье, в Крыму, на Северном Кавказе и Нижней Волге. Под общим названием алан существовало несколько ираноязычных племен, среди которых выделялись *танаиты*, проживавшие в низовьях Дона, *басилы*, жившие на Нижней Волге, *маскуты-массагеты*, обитавшие в Дагестане[30].

По мнению Т. Сулимирского, древняя сарматская экспансия в Европе, происходившая в первые века новой эры, должна быть связана с антами, влияние которых распространялось будто бы на территории от Днепра на востоке и до Эльбы на западе. Антам приписываются княжеские погребения II — III вв., расположенные, в частности, в окрестностях Кракова и Вроцлава, с ними связывается проникновение в Южную Польшу так называемой сероглиняной керамики. В связи с экспансией антов-сарматов поставлено возникновение позднеантичной и средневековой традиции именовать земли Восточной и отчасти Центральной Европы «Сарматией». Кроме того, Т. Сулимирский доказывает происхождение древнейших малопольских гербов от магических знаков, изображенных на Сарматских тамгах. Экспансия гуннов положила конец власти антов в Малой Польше, Силезии и лужицких землях: на ее волне укрепилась доминирующая роль хорватов, хотя анты и сохранили положение племенных старейшин[31].

Не подлежит сомнению, что в антском союзе важнейшую роль играли ираноязычные и прежде всего сарматские племена Северного Причерноморья. Однако наиболее раннее упоминание об антах в письменных источниках VI–VII вв. относится только к концу IV–V вв., и территория, которую к тому времени занимали анты, ограничивалась междуречьем Днестра и Днепра[32]. Говорить о существовании антского союза в первые века новой эры можно лишь гипотетически.

---

[28] Мурзін В. Ю. Населення України… С. 80.

[29] Кузнецов В. А., Пудовин В. К. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов» // СА. 1961. № 2; Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV–V вв.) // Аланы: Западная Европа и Византия (Alanica — I). Владикавказ, 1992.

[30] Подробно см.: Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992; Гутнов Ф. Х. Ранние аланы: проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.

[31] См.: Sulimirski T. 1) The Sarmatians. London, 1970; 2) Sarmaci. Warszawa, 1979.

[32] СДПИС. Т. I. С. 109, 127. Прим. 102.

Если же признать, что археологическим эквивалентом антов в период, предшествовавший гуннскому завоеванию, были древности черняховской культуры, то доказательством антского проникновения в регион Центральной Европы могут быть соответствующие вещевые находки. Пока что такие находки, относящиеся к III в., фиксируются на землях Северной Словакии, в ареале пршевской культуры[33]. К северу от Карпат, в верховьях Вислы и Одера, надежных фактов пребывания черняховского населения не отмечается. Значительные изменения в керамике, металлических изделиях и погребальной обрядности населения сложившейся здесь пшеворской культуры, отмечаемые в первых веках новой эры, большинством исследователей расцениваются как свидетельство проникновения германского населения, а в правобережье бассейна Вислы — распространения готского влияния[34].

Начало гуннского нашествия на земли Юго-Восточной Европы связано с победой над аланами на Нижнем Дону, часть которых была уничтожена или рассеяна, а другая часть влилась в ряды армии завоевателей. По сведениям Аммиана Марцеллина:

> Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые <...> обыкновенно называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора; при их содействии они с большой уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Ерманариха...[35]

Происходили описываемые события около 375 г. Под предводительством Баламира гунны вторглись в пределы причерноморских владений остроготов, нанеся сокрушительное поражение войскам их правителя Германариха, вынудив его покончить с собой[36].

Часть остроготов покорилась гуннам, остальные во главе с Витимиром стали отходить на запад. Преследуя их, гунны достигли Днестра и вынудили отступающих отойти к отрогам Карпат. Нашествию подверглись и земли везеготов. В 376 г. римский император Валент разрешил им переселиться в пределы Римской империи, в Мезию, а в 382 г. император Феодосий предоставил везеготам новые земли в Мезии и Фракии. Гуннское продвижение в Европу развивалось стремительно, и вскоре они достигли Потисья и Среднего Подунавья. Натиск гуннов вынудил везеготов, вандалов, свевов и другие племена, обитавшие в верховьях Дуная и Рейна, переселяться далее на запад — в Северную Италию, Галлию, Испанию[37].

---

[33] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 100.

[34] Там же. С. 106, 120–121. См. также: Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K. Pradzieje Polski. Warszawa, 1965. S. 296.

[35] Аммиан Марцеллин. Римская история. XXXI, 3, 2.

[36] Там же.

[37] См.: Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd IV: Die europäischen Hunnen. Berlin, 1962; Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979; Häusler A. Die Zeit der Völkerwanderung und ihre Bedeutung für die Geschichte Europas // Die Germanen: Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd II. Berlin, 1983.

К концу IV — началу V в. равнина между Тисой и Дунаем стала преимущественно гуннской территорией, сюда же переместился центр политического управления гуннской державы. В созданный гуннами общирный военно-политический союз вошли многие покоренные племена, среди которых выделялись остроготы, гепиды, герулы, а также аланы и славяне. Степень зависимости этих племен от гуннов полностью определить невозможно. По-видимому, они признавали верховную власть гуннских правителей, обязаны были участвовать в руководимых ими военных походах, а их племенные военные формирования были составной частью гуннской армии и действовали под именем гуннов, иногда в качестве наемной военной силы оказывая услуги как Западной, так и Восточной Римской империи[38].

Наибольшего могущества гунны достигают в правление Аттилы (434–453). Грабительские набеги на территорию Византии, когда гунны не раз достигали окрестностей Константинополя, привели к тому, что империя была вынуждена выплачивать завоевателям регулярную дань[39]. Был проведен ряд успешных походов и завоеваний в Центральной Европе, власть Аттилы признали племена франков, бургундов, тюрингов, а также славян, проживавших в верховьях Вислы и Одера. Не довольствуясь этим, гунны устремили свою экспансию далее на запад, намереваясь, по-видимому, добиться получения дани и с Западной Римской империи. Однако в 451 г. в «битве народов» на Каталаунских полях (вблизи Парижа) войска римлян и их федератов под командованием Аэция нанесли гуннам и их многочисленным союзникам сокрушительное поражение, в результате которого силы завоевателей были подорваны. Вскоре после этого Аттила умер, а созданная им «держава» распалась[40].

Первые контакты гуннов и алан произошли задолго до начала гуннских завоеваний в Европе. По сведениям некоторых античных авторов, небольшая часть гуннов еще во II в. н. э. оторвалась от основной массы своих соплеменников и ушла далеко на запад: преодолев Волгу и Дон, переселенцы достигли Северного Причерноморья. Эта часть гуннов вступила в тесные отношения с местными сарматами и аланами и прежде всего с западной частью аланских племен — аланами-танаитами, будучи также союзниками готов[41]. По мнению некоторых исследователей, причерноморские гунны II в. локализуются в среде алано-сарматских племен между Нижним Днестром и Нижним Днепром[42].

---

[38] Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376–476). Budapest, 1969. S. 200–205; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 112.

[39] Iluk J. Trybuty i «donativa» cesarzy rzymskich wyplacane plemionom barbarzyńskim w V i w VI wieku // Eos. Wrocław, 1985. Vol. 73. F. 2. S. 331–347.

[40] Подробно см.: Thompson E. A. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948; Altheim Fr. Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951; Harmatta J. The Dissolution of the Hun Empire I: Hun Society in the Age of Attila // AAASH. 1952. T. 2. P. 277–304; Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

[41] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 135; Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd I: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. Berlin, 1959. S. 348–349; Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens. S. 22–24.

[42] Удальцов А. Д. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. // СЭ. 1946. №. 2. С. 46; Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. С. 135.

Есть все основания предполагать, что при посредничестве причерноморских гуннов племена алан-танаитов включились в волну гуннского завоевания в конце IV в., став на некоторое время авангардом гуннской армии в Европе. Вероятно, что посредством этих же причерноморских гуннов происходящий из среды алан-танаитов антропоним *Хорват* (впервые зафиксированный в танаисских надписях II–III вв.) достиг региона Поднестровья.

Поскольку основная масса алан, участвовавших в гуннских завоеваниях, уже в начале V в. порвала с гуннами и в союзе с готами и другими германскими племенами ушла на запад, достигнув Испании, а затем и Северной Африки[43], то предполагаемые контакты алан со славянами, проживавшими на территории Юго-Восточной Европы, и в частности в Прикарпатье, могли происходить только в начальный период гуннской экспансии, и следовательно, они не могли быть продолжительными.

Поэтому более вероятно предположение о том, что усвоение славянами иранского этнонима *хорваты* состоялось не в результате эволюционных процессов межэтнического синтеза, а путем интенсивного политического взаимодействия, происходившего в бурную эпоху Великого переселения народов, будучи связано с политическими событиями, имевшими судьбоносное значение для славян.

* * *

Одним из таких событий должна была стать борьба славянских племен за освобождение от власти готов, в III–IV вв. установивших свое господство над значительной территорией Юго-Восточной Европы. Решающую роль в этой борьбе сыграли военные действия гуннов и союзных им ираноязычных племен Северного Причерноморья, разрушившие «державу Германариха». Борьба с готами и победа над ними способствовали ускорению процессов этногенеза и этнической консолидации славян, выразившемуся в освоении славянами новых территорий, их стремительном выходе на арену мировой истории.

По археологическим данным, в результате гуннского нашествия большинство черняховских поселений Северного Причерноморья было оставлено своими жителями. В то же время значительная часть поселений в лесостепной зоне Днестро-Днепровского междуречья не пострадала и еще некоторое время продолжала свое существование[44]. Одним из регионов, территория которого не была затронута гуннским нашествием, были земли Среднего и Верхнего Поднестровья, а также междуречье Днестра и Западного Буга[45]. Соседние же территории, примыкающие к указанному району с востока и юга, напротив, пришли в запустение. Археологические материалы свидетельствуют, что в результате военных

[43] Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе...

[44] Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 203; Винокур І. С. Черняхівська культура: витоки і доля. Кам'янець-Подільський, 2000. С. 298.

[45] Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е. Київ, 1972. С. 143–161; Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 97–130.

действий были оставлены своими жителями поселения на юго-востоке Волыни и в Молдавии[46].

Следовательно, земли Среднего и Верхнего Поднестровья находились в непосредственной близости от районов, подвергшихся разорению, но в силу каких-то причин вражеское нашествие обошло их стороной. Этот факт подтверждается также данными относительно развития металлургического, кузнечного и ювелирного производств, важнейшие центры которого в середине — третьей четверти I тысячелетия были сосредоточены в Поднестровье и прилегающих районах, выделяясь на фоне общего упадка материальной культуры и технологического регресса, вызванного гуннским разорением и гибелью черняховской культуры[47].

Регион Среднего и Верхнего Поднестровья на протяжении нескольких столетий играл важнейшую роль в истории славян. Особая роль этого региона сформировалась еще в первой половине I тысячелетия, что было связано с переселением на территорию Юго-Восточной Европы германских племен и последующим двухвековым периодом славяно-германских отношений.

Восточногерманские племена готов, по данным письменных и археологических источников, в первой половине I в. н. э. покинули свою прародину, находившуюся на территории Скандинавии, и переселились на южный берег Балтики — в Польское Поморье[48]. Продолжив через некоторое время свой путь далее на юго-восток, готы пришли «в земли Скифии, которые называются на их языке Ойум…»[49]. Локализация Ойума и определение путей миграции готов принадлежат к числу наиболее дискуссионных и трудно решаемых проблем[50]. Не меньше споров вызывает вопрос о времени и причинах дифференциации готов на две группировки — везеготов и остроготов. Новейшими исследованиями установлено, что в результате первой волны миграции в конце II в. германцами были освоены пространства на западе Белоруссии и Украины, а также междуречья Нижнего Днестра и Нижнего Дуная. Новая волна переселения в середине III в. привела к освоению территорий в Низовьях Днепра и в Северном Приазовье[51]. Од-

---

[46] Винокур И. С. Памятники волынской группы культуры полей погребений у сел Маркуши и Иванковцы // МИА. 1964. № 116. С. 176–186; Рикман Э. А. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967. С. 42.

[47] Бідзіля В. І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі // Археологія. 1963. Т. 15; Цигилик В. М. До питання про виробничі центри початку та кінця I тисячоліття н. е. на Подністров'ї // Мат. IX Подільської іст.-краєзнав. конф. Кам'янець-Подільський, 1995; Винокур І. С. Слов'янські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський, 1997.

[48] Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 25–57.

[49] СДПИС. Т. I. С. 105.

[50] Обзор мнений см.: Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica 27–28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984; Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 94; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 143.

[51] См.: Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 69 сл.; Буданова В. П. Готы… Гл. III.1. См. также: Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // БСИ. 1982; Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1. bis 7. Jahrhundert // FMS. 1994. Bd 28. S. 98–105; Щукин М. Б. Готский путь. С. 103–108.

новременно с этим происходил процесс поэтапного расселения в лесостепной полосе междуречья Днепра и Дона[52].

Следы длительного проживания германцев на землях Волыни и Подолья зафиксированы в многочисленных памятниках вельбарской археологической культуры, связываемой современными исследователями с племенами готов и гепидов. На территории Волыно-Подольского региона вельбарская культура возникла в последней четверти II в. и просуществовала до конца IV в.[53] В других регионах лесостепной полосы Восточной Европы вельбарские древности появляются позднее — во второй половине III–IV вв. и распространяются среди черняховских памятников или входят в них как один из компонентов[54]. Все это дает основание говорить о двухвековом периоде совместного проживания славян и германцев практически на всей территории современной Украины, и что территория Волыни и Подолья стала оплотом последующей германской колонизации[55].

Значительная часть древнего славянского населения была вынуждена признать над собой власть готов, потерпев военное поражение. По словам Иордана, достигнув Ойума, готы ведут войны с жившими там племенами и «овладевают желанной страной»:

> И не медля, тотчас они доходят до народа спалов и, завязав сражение, одерживают победу, а оттуда уже как победители спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским морем[56].

Начиная с Ф. Миклошича, исследователи сопоставляют этноним *спалы* (Spali) со ст.-слав. *исполинъ* ‘гигант, великан’[57]. Случаи превращения названия исчезнувшей этнической группы в слово, обозначающее великана, хорошо известны. Так произошло с гуннами и, вероятно, с антами, запечатленными в гер-

---

[52] См.: Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М.; Сумы, 1991; Зиньковская И. В. К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской Лесостепи на рубеже римского времени и раннего средневековья // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

[53] Обищук Я. Стан і перспективи вивчення вельбарської та черняхівської культур на Волино-Подільському пограниччі // Етногенез та рання історія слов’ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Мат. Міжнар. наук. археолог. конф. Львів, 2001.

[54] Козак Д. Н. 1) Вельбарская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3; 2) Вельбарская культура на Волыни // Kultura Wielbarśka w mlodszym okresię rzymskim. Lublin, 1988.

[55] Козак Д. Н. До проблеми співіснування слов’ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. // Старожитності Русі — України. [До 70-річчя М. Ю. Брайчевського]. Київ, 1994; Винокур И. С. Давні слов’яни і германці Центральної та Південно-Східної Європи // Наукові праці Кам’янець-Подільського державного університету. Історичні науки. Кам’янець-Подільський, 2005. Т. 14.

[56] СДПИС. Т. I. С. 105.

[57] ЭССЯ. 1981. Вып. 8. С. 240–242. — См. также: Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908. Bd I. S. v. *Ispolin*; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. III. S. v. *Полота*; Български етимологически речник. София, 1963. Т. II. S. v. *исполин*.

манской народной традиции в образе великанов[58]. Ст.-англ. etna 'гигант' может быть метатезисом имени enta (*анты*)[59]. Эту типологическую параллель продолжают представления об огузах в Армении и ряд других примеров[60].

Славянская атрибуция спалов Иордана находит подкрепление в сопоставлении этого этнонима со *спалеями* (Spalaei) Плиния (Plin. N. H. VI. 21–22) и *спорами* (Σπόροι) Прокопия Кесарийского (Proc. VII. 14, 29)[61]. Последние, несомненно, были славянами, о чем со всей определенностью свидетельствует сам Прокопий:

> Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами»...[62]

Если спалы Иордана и споры Прокопия были обозначениями одной и той же группировки древних славян, то, значит, готское завоевание Скифии началось с подчинения части ее славянского населения. Вероятно, речь может идти о древних славянах — носителях пшеворской культуры, — составлявших население Мазовии, Подляшья и Западной Волыни[63].

Следы подчинения готами части древних славян фиксируются лингвистами. Как известно, литовцы называют своих южных соседей *гудами* (лит. Gudas 'белорус'). Это название — производное от этнонима *готы* путем замены корневого -t на -d ввиду того, что для балтийских языков неприемлемо сочетание gut-, трансформирующееся в gud-[64]. Очевидно, что такое обозначение славян у литовцев могло возникнуть в древности, в период пребывания готов на юге Восточной Европы, и отражает факт подчинения готами части древнего славянского населения современной Белоруссии и Западной Украины.

Исключение, по-видимому, составляет регион Верхнего и отчасти Среднего Днестра, на территории которого не встречается археологических памятников, связываемых с готской культурой. Здесь в первые столетия нашей эры сформи-

---

[58] Веселовский А. Н. Заметки по литературе и народной словесности. СПб., 1883. Т. I. С. 80–86.

[59] Vernadsky G. Goten und Anten in Südrussland // SODF. 1938. Bd 3.

[60] Потебня А. А. Этимологические заметки о мифологическом значении некоторых обрядов. М., 1865. С. 120; Пиотровский Б. Б. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939. С. 13.

[61] Zeuss K. Die Deutschen und Nachbarstämme. München, 1837. S. 58, 87; Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Göttingen, 1896. T. I. S. 37; Vernadsky G. The Spali of Jordanes and the Spori of Procopius // Byz. 1938. Vol. 13. P. 263–266; Grégoire H. L'habitat «primitif» des Magyars // Ibid. P. 267–277; Łowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1964. T. II. S. 54–57; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 148. — Более подробный обзор мнений см.: Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях готов. С. 194. Прим. 70; Łowmiański H. 1) Spalowie // SSS. 1975. T. V; 2) Sporowie // Ibid.

[62] СДПИС. Т. I. С. 185.

[63] Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 148.

[64] Hermann E. Sind der Namen der Gudden und die Orstnamen Danzig, Gdingen und Grudenz gotischen Ursprungs? // NAWG. Filol.-hist. Klasse. 1941. S. 243–244, 287; Leituvių kalbos žodynas. Vilnius, 1956. T. III. P. 692; Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962. Bd I. S. 174.

ровался мощный центр праславянского населения, состоявший из носителей нескольких археологических культур позднеримского времени, имеющих непосредственное отношение к этногенезу славян — зарубинецкой, западноукраинской группы пшеворской, а также зубрицкой, вытесненной готами с Волыни[65].

Не сумев преодолеть сопротивление славян на Верхнем Днестре, готы, надо думать, были вынуждены обойти этот район стороной, продолжая свое движение на юг. Во всяком случае, в соседних районах Южного Побужья выявлено значительное количество готских поселений конца II–III вв.[66] Пересечь Днестр и продолжить движение в Подунавье готы смогли только в районе Хотина и Каменца-Подольского, о чем свидетельствует открытие здесь нескольких вельбарских поселений[67]. Ряд вельбарских погребений конца II — начала III в. открыт в Днестровско-Прутском междуречье, в Молдавии и Румынии[68].

Таким образом, верхнеднестровский массив праславянских племен, вставший на пути готской колонизации, был полностью обойден завоевателями с востока и юга и на протяжении всего периода готского господства в Юго-Восточной Европе сохранял свою этнокультурную обособленность, что, вероятно, могло произойти только в результате успешного военно-политического противостояния готам.

Обособленность славянской общности на территории будущей Галичины ярко проявилась в культурном отношении. На общем фоне черняховской культуры, с ее значительными успехами в материальном производстве и технологии, в создание и распространение которых готы внесли свой существенный вклад, верхнеднестровская группировка отличается более примитивной материальной культурой, в частности, преобладанием лепной керамики над гончарной, полуземляночным типом жилища, а также некоторыми особенностями погребального обряда[69].

На этом основании новейшие исследователи даже отказываются признавать памятники указанного региона черняховскими, как, например, группу поселений типа Черепин-Рипнев в верховьях Днестра и на Львовщине, население которых сохраняло важнейшие атрибуты своей культурной идентичности — особый тип жилища и погребальный обряд[70]. За всем этим угадывается настойчивое стремление противостоять нивелирующему воздействию готского культурного влияния, сохранить свою этнокультурную самобытность.

---

[65] Козак Д. Н. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. — IV ст. н. е.). Київ, 1991.

[66] Хавлюк П. И. Вельбарские памятники на Южном Буге // Kultura Wielbarska...

[67] Козак Д. Н. Поселение у с. Великая Слободка // КСИА. 1984. Вып. 178. — См. также: Козак Д. Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців... С. 34.

[68] Никулицэ И. Т., Рикман Э. А. Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н. э. // КСИА. 1973. Вып. 133; Рафаловичи И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. Кишинев, 1986; Ioniţa I. Unele probleme privind populatia autohtona din Moldova in secolele II–V e. n. // Crisia. Culegere de materiale si studii. Oradea, 1972. P. 188–193.

[69] См.: Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981.

[70] Щукин М. Б. Готский путь. С. 109.

* * *

Следует отметить, что для славянского населения лесостепной зоны Восточной Европы вообще характерно стремление избегать этнических контактов с германцами. «Интересно, — пишет Д. Н. Козак, — что в археологических памятниках Украины III–IV вв. до сих пор не зафиксировано смешанных готских (вельбарских) и славянских (киевских, черняховских северной зоны) материалов, тогда как известно много примеров смешения гото-сарматских, готодакийских элементов культуры. Очевидно, между славянами и германцами все время сохранялась отчужденность, вероятнее всего, враждебность»[71].

Своего наивысшего могущества готы достигают в правление короля Германариха (347/351 — ок. 375), отличавшегося особой воинственностью. Расположив ставку, по-видимому, в районе днепровских порогов, где открыто одно из трех известных на сегодня черняховских городищ[72], — возможно, тот самый, упоминающийся в сагах «днепровский город» готов, иногда отождествляемый с самим Киевом[73], — Германарих сосредоточил усилия на продвижение своей власти вглубь лесной зоны Восточной Европы. В этом деле ему, судя по свидетельствам Иордана, сопутствовал значительный успех:

> Германарик <...> многие народы, и в том числе одиннадцать воинственнейших северных покорил и заставил повиноваться своим законам. Некоторые древние [авторы] заслуженно сравнили его с Александром Великим, так как он владел теми народами, которых усмирил Голтескиф: инаунксис, васинабронки, меренс, морденс, имнискарис, роги, тадзанс, атаул, навего, бубегены, колды[74].

> После избиения херулов Германарик также двинул войско на венетов, которые, хотя и достойные презрения из-за их [плохого] вооружения, но могучие численностью, сперва пробовали сопротивляться. Но ничего не значит множество негодных для войны, особенно когда с попущения господня наступает многочисленное [хорошо] вооруженное войско[75].

Список покоренных Германарихом племен вызывает ряд ассоциаций с известными по другим средневековым источникам племенами, жившими в глубине лесной зоны. *Морденс* и *меренс* сопоставляют с *мордвой* и *мерью* на Верхней Волге и в Поочье; *колдов* (*колдас*) и *гольтескифов* (так иногда читается антропоним *Голтескиф*) — с балтским племенем *голядь*; *васинабронков* (*васинабронкас*) — с угро-финским племенем *весь* в Приладожье; читающееся в некоторых списках название *тиуды* (*тиудас*) соотносят с *чудью белоглазой*, обобщающим названием различных племен от Приладожья до Прикамья[76].

---

[71] Козак Д. Н. До проблеми співіснування слов'ян і германців... С. 35.

[72] Сминенко А. Т. Городище Башмачка III–IV вв. н. э. Киев, 1992.

[73] Об этой давней историографической проблеме см.: Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. I. Київ, 1991. С. 545–546; Пріцак О. Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Т. I. Київ, 1997. С. 262.

[74] СДПИС. Т. I. С. 111.

[75] Там же.

[76] Скржинская Е. Ч. Комментарии. С. 265–266. Прим. 367; Schramm G. Die

Среди покоренных Германарихом племен были и венеды, в том числе, вероятно, их верхнеднестровская группировка. О войне готов с венедами Иордан говорит особо, указывая при этом, что борьба носила упорный характер, — венеды оказывали сопротивление завоевателям, что явно контрастирует с описанием подчинения других племен лесной зоны, удостоившихся лишь беглого упоминания готского историка. Германцы имели превосходство в вооружении, однако это не позволило Германариху добиться полного разгрома венедов.

После его гибели новому правителю готов Витимиру понадобилось заново подчинять венедов. Витимиром называет преемника Германариха Аммиан Марцеллин[77]. Согласно Иордану, он носил другое имя — Винитарий[78]. Вероятно, правы те исследователи, которые видят во втором имени нового короля остроготов своеобразный почетный титул или прозвище, образованное от этнонима *венеды/виниты*. Другой представитель рода Амалов Видирих носил схожий титул Вандилиарий, образованный от этнонима *вандалы*. Подобные прозвища-эпитеты готских правителей должны отражать важнейшие факты их политической деятельности и могут толковаться как «победитель венедов» и «победитель вандалов»[79]. Согласно О. Н. Трубачеву, готское arjan означало ‘пахать, потрошить’ и, следовательно, антропоним Vinith-arius правильнее трактовать как «потрошитель венедов»[80].

---

nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes. Getica. XXIII, 116) // FMS. 1974. Bd 8; Korkkanen I. The peoples of Hermanaric Jordanes Getica 116 // STT. Sar. B. 1975. T. 187; Седов В. В. Этногеография Восточной Европы середины I тысячелетия н. э. по данным археологии и Иордана // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; Wolfram H. 1) Geschichte der Goten. S. 98–102; 2) Готы. С. 131–133; Топоров В. Н. Еще раз о GOLTHESCYTHA у Иордана (Getica. 116): К вопросу северо-западных границ древнеиранского ареала // Славянское и балканское языкознание: Проблемы языковых контактов. М., 1983; Буданова В. П. 1) Этническая структура «государства Германариха» (по данным письменных источников) // КСИА. 1983. Вып. 178; 2) Готы... С. 156–160; Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984; Лебедев Г. С. 1) Северо-Восток европейской части России в середине I тыс. н. э. (состояние письменных и археологических данных) // Материалы к этнической истории Европейского северо-востока. Л., 1985; 2) Русь, чудь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н. э.) // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 98; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 30–34; Kazanski M. Les Goths et les Huns. A propes des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades // AM. 1992. T. 22; Щукин М. Б. Готский путь. С. 208–209.

[77] Аммиан Марцеллин. Римская история. XXXI, 3, 3.

[78] СДПИС. Т. I. С. 113.

[79] Smidt L. Älteste Geschichte der Langobarden. Leipzig, 1884. S. 253–256, 368–374; Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. I: Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле. СПб., 1899. С. 252. Прим. 1; 233; Eckhardt K. A. Die Nachbenennung in den Königshäusern der Goten // SODF. 1955. Bd 14. S. 41 ff; Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd I S. 76 f, 320 ff; Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 319–322, 325; Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. Berlin, 1970. S. 51; Wenskus R. Amaler // RLGAK. 1973. Bd I. S. 247 f; Wolfram H. 1) Theogonie, Ethnogenese und ein kompromittierter Grossvater im Stammbaum Theoderichs des Grossen // Festschrift für Helmut Beumann. Thorbecke, 1977. S. 85 f; 2) Готы. С. 359 сл.

[80] Трубачев О. Н. Germanica и Pseudogermanica в древнейшей ономастике Северного Причерноморья. Этимологический комментарий // Этимология. 1986–1987. М., 1989. С. 51.

Такое прозвище вполне соответствует свирепому нраву Витимира, жестоко расправлявшегося со своими врагами. Об этом можно судить по рассказу Иордана о войне остроготов с антами, которые, по словам готского историка, происходят из общего корня с венедами:

> ...он (Витимир-Винитарий. — *А. М.*) <...> хотя и уступая Херманарику в счастье, однако тяжело снося подчинение власти хуннов, понемногу вызволяя себя от них, между тем стремился проявить собственную доблесть [и] двинул войско в пределы антов. И когда подошел к ним, был побежден в первой стычке, затем повел [себя] более храбро и короля их по имени Боз с сыновьями его и 70 знатными людьми распял, чтобы трупы повешенных удваивали страх покоренных[81]

Иногда в литературе высказывается предположение о том, что победа Винитария над венедами в действительности была победой над антами. Только в VI в. венеды, анты и склавены получили широкую известность благодаря участию в нападениях на Византию; в IV в. анты продвинулись на запад не так далеко и не были еще славянизированы. *Винитарий* — это, собственно, Anticus (*Антский*), который лишь с точки зрения VI в. может быть победителем венедов[82].

Но ведь титул «Винитарий» не мог возникнуть в VI в., это должно было произойти еще при жизни его носителя. Если в VI в. венеды и анты в представлении византийцев могли сливаться в некую общую массу варваров-завоевателей, состоявшую преимущественно из славян, то ничто не доказывает подобной возможности в IV в. Повествуя о событиях этого времени, Иордан четко различает венедов и антов: он последовательно говорит о покорении венедов Германарихом и о войне с антами Винитария. Причем победа и подчинение одних совсем не значили победу и подчинение других.

«Потрошить» венедов и «устрашать» антов Витимиру понадобилось ввиду их упорного сопротивления завоевателям. Вероятно, подобные меры могли бы со временем достигнуть своей цели. Однако дни готского господства в Восточной Европе уже были сочтены. В конфликт готов и древних славян вмешалась новая сила — гунны, сумевшие мобилизовать в свои ряды значительную часть ираноязычного населения Северного Причерноморья, прежде всего, аланосарматского.

Свою роль при этом сыграли и давние славяно-иранские этнокультурные связи. Одним из основных регионов совместного проживания сарматского и древнеславянского населения стала территория Верхнего Поднестровья и Прикарпатья. На протяжении двух веков именно эти земли были оплотом успешного противостояния готской экспансии.

---

[81] СДПИС. Т. I. С. 113–115.

[82] W e r n e r R. Zur Herkunft der Anten: Ein ethnisches und soziales Problem der Spätantike // KHA. 1980. Bd 28. S. 594, Anm. 42; В о л ь ф р а м Х. Готы. С. 360. — Ср.: С е д о в В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 192.

* * *

По своей этнической принадлежности анты IV в., очевидно, отличались от антов, появившихся на исторической арене в VI в. и с большей определенностью атрибутируемых по письменным и археологическим источникам в качестве славян[83]. Неоднократно высказывались обоснованные предположения о близком этническом родстве или даже полном тождестве антов IV в. и алан-асов (предков современных осетин)[84]. Об иранской этнической принадлежности антов IV в. свидетельствуют и данные археологии[85]. Такого же мнения, вероятно, придерживались современники описываемых нами событий. Аммиан Марцеллин говорит, что преемник Германариха воевал не с антами, а с аланами — одним из «гуннских племен», «опираясь на другое племя гуннов, которое он за деньги привлек в союз с собою»[86].

Согласно Г. В. Вернадскому, название *анты* было иной формой имени *ас* или *алан*. Трансформация Ἀς в Ἀντες находится в полном соответствии с фонетическими законами греческого языка, — ср. γιγας, мн. ч. γιγαντες; в новогреческом языке мн. ч. γιγαντες дало новую форму ед. ч. γιγαντας. «Аналогичным образом, — делает вывод ученый, — из первоначального Ἀς сначала могло быть сформировано множественное число Ἀντες, а затем вторичное производное, единственное число Ἀντας»[87].

Следы описанного Иорданом конфликта готов с антами сохранились в древнем готском эпосе[88]. Но не менее близкие параллели к нему обнаруживаются в народной традиции некоторых северокавказских и восточнославянских народов, чьи предки были частью антского союза. Образ антского «короля» Боза,

---

[83] Анализ письменных и археологических источников об антах V–VII вв. см.: Седов В. В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Славяне: Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования). Л., 1989; Петрухин В. Я. К дискуссии о начале славянской этнической истории // Славяноведение. 1993. № 2; Васильев М. А. Славяне и анты: К проблемам этногенетических и раннеэтноисторических процессов в славяноязычном мире // Там же; Лесман Ю. Ю. К теории этногенеза: этногенез древнеруской народности // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб., 1993; Баран В. Д. Склавіни та анти у світлі нових археологічних джерел // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. [До 100-річчя В. П. Петрова]. Київ; Львів, 1997; Винокур І. С. Анти і склавіни у світлі нових археологічних досліджень // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в І тисячолітті н. е. [До 70-річчя В. Д. Барана]. Київ; Львів, 1999; Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I. Гл. 1.

[84] Olrik A. Ragnarök: Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin, 1922. S. 464 ff; Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd I: Die Ostgermanen. S. 255–256; Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 111, 125–126; Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd I. S. 71 ff., 320 f.; Wolfram H. 1) Geschichte der Goten. S. 313; 2) Готы. С. 360. — Подробно обзор мнений см.: Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 321–322.

[85] Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. С. 112.

[86] Аммиан Марцеллин. Римская история. XXXI. 3, 3.

[87] Вернадский Г. В. Древняя Русь. С. 125.

[88] Heinzel R. Über die ostgotische Heldensage // SBWAW. Phil.-hist. Kl. 1889. Bd 119. Abh. 3. S. 15; Schneider H. Germanische Heldensage. Berlin; Leipzig, 1928. (Grundriß germanische Philologie). S. 238, 387; Genzmer F. Das Lied von der Hunnenschlacht // Thule. 1934. № 1. S. 24; Krause W. Handbuch des Gotischen. München, 1968. S. 13. Anm. 4; Gschwantler O. Heldensage in der Historiographie des Mittelalters. Wien, 1971. S. 12, 57, 114.

как принято считать, отразился в черкесской народной песне об антском юноше Баксане, записанной в XIX в.[89] Кроме того, есть все основания предполагать, что с этим образом связано упомянутое в Слове о полку Игореве «Время Бусово», о котором «поют готские красные девы». По поводу данного фрагмента существует обширная литература, и наиболее распространенное объяснение состоит в том, что здесь нашел отражение упомянутый эпизод из Гетики Иордана, одним из источников сведений которого были, по его собственному признанию, древние готские песни[90].

Новейшие исследователи приходят к выводу, что анты IV в. вообще не представляли собой определенной этнической группы, а были многонациональным по составу социальным институтом, особого рода военной организацией, созданной аланами для охраны своих внешних границ на западе в ответ на имперские амбиции Германариха (название *анты* этимологически связывается с иран. anta- 'граница, край', *ant-уа 'пограничник, украинец'[91]). Гунны и болгары переняли этот тип военной организации, благодаря чему название «анты» стало широко известным в Европе[92].

Более того, и сами аланы, судя по имеющимся данным, первоначально не представляли собой особого племени или народа, а были некоей социальной прослойкой сарматского общества, интернациональной по составу, своеобразным «рыцарским орденом», куда могли входить представители нескольких знатных родов с их дружинниками конников-катафрактариев, служивших правителям самых разных объединений кочевнических племен от Средней Азии до Поднепровья[93].

В эту универсальную организацию был открыт доступ представителям различных этносов, и поэтому название «аланы», как мы уже видели, с легкостью передавалось другим племенам и народам, также приобретая универсальный характер. Подобный феномен в значительной мере объясняется практиковавшимся у алан обычаем, определяемым антропологами как ритуальное отцовство[94]. Все это и обусловило столь впечатляющие внешнеполитические успехи алан на Западе, достигших Галлии, Испании и Северной Африки[95].

Не вызывает сомнений, что антская группировка IV в. включала в себя и какую-то часть древнего славянского населения Восточной Европы. Многочисленные факты говорят о глубоком ирано-славянском этнокультурном взаимо-

---

[89] Hauptmann Lj. Seoba Hrvata i Srba. C. 59–61.

[90] См.: Салмина М. А. Время Бусово // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. I. СПб., 1995.

[91] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. СПб., 1996. S. v. *вятичи*; Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958. С. 104–105.

[92] Пріцак О. Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. Т. II. Київ, 2003. С. 796.

[93] Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 209; Туаллагов А. А. К вопросу о происхождении ранних алан // SP. 1997.

[94] Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford, 1959. P. 13–16.

[95] См.: Бахрах Б. С. Аланы на Западе…

действии, происходившем на ранних стадиях этногенеза славян, в эпоху, предшествовавшую Великому славянскому расселению[96]. Территория совместного проживания праславян и иранцев локализуется по сохранившимся географическим названиям иранского происхождения, значительная часть которых концентрируется в междуречье Днестра и Днепра, — на территории, издревле заселенной предками славян[97].

Начало антской эпохи приходится на время существования черняховской археологической культуры, в создании которой принимали участие представители различных этносов. Правда, поиск археологических следов древних славян в составе черняховской культуры весьма затруднен ввиду хронологического разрыва с последующими славянскими культурами и значительных различий в облике черняховских и достоверно славянских древностей пражского типа, но тем не менее современные исследователи настойчиво стремятся выявить и локализовать славянский компонент черняховской культуры[98].

Как устанавливают археологи, значительные группы черняховского населения, спасаясь от гуннского погрома, вынуждены были бежать на новые земли, что в конечном итоге привело к гибели черняховской культуры в целом. Вместе с тем в лесостепной полосе междуречья Днестра и Днепра основные массы земледельческого населения, так или иначе связываемого с антами, не покинули прежних мест обитания[99]. Признав над собой власть гуннов, анты не только не подверглись разорению, но и сохранили свою военно-политическую организацию, возглавляемую «королем» Бозом и старейшинами, павшими от рук Винитария, как явствует из цитированного нами рассказа Иордана.

Объяснение этому можно найти в словах Аммиана Марцеллина, рассказывающего о взаимоотношениях гуннов с аланами-танаитами, значительная часть которых присоединилась к армии гуннов «по условиям мирного договора» и

---

[96] См. гл. 6 настоящей работы.

[97] Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923; Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; Орел В. Э. К вопросу о реликтах Иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра и Южного Буга // ВЯ. 1986. № 5.

[98] О проблемах, связанных с изучением черняховской культуры и выявлением в ее составе славянского компонента см.: Баран В. Д., Гороховский Е. Л., Магомедов Б. В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990; Гей О. А. Черняховская культура: Происхождение и этнический состав, проблемы хронологии // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993; Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994. С. 233–286; Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999; Винокур І. С. Черняхівська культура...; Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001; Щукин М. Б. Готский путь. С. 90–254.

[99] Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 203. — О последствиях гуннского нашествия для истории славян Восточной Европы см.: Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1955. Т. 22. С. 61–82; Брайчевский М. Ю. О некоторых спорных вопросах ранней истории восточных славян // КСИАУ. 1956. Т. 6. С. 84; Tymieniecki K. Początki sachodnich Słowian // RH. 1957. T. 23. S. 48; Мерперт Н. Я. Гунны в Восточной Европе // Очерки истории СССР. III–IX вв. М., 1958. С. 162; Łowmiański H. Ze studiów nad okresem wędrówek ludów: inwazja Hunów na ziemiach słowiańskich // SPN. Wydz. Nauk Społ. 1960. T. 3. S. 18 nn.

сыграла важную роль в последующих войнах гуннов с готами: «при их (алан-танаитов. — *А. М.*) содействии они (гунны. — *А. М.*) с большой уверенностью внезапным натиском ворвались в обширные и плодородные владения Ерманариха»[100].

Для союзнических отношений алан и гуннов существовали определенные исторические предпосылки. Как уже говорилось, первые контакты гуннов и алан произошли задолго до начала гуннских завоеваний в Европе: некоторая часть гуннов еще во II в. н. э. достигла Северного Причерноморья, став ближайшими соседями и союзниками алан-танаитов[101]. По мнению М. Б. Щукина, первые гунны проникли в Восточную Европу еще в конце I в. н. э. вместе с волной центральноазиатских кочевников, принесших с собой полихромный бирюзово-золотой стиль ювелирных изделий. Гуннские предметы найдены в вещевых комплексах алано-сарматских памятников на Среднем Днестре и Южном Буге[102].

Очевидно, что тесно связанная с аланами в этническом и военно-политическом отношениях группировка антов, вслед за ними признала верховную власть гуннов, став их военными союзниками. Готы же, напротив, тяготились зависимостью от гуннов и свою борьбу с ними начали с расправы над их союзниками. По словам Иордана, мотивом войны Винитария с антами было то, что остроготский правитель, «тяжело снося подчинение власти хуннов», стремился «понемногу вызволить себя от них»[103]. Выступление против антов было одновременно и вызовом гуннам, в ответ на который гунны начали новую войну с готами:

> ...Баламбер, король хуннов <...> повел войско на Винитария. И [они] долго сражаются, Винитарий побеждает в первом и втором сражении <...> В третьем же сражении, при помощи обмана, у реки по имени Эрак, когда оба подошли друг к другу, Баламбер, ранив пущенной стрелой в голову Винитария, убил [его]...[104]

Аланы и анты, союзники гуннов, принимали в войнах с готами самое активное участие. Насколько можно судить, именно они и должны были составлять основную массу гуннской армии. Во всяком случае в Северном Причерноморье на рубеже IV и V вв. не наблюдается сколько-нибудь значительного увеличения кочевнических памятников, а памятники, которые можно было бы связать непосредственно с гуннами, вообще весьма немногочисленны[105].

Пользуясь обычной для кочевников тактикой конной лавы, гунны применяли некоторые передовые для своего времени виды наступательного вооружения.

---

[100] Аммиан Марцеллин. Римская история. XXXI, 3, 2.

[101] Altheim Fr. Geschichte der Hunnen. Bd I. S. 348–349; Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens. S. 22–24.

[102] Щукин М. Б. 1) На рубеже эр. С. 201–224; 2) Готский путь. С. 223–224.

[103] СДПИС. Т. I. С. 113–115.

[104] Там же. С. 115.

[105] Засецкая И. Р. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху. СПб., 1994.

Главным оружием гуннов были усовершенствованные луки с костяными накладками, увеличивавшими дальность и силу выстрела и позволявшими вести прицельную стрельбу. Стрелы гуннов имели большую длину и были снабжены более мощными наконечниками, пробивавшими броню, а также специальными костяными приспособлениями, издававшими устрашающий свист во время полета[106]. Именно из такого лука и был убит король остроготов Винитарий.

Мало известное в Европе грозное гуннское оружие не было новостью для причерноморских кочевников и прежде всего алан. Композитный лук «гуннского» типа с костяными накладками и длинные стрелы (свыше 80 см) с массивными и широкими в основании наконечниками встречаются у алан, живших в низовьях Дона, начиная с I в. н. э., а к началу IV в. этот тип лука становится доминирующим, вытесняя уступавший ему в дальности и точности стрельбы лук «скифского» типа[107].

Следовательно, еще до гуннского вторжения в вооружении и боевой тактике алан и прежде всего алан-танаитов произошли соответствующие изменения, связанные с увеличением значения дальнего боя. Тем самым в тактико-техническом отношении воинские силы алан оказались готовыми к быстрой адаптации в гуннской среде и к военным действиям в составе армии гуннов.

Готы же оказались плохо подготовленными к появлению у их границ поднятых гуннами лавин конных лучников. Иордан говорит об «испуге», охватившем готов, когда они увидели «эту породу [людей], в высшей степени приспособленную к бою и грабящую многие племена»[108]. Готы были поражены не только необычным внешним видом и суровым нравом пришельцев, но и их военной выучкой, в особенности же «чрезвычайной склонностью к верховой езде» и «ловкостью в стрельбе из лука»[109].

---

[106] Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М., 2005.

[107] Нефедкин А. К. Под знаменем дракона... С. 58–59.

[108] СДПИС. Т. I. С. 113.

[109] Иордан. О происхождении и деяниях готов. С. 127–128.

Глава 9

Рождение хорватского этнополитического образования в Восточном Прикарпатье

Взаимодействие гуннов, алан и предков восточных славян в период войн с готами. — Роль славян Среднего и Верхнего Поднестровья в свержении власти готов в Восточной Европе. — Славянизация Прикарпатья и возникновение племенного объединения хорватов. — К вопросу территориальной локализации восточнославянских хорватов. — Еще раз о соотношении понятий *великая* и *белая* и формуле Константина Багрянородного «Великая Хорватия, называемая Белой».

Волна гуннского нашествия, поддержанная значительными массами алан-танаитов и, вероятно, антов, привела в движение и ту часть аланских племен, которые ранее были союзниками готов. Их роль в свержении власти Германариха проявилась не только на поле брани. Об одном таком эпизоде сохранились сведения у Иордана:

> ...неверный род Росомонов, который тогда наряду с другими выказывал покорность ему (Германариху. — *А. М.*), воспользовался следующим удобным случаем обмануть его. Ведь после того как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунихильда из названного рода за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив [лошадей] бежать в разные стороны, ее братья Сар и Аммий, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманарика. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь вследствие немощи тела[1].

Определение этнической принадлежности росомонов вызывает значительные разногласия[2]. На наш взгляд, наибольшего внимания заслуживают аргументы тех исследователей, которые доказывают их тождество с роксоланами — ираноязычным племенем, родственным аланам[3]. Иордан сообщает о выступлении «неверных» росомонов в контексте рассказа о войне Германариха с гунна-

---

[1] СДПИС. Т. I. С. 113.

[2] См.: Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / Вступ. статья, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 279–280, прим. 389; Gschwantler O. Zum Namen der Rosomonen und an Jónakr // Die Sprache. Wiesbaden, 1971. Bd XVII. Hft 2. S. 164; Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 167–168.

[3] Брун Ф. Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России // Черноморье. Одесса, 1880. Ч. 2; Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 127, 147; Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Dąbrowski K., Nagrodzka-Majchryk I., Tzyjarski E. Hunnowie europejscy, Protobulgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrocław, 1975. S. 44.

ми: заговор произошел в тот момент, когда готский король «думал о нашествии гуннов», а нездоровье вследствие тяжелого ранения Германариха явилось непосредственным поводом к нападению врагов: «Узнав об этом его нездоровье, Баламбер, король хуннов, двинул войско в край остроготов...»[4].

Имя Сар, которое носил один из братьев-заговорщиков, неоднократно упоминается в источниках в начале V в.: под этим именем выступает один из злейших врагов правившего у готов королевского рода[5]. Историки видят в нем алана, предводителя аланской дружины, действовавшей в Италии и Галлии[6]. Есть все основания идентифицировать его с Саром-росомоном, врагом Германариха, упоминающимся у Иордана[7].

Сюжет расправы с королем Германарихом братьев-заговорщиков, мстящих за свою сестру, помимо *Гетики* Иордана широко представлен в германском средневековом эпосе (здесь число братьев равняется трем)[8]. Вместе с тем этот сюжет находит неожиданные параллели в славянских и древнеармянских народных преданиях: его сопоставляют с рассказом Повести временных лет о Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди, а также рассказом о происхождении рода Мамиконянов в *Истории* Тарона Иоанна Мамиконяна[9]. В указанных сюжетах совпадает не только мотив трех братьев и сестры, но также «лебединое» имя последней. Первый элемент имени Sunihilda (Sunilda, Sunielh, Sunihil) связан с одним из германских обозначений лебедя[10].

Отмеченные совпадения также могут свидетельствовать о тесных контактах германцев, северокавказских алан и предков восточных славян, происходивших в антскую эпоху и во времена войн готов с гуннами. Название рода росомонов неоднократно сопоставлялось исследователями с этнонимом *русь*, и на этом основании высказывалась мысль о его праславянской принадлежности[11]. И хотя такое сопоставление встречает немало критических замечаний и возражений[12],

---

[4] СДПИС. Т. I. С. 113.

[5] См.: Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire (395–527). T. 2. Cambridge, 1980. P. 978 f.

[6] Maenchen-Helfen O. J. Die Welt der Hunnen. Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Wien, 1978. S. 17 f.; Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 228.

[7] Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 59.

[8] См.: Brady C. The legends of Ermanarich. Berkeley, 1943; Шаров О. В. Смерть Германариха: история и эпос // SP. 1997; Щукин М. Б. Готский путь. С. 225–229. См. также: Пріцак О. Походження Русі. Т. І. Київ, 1997. С. 242–276 и др.

[9] См.: Боровський Я. Є. Походження Києва. Київ, 1981; Анфертьев А. Н. Иордан [Комментарии] // СДПИС. Т. I. С. 156, прим. 216.

[10] Solmsen F., Fraenkel E. Indogermanichde Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte. Heidelberg, 1922. S. 162, 164.

[11] Пигулевская Н. В. 1) Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л, 1941. С. 84, 166; 2) Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952; Вернадский Г. В. Древняя Русь. С. 127; Рыбаков Б. А. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // СА. 1959. № 4; Скржинская Е. Ч. Комментарий. С. 279.

[12] Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973. С. 54–56; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 186, 225; Анфертьев А. Н.

предположение о причастности росомонов к этногенезу славян не может быть полностью отвергнуто.

По мнению О. М. Приходнюка, описанные Иорданом события войны готов с антами и гуннами происходили на территории Левобережья Среднего Поднепровья, в зоне распространения раннепеньковских памятников, связываемых с антами конца IV — начала V в.[13] Р. В. Терпиловский локализует указанные события на территории Днепровского Левобережья в зоне распространения памятников киевской культуры — генетической предшественницы пеньковской культуры, отмечая активное взаимодействие носителей киевских и черняховских древностей именно в конце IV — начале V в.[14] На Левобережье Днепра располагает «домен Винитария» и М. М. Казанский, исходя из ряда найденных здесь вещей полихромного стиля начала V в.[15]

Не вызывает сомнений, что в войнах с готами принимали самое активное участие славяне, расселившиеся на территории Восточной Европы. Еще М. С. Грушевский указывал, что в победе гуннов над готами и вытеснении последних на запад виден след славянской колонизации, происходившей из юго-восточных районов Украины — области проживания антов[16]. Большинство ученых рассматривает данные события преимущественно как межплеменной конфликт готов, гуннов и антов[17].

Взаимодействие гуннов и их ближайших союзников с частью славян Восточной Европы, вошедших в состав гуннского войска и принявших участие в походах на Запад, нашло отражение в многочисленных фактах сближения славян с гуннами, отмечающихся в ряде средневековых источников.

Подобно тому как название «Хунгария» (Венгрия) стало результатом осмысления династии венгерских королей в качестве преемников Аттилы, в славянской и европейской средневековой историографии было распространено представление (возникшее еще до появления венгров в Паннонии), что «хунгары» — это славяне[18]. «Городом гуннов» в некоторых сагах именуется балто-славянский Волин, а название гуннов распространяется на вендов-венедов[19].

Иордан [Комментарий]. С. 155. Прим. 216.

[13] Приходнюк О. М. Некоторые аспекты изучения войн между антами и готами времен Божа // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992. С. 194–195.

[14] Терпиловський Р. В. 1) Пограниччя черняхівської та київської культур // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Київ, 1999; 2) Киевская и черняховская культуры. Проблема контактов // SP. 2000. № 4.

[15] Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // SP. 1997.

[16] Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. І. Київ, 1991. С. 165–166.

[17] Rosenfeld H. Ost- und Westgoten // Welt als Geschichte. Stuttgart, 1957. Bd 17. Hft 4. S. 247–250; Wenskus R. Stammenbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln; Graz, 1961. S. 478–481; Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens (376–476). Budapest, 1969. S. 20–24; Петров В. П. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Северном Причерноморье // КСИА. 1970. Вып. 121. С. 67–73; Wolfram H. 1) Theogonie, Ethnogenese und ein kompromittierter Grossvater im Stammbaum Theoderichs des Grossen // Festschrift für Helmut Beumann. Thorbecke, 1977. S. 87–90; 2) Geschichte der Goten. München, 1979. S. 308–321.

[18] PDP. 1970. T. VIII. Cz. 2. S. 134–135; MGH. SS. T. VI. P. 362. См. также: Павинский А. Полабские славяне. СПб., 1871. С. 59.

[19] Шафарик П. Й. Славянские древности. М., 1837. Т. I, Кн. 1. С. 257–258.

Адам Бременский знал, что одним из названий Руси было «Hungard», поскольку здесь первоначально проживали гунны[20]. Эту же мысль повторяет и Гельмольд, склонный относить к славянам и предполагаемых потомков гуннов — венгров[21]. Имеется также большое число сведений о позднейшем смешении славян с гуннами, даже в XIX в. немцы именовали «гуннами» группу славян, проживавших в Швейцарии[22].

* * *

Однако в борьбе с готами принимали участие не только славяне антской группировки, локализуемые в основном в лесостепной полосе междуречья Днепра и Южного Буга. Важный вклад в свержение готского владычества должны были внести славяне — жители Среднего Поднестровья, территории будущей Галицкой земли, которых Иордан именовал венедами. На протяжении двух столетий они оказывали сопротивление готской экспансии, сохраняя свою этнокультурную и, вероятно, политическую обособленность. Однако во времена Германариха и Винитария венеды потерпели поражение и были вынуждены признать зависимость от готов.

Начавшиеся войны готов с гуннами, основную часть армии которых составляли аланы и анты, безусловно, должны были побудить поднестровских венедов к более решительным действиям. Насколько можно судить, важнейшие события гото-славянских войн разворачивались на Волыни, земли которой составляли основное ядро готской колонизации в Восточной Европе.

На исторических волынских землях найдены самые богатые в Европе клады драгоценных предметов, принадлежавших готам (римские золотые монеты и медальоны, золотые и серебряные украшения, посуда, конская упряжь и др.). Эти клады выявлены в разное время, начиная с XVI и до последних десятилетий XX в., вблизи сел Ласки, Борочицы, Браны, Сушично, Качино, Машев и др., на территории современных Волынской, Ровенской и Житомирской областей. Анализ вещевых комплексов позволяет в целом датировать их IV — первой четвертью V в.[23]

Поскольку все эти вещи принадлежат к одной эпохе и выполнены в одном стиле, можно заключить, что и сами волынские клады были сделаны примерно в одно и то же время, и их появление должно быть вызвано каким-то крупномасштабным, катастрофическим по своему характеру событием. В. В. Кропоткин полагал, что таковым явилось вторжение в Восточную Европу гуннов, произо-

---

[20] Adam Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Hannoverae; Lipsiae, 1917. P. 240.

[21] Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 33.

[22] Шафарик П. Й. Славянские древности. Т. I, Кн. 1. С. 259.

[23] Тиханова М. А. 1) Борочицкий клад // СА. 1956. Вып. 25; 2) Ласковский клад // СА. 1960. № 1; Кухаренко М. Ю. О качинской находке V в. // Древности эпохи великого переселения народов V–VI вв. М., 1982; Гарбуз Б. Б. Золотий медальйон з с. Верхівні (Ружинський район) // Археологія. 1993. № 1; Козак Д. Н. Готські скарби Волині початку раннього середньовіччя // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. [До 70-річчя В. Д. Барана]. Київ; Львів, 1999.

шедшее около 375 г.[24] Однако подобное объяснение не соответствует хронологии вещевых находок волынских кладов, которые, судя по ряду датирующих признаков, не могли возникнуть ранее 20-х годов V в. Исходя из этого, Я. Тейрал предположил, что возникновение волынских кладов связано с более поздней волной перемещения гуннов на Средний Дунай, происходившей в 420-е годы и, возможно, захватившей население некоторых смежных территорий[25].

Следует, однако, учитывать, что гунны действовали главным образом в степной части территории Украины и представляли угрозу прежде всего для готов, которые занимали земли Северного Причерноморья и Поднепровья. Военные действия, развернувшиеся на Волыни, более вероятно связывать с войнами, где главной движущей силой стали союзные гуннам и аланам славянские племена. Как справедливо полагает Д. Н. Козак, речь в первую очередь должна идти о среднеднестровской группировке славян, потомках носителей зубрицкой культуры, некогда вытесненных готами с Волыни и упорно сопротивлявшихся их дальнейшей экспансии[26].

Не случайно именно район Поднестровья стал ареной решающего сражения гуннов с готами, описанного у Иордана. Готский историк сообщает, что окончательную победу над остроготами Винитария гуннские войска одержали «у реки по имени Эрак». Локализация этой загадочной реки, упоминающейся только в сочинении Иордана, вызывает большие разногласия. Одни исследователи отождествляют *Эрак* (Erac) с рекой *Эракс* (Ἔραξ), упоминающейся у Константина Багрянородного[27]. Она, в свою очередь, сопоставляется с Араксом или Фасисом (Рионом). Получается, что готы были окончательно разбиты где-то в Закавказье[28].

Сознавая несоответствие такой локализации имеющимся данным о местах проживания готов в Северном Причерноморье, некоторые исследователи предлагали видеть в реке Эрак Днепр[29]. Однако Днепр, как известно, фигурирует у Иордана под другим названием — *Данапр* или *Великий Данапр* (Danaper, magnus Danaper)[30]. Трудно предположить, чтобы готский автор мог спутать Днепр с какой-то другой, малоизвестной рекой или употребить для его обозначения какое-то новое, малоизвестное название.

Для более адекватной локализации реки Эрак важное значение, как представляется, имеют данные позднеантичной географической традиции. В Геогра-

---

[24] Кропоткин В. В. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. С. 215.

[25] Tejral J. Mahren im 5. Jahrhundert. Praha, 1973. S. 13, 14, 16–18, Abb. 10.

[26] Козак Д. Н. Готські скарби Волині... С. 91. См. также: Козак Д. Н. 1) Взаємовідносини слов'ян і германців на території України в першій половині I тис. н. е. // Археологія. 1993. № 1. С. 34–35; 2) До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. // Старожитності Русі — України. [До 70-річчя М. Ю. Брайчевського]. Київ, 1994. С. 35–36.

[27] ОУИ. С. 200–203.

[28] Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959. Bd I. S. 76 f, 351; Wolfram H. 1) Geschichte der Goten. S. 314; 2) Готы. С. 360.

[29] Скржинская Е. Ч. Комментарии. С. 323. Прим. 314; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 191.

[30] СДПИС. Т. I. С. 106, 107.

фическом руководстве Клавдия Птолемея отмечена группа населенных пунктов, располагавшихся «за рекой Тирас в сторону (к) Дакии», самым южным из которых назван город *Эракт* (Ηρακτον)[31]. Данное название также может быть сопоставлено с Erac Иордана. Для этого имеется не меньше оснований, чем для сопоставления с 'Ερᾳξ Константина Багрянородного. По времени своего создания труд Птолемея ближе к эпохе, описываемой Иорданом, чем сочинение византийского императора. Упоминающийся у Птолемея город Эракт мог получить свое название от одноименной реки, протекавшей где-то поблизости от Днестра (Тираса) точно так же, как и расположенный неподалеку город Тира получил свое название от реки Тира (Тирас)[32].

Ф. А. Браун локализовал город Эракт на Тилигуле у Ананьева[33]. Исходя из этого, Н. Жупанич и Г. В. Вернадский отождествили реку Эрак Иордана с Тилигулом[34]. Однако, по данным новейших исследований, город Эракт правильнее располагать на правом берегу Днестра несколько севернее впадения в него р. Реут[35]. Здесь открыто несколько поселений поянешты-лукашевской культуры, связываемых исследователями с германским племенем бастарнов[36].

Если одно из бастарнских поселений в устье р. Реут действительно носило название Эракт, то ничто не мешает предположить, что и сама эта река носила подобное название. Сменившие бастарнов готы вполне могли воспользоваться гидронимикой, оставленной родственным этносом.

Решающая битва в Приднестровье, в которой славяно-аланские войска, действовавшие в составе армии гуннов, нанесли окончательное поражение готам и вынудили их покинуть территорию Восточной Европы, безусловно, стала переломным событием в истории славян Приднестровского региона. Борьба с общим врагом должна была способствовать дальнейшей консолидации славянского населения Верхнего и Среднего Поднестровья, а в период решающих военных столкновений и побед должны были выдвинуться авторитетные военные предводители, сформироваться новая военно-политическая элита взамен прежней, уничтоженной готами.

Следует учитывать, что консолидация славянских племен на юге Восточной Европы в описываемое время в целом происходила при мощном мобилизующем влиянии алан и гуннов, а приднестровские славяне добились свержения готского ига, только действуя в составе гуннской армии, в тех ее частях, где главной ударной силой, по всей видимости, были боевые дружины алан-танаитов. При

---

[31] Шелов-Коведяев Ф. В. Древнегреческие периплы. Перипл обитаемого моря Скилака Кариандского // ВДИ. 1988. № 2. С. 133.

[32] Об этом прямо говорит Плиний Старший, упоминая «славную реку Тиру, по имени которой назывался город (Тира. — *А. М.*), прежде называвшийся Офиуссой» (Plin., NH. IV, 82)

[33] Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений. Т. I. СПб., 1899. С. 206.

[34] Županić N. Prvi nosilci etničkich imen Srb, Hrvat, Čech s Ant // Et. 1928. T. 2. S. 79 n.; Вернадский Г. В. Древняя Русь. С. 148.

[35] Зубарев В. Г. 1) Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 63; 2) Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 165–166.

[36] Каспарова К. В., Максимов Е. В. Культура Поянешти — Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. М., 1993. С. 86, 94.

таких обстоятельствах нетрудно предположить, что славянское население Приднестровско-Карпатского региона подобно славянам в составе антской группировки могло испытать сильное политическое влияние алан и на какое-то время оказаться под властью аланских вождей, бывших, по-видимому, также гуннскими наместниками.

* * *

Иранское по происхождению имя хорватов, распространенное в первых веках нашей эры, как мы видели, в среде алан-танаитов, в период войн с готами вышло за пределы своего первоначального ареала и достигло того региона, где была одержана решающая победа союзных алано-славянских сил над готами, — региона Поднестровья. Часть приднестровских славян приняла название хорватов, вероятно, от имени одного из аланских родов, занимавшего высокое положение в группировке антов и сыгравшего ключевую роль в разгроме готов.

В литературе неоднократно высказывалось предположение об аланском происхождении хорватов, как и их ближайших родственников — сербов, под напором гуннов достигших районов Прикарпатья[37]. Многочисленные следы пребывания алан в Прикарпатском регионе и в особенности в Восточном Прикарпатье отмечаются в материалах местной топонимики. Эти факты уже давно привлекают внимание исследователей, рассматривающих их в связи с изучением вопросов этногенеза и ранней истории хорватов[38]. Из Восточно-Карпатского региона происходят и некоторые археологические находки, датируемые V, а, возможно, и концом IV в., относящиеся к материальной культуре алан[39].

Мы уже отмечали засвидетельствованную в источниках особую способность алан к передаче своей этнонимики другим народам, признававшим над собой их власть или вступавших с ними в союзнические отношения[40]. Подобное влияние испытали на себе и славяне. Об этом можно судить по зафиксированным в источниках именам антских вождей, относящимся к той эпохе, когда анты уже воспринимались как безусловно славянское племенное образование. Во многих случаях антские имена имеют иранское происхождение, как, например, *Ардагаст* (Ἀρδάγαστος)[41], *Пейрагаст, Пирагаст* (Πειράγαστος, Πειρόγαστος, Πηράγαστος)[42], *Келагаст* (Κελαγάστ-)[43]. Вторая часть этих составных имен — *гаст* — также известна как отдельное имя из керченских надписей — *Гастейс*

---

[37] Czekanowski J. Wstęp do historii Słowian. Warszawa, 1953. S. 173, 187, 194, 205, 247, 252, 338; Vernadsky G. Das frühe Slawentum // Historia Mundi. Bern, 1956. T. V. S. 264 ff.; Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski // RP. 1968. T. 12. S. 62. См. также: Sulimirski T. Sarmaci w Polsce. XII // RPTNO. R. 1961–1962.

[38] Kucharski E. Żywioł alański (jaski) w Karpatach Wschodnich. Warszawa, 1938; Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy Wschodniej X–XVII w. Warszawa, 1965. S. 43 n.

[39] Kunysz A. Grodziska w województwie Rzeszowskim // MSROA. R. 1966. S. 52–53; Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski. S. 69.

[40] См. с. 138–139 настоящей работы.

[41] СДПИС. Т. II. С. 14, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 254, 255, 256, 257.

[42] Там же. С. 34, 35, 59, 60, 262, 263.

[43] Там же. Т. I. С. 316, 317, 332–336.

(Γάστεις)[44]. Оно может быть иранским, франкским, кельтским или славянским, но факт его использования в Боспорском царстве показывает, что, скорее всего, оно было освоено иранцами[45].

Какое-то время представители аланского рода Хорватов, по-видимому, властвовали на приднестровских славянских землях. Для легитимизации своей власти они могли вступить в родственные отношения с местной славянской знатью. Имя хорватов для славян приобрело особое сакральное значение ввиду того, что связывалось с победой над готами и освобождением от готского ига. Возможно, правы и те исследователи, которые считают, что славянский этноним «хорваты» мог произойти не только от личного или родового имени алан, но и от некоего социального термина, обозначавшего военную дружину вождя по имени Хорват, называемую «людьми Хорвата» или «хорватами»; сама же эта дружина могла быть смешанной по этническому составу и включать в себя как алан, так и славян[46].

Двигаясь в авангарде гуннской армии, аланы-танаиты и часть союзных им славян в скором времени достигли районов Прикарпатья. Вместе с ними стала продвигаться на запад и хорватская этно- и топонимика. Как полагает Г. Ловмяньский, возникновение хорватского этнополитического образования на землях исторической Малой Польши могло произойти в эпоху расцвета гуннской державы в правление Аттилы. В это время, очевидно, и была установлена власть гуннов в Прикарпатском регионе. Но время их правления оказалось недолгим. Оно не могло продолжаться после поражения гуннов на р. Недао и, таким образом, приходится на 434–454 гг.[47] Е. З. Гачиньский еще более суживает период владычества гуннов в Малой Польше, которое, по его мнению, могло установиться только после 445 г., когда Аттила стал единовластным правителем, и едва ли удержалось после поражения гуннов на Каталаунских полях в 451 г.[48]

Археологические следы пребывания гуннов на землях Силезии и Малой Польши в материалах погребений датируются временем, начиная примерно со второй четверти V в.[49] Среди таких погребений особенно выделяется захоронение в Якушовицах (повят Казимира Великого), в котором, по мнению Г. Ловмяньского, похоронен правитель, выполнявший функции наместника, возглавлявшего созданную гуннами администрацию. О его правительственном статусе свидетельствуют золотые знаки-инсигнии, символизирующие политическую власть, но при этом серебряные (вместо требуемых в таких случаях золотых) украшения коня, похороненного вместе с хозяином, по мнению исследователей, указывают на зависимость от некой высшей власти[50].

---

[44] Vasmer M. Iranier. S. 37. — См. также: КБН. Указатели. С. 859.

[45] Вернадский Г. В. Древняя Русь. С. 174–175.

[46] Lehr-Spławiński T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich // PS. 1951. T. 2. S. 111; Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski. S. 63.

[47] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. Warszawa, 1964. S. 273.

[48] Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski. S. 64.

[49] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 273–275 nn.; Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K. Pradzieje Polski. Warszawa, 1965. S. 296, 301; Kunysz A. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w dawnej Ziemi Sanockiej ze szczególnym uwzględnieniem Sanoka w świetle źródeł archeologicznych // RWR. 1960/61. T. 3. S. 70, ryc. 9.

[50] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 279; Gaczyński J. Z. Zarys dziejów plemiennych Małopolski. S. 64.

Проникновению хорватов на земли к северу от Карпат должно было предшествовать освоение ими Восточного Прикарпатья.

Иначе представляет дело Г. Ловмяньский. По его мнению, хорватская экспансия в прикарпатских землях развивалась в обратном порядке: сначала хорваты укоренились в Верхнем Повисленье, а затем часть их переселилась оттуда в район Верхнего Днестра. От этих переселенцев, прибывших из Малой Польши и давших свое имя приднестровским славянам, и происходят, по мысли Г. Ловмяньского, «русские» хорваты, известные по Повести временных лет[51].

Такое предположение, однако, не имеет практически никакой опоры в источниках и поддерживается только общими представлениями самого автора в отношении хорватского расселения. Строго говоря, для локализации хорватов в районе Верхней Вислы уже в V в. вообще нет никаких данных, и в этом отношении не менее основательными выглядят попытки отыскать древнейшие следы прикарпатских хорватов, например, в бассейне Сана[52].

Но «сдвигая» прародину хорватов на запад и располагая ее на территории Малой Польши, Г. Ловмяньский не учитывает того, что данные Константина Багрянородного о Великой Хорватии — исторической прародины хорватов — менее всего соответствуют такой локализации. Как мы уже видели, эти данные, согласующиеся с показаниями других источников, прежде всего, отвечают области Восточного Прикарпатья[53]. Что же касается Малой Польши, то ее жители, на протяжении веков сохранявшие память о своем происхождении от древних хорватов, идентифицировали себя с *белыми*, т. е. *западными* хорватами[54]. Этноним «белые хорваты», как и хороним «Белая Хорватия», мог возникнуть только в результате освоения хорватами новых территорий к западу от места их первоначального проживания, и тем самым ни один, ни другой не могут идентифицироваться с областью хорватской прародины.

Возникновение хорватского массива в Восточном Прикарпатье совпадает с освоением этого региона славянами, которое также находится в связи с миграционными потоками, вызванными движением гуннов. Славянская колонизация районов Восточного Прикарпатья начинается, по всей видимости, в конце IV в. Из районов Верхнего Днестра славяне устремляются на соседние прикарпатские земли, где жили племена культуры карпатских курганов.

Это была полиэтничная культура, основу которой составляло дакийское население, часто отождествляемое с известными по античным источникам племенами *карпов*. Хронологически культура карпатских курганов охватывает период конца II — первой половины V в.; памятники ее открыты на территории к северу и востоку от Карпат, а также в Закарпатье они занимают верховья Тисы, Сирета, Прута и Днестра[55].

---

[51] Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 112, 200, 411; T. III. Warszawa, 1967. S. 68–69.

[52] Persowski Fr. Srudia nad pograniczem polsko-ruskim w X–XI w. Wrocław etc., 1961. S. 62; Kunysz A. Osadnictwo wcześnosredniowieczne... S. 91.

[53] См. гл. 4 настоящей работы.

[54] Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji // PS. R. 1986/1987. T. 36/37. S. 248.

[55] Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини І тисячоліття нашої ери. Київ, 1960; Вакуленко Л. В. 1) Поселення культури карпатських курганів // Дослідження з

На протяжении V–VI вв. ареал культуры карпатских курганов постепенно становится славянским, т. е. в нем начинают преобладать памятники с характерными славянскими признаками, ранее встречавшиеся на Верхнем и Среднем Днестре[56]. Кроме того, славянские памятники, датируемые концом IV–V вв., в значительном количестве зафиксированы на территории Словакии (пршевский тип), Моравии (злеховский тип) и Дунайской Сербии[57]. Их появление, как представляется, также должно находиться в связи с начавшимся после разгрома готов расселением славянских племен из районов Восточного Прикарпатья, возглавляемого гуннами и аланами.

Носители культуры карпатских курганов непосредственно граничили с верхнеднестровской группировкой населения черняховской культуры. Граница между ними, собственно говоря, и проходила по Днестру в его верхнем течении[58].

По имеющимся археологическим данным, первыми в Восточном Прикарпатье славянское влияние испытали земли в бассейне Верхнего Прута. Здесь на ряде поселений культуры карпатских курганов (Кодын II, Гореча, Рогозна — под Черновцами) найдены отдельные славянские памятники с характерным типом жилища — подквадратными полуземлянками с печами-каменками[59]. Целые славянские поселения, датируемые по найденным на них фибулам, возникают в Попрутье в V в. (Кодын, Ботошаны I)[60]. На Пруте и Сирете выделяется значительная группа памятников V–VI вв. типа Костиш — Ботошаны, постепенно спускающихся к Дунаю и охватывающих не только территорию Молдавии, но и другие регионы вдоль восточной дуги Карпат. Для них также характерны полуземляночные подквадратные жилища с печами-каменками, а

слов'яно-руської археології. Київ, 1976; 2) Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н. е. Київ, 1977; 3) Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004; Симонович Э. А. Культура карпатских курганов и ее роль в этногенезе славян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978; Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття VI–XIII ст. Київ, 1980. С. 162–165; Русанова И. П. Культура карпатских курганов // Славяне и их соседи...

[56] Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын — славянские поселения V–VIII вв. на р. Прут. М., 1984; Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Походження слов'ян. Київ, 1991. С. 57; Русанова И. П. Культура карпатских курганов. С. 181.

[57] Tejral J. 1) Die donauländische Variante der Drehscheibenkeramik mit eingegelätteter Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur // VPS. 1972. T. 7; 2) Fremde Einflüße und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungzeit // AB. 1986. T. 7; 3) Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungzeit im mittleren Donauraum // AAus. 1988. Bd 72; 4) Do otarzce pozdne rimskych zidlist Zlechovskego Typu // AMM. 1989. T. 74. S. 77–87. См. также: Poulik J., Chropovský B. Großmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 90–101; Баран В. Д. Східнокарпатський регіон у V–VII ст. н. е. // ЕЕІНУК. Т. І. С. 299; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 228.

[58] Вакуленко Л. В. Населення Східних Карпат в пізньоримський час // ЕЕІНУК. Т. І. С. 258.

[59] Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст.. Київ, 1976. С. 31–36.

[60] См.: Русанова И. П., Тимощук Б. А. Кодын...

их керамические комплексы аналогичны посуде славянских поселений Поднестровья гуннского времени[61].

Следовательно, продвижение славян по территории, которую занимало население культуры карпатских курганов, происходило в направлении с востока на запад и юго-запад.

Для изучения этногенеза славян большое значение имеет открытие в последнее время в лесостепной полосе Восточной Европы материальных памятников V в., раскрывающих закономерности перехода от культур позднеримского времени к славянским древностям раннего средневековья. Среди них выделяется группа памятников в районе Среднего и Верхнего Поднестровья и верховьев Прута, генетически связанная со славянской частью черняховских древностей типа Бовшева, восходящих, в свою очередь, к позднезарубинецкой и зубрицкой культурам[62].

Только после ухода под ударами гуннов готских племен, а с ними и сармато-алан в Подунавье и далее на Запад славяне становятся основной силой лесостепной части Восточной Европы. В это время, начиная с V в., в полной мере проявляется их самобытная материальная культура.

Процессы, приведшие к смене на территории Украины полиэтничной черняховской культуры достоверно славянской культурой пражского типа, завершились уже в середине V в., в то время как на территории Польши смена пшеворской культуры на дзедзицкую наблюдается лишь в начале VI в. К тому же этот процесс в междуречье Вислы и Одера происходил под влиянием населения пражской культуры, которое, продвигаясь из районов Восточного Прикарпатья, в указанное время достигло пределов Юго-Восточной Польши[63]. И хотя теоретически условия для появления здесь раннесредневековых славянских поселений существовали уже во второй половине V — начале VI в., четко выраженных комплексов пражско-корчакской культуры, которые можно было бы датировать временем ранее VI в., в указанных районах не зафиксировано[64].

Расселение славян в Прикарпатском регионе происходило в период, начало которому положили победа в войнах с готами и освобождение славян Восточной Европы от готского владычества, в чем, как мы видели, важнейшую роль сыграл союз славян с аланами и гуннами. Вполне естественным выглядит предположение о том, что начавшаяся вскоре экспансия славян на запад и освоение ими зе-

---

[61] Teodor D. Gh. 1) La pénétration des Slaves dans les régions du S-E de l'Europe d'après les données archéologiques des régions orientales de la Roumanie // BS. 1974. T. I. P. 29–42; 2) Conceptul de cultură «Costişa-Botoşana». Consideraţii privind continuitatea populaţiei autohtone la est de Carpaţi in secolele V–VII e. n. // SAA. 1983. T. I. P. 215–225; 3) Civilizaţia romanică la est de Carpaţi in secolele V–VII e. n. Aşezarea de la Botoşana-Suceava. Bucureşt, 1984. P. 31–32; 4) Slavii la nordul Dunării de Jos in secolele VI–VII d. Hr. // AM. 1994. T. 17. — См. также: Баран В. Д. Східнокарпатський регіон... С. 299; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 312.

[62] Баран В. Д. Східнокарпатський регіон... С. 289.

[63] Баран В. Д. 1) Давні слов'яни. Київ, 1998. С. 44–46; 2) Східнокарпатський регіон... С. 290; 3) Проблема походження ранньосередньовічних слов'янських культур в археологічній літературі // Давня історія України: У 3 т. Київ, 2000. Т. 3. С. 81.

[64] Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczasnosłowianskiej w Polsce. Kraków, 1988. S. 102–106.

мель Прикарпатья также должны были происходить в союзе с аланами и, вероятно, под предводительством аланских вождей.

В ходе этих победоносных действий рождалось и крепло новое этнополитическое алано-славянское образование в Восточном Прикарпатье, получившее название хорватов. Славяне в нем, безусловно, составляли этническое большинство. Но военно-политическая элита в новом образовании имела, очевидно, смешанный характер с некоторым преобладанием на первых порах иранского (алано-сарматского) компонента.

* * *

Как полагает О. Н. Трубачев, индоиранский компонент, известный античным авторам под именем servi sarmatorum, вошел в праславянский мир, вероятно, со стороны Южного Побужья[65]. Область славянизации другого сарматского компонента, носившего имя хорватов, на наш взгляд, также поддается определению.

Не вызывает сомнений тот факт, что известные по историческим, археологическим и этнолингвистическим данным раннесредневековые хорватские образования в Восточной и Центральной Европе, а также на Балканах возникли вследствие миграции древнего племени хорватов и были свидетельствами процесса хорватского расселения, фиксирующими его основные этапы и рубежи[66]. С древним племенным образованием хорватов, сложившимся на начальных этапах Великого славянского расселения, генетически связаны восточнославянские хорваты как одно из ответвлений праславянского хорватского этноса[67].

Вопрос территориальной локализации восточнославянских хорватов, впервые упомянутых Повестью временных лет во времена правления киевского князя Олега, иногда вызывает разногласия у исследователей. Высказывалось мнение о тождестве этих хорватов с белыми хорватами, проживавшими в верховьях Вислы[68]. Предпринимались попытки доказать соседство хорватов с вятичами и разместить область их проживания в верховьях Дона и Северского Донца[69]. Од-

---

[65] Трубачев О. Н. Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // ВДИ. 1978. № 4. С. 41–42.

[66] См.: Рački Fr. Biela Hrvatska i biela Srbija // RJAZU. 1880. T. 52. S. 188; Niederle L. Slovanské starožitnosti. Praha, 1924. D. IV. S. 155; Dvornik Fr. 1) The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 273 n., 292 n.; 2) The Slavs, their early history and civilization. Boston, 1956. P. 26–28; Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949. Rozdz. V; Grafenauer B. Nekoj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // ZČ. 1950. T. 4; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 181, 406–417.

[67] Тимощук Б. О. 1) Слов'янські гради Північної Буковини. Ужгород, 1975. С. 99; 2) Східні хорвати // МДАПВ. 1995. Вип. 6; Баран В. Д. Слов'яни у VIII–IX ст. // Давня історія України. Київ, 2000. Т. 3. С. 102; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 484.

[68] Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik Kralja Tomislava. Zagreb, 1925. S. 88 sl.

[69] Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich // AAC. 1971. T. 12. F. 1–2. S. 179–185; Labuda G. Polska, Czechy, Rus' i kraj Lędzian w drugiej polowie X wieku // Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 193–200; Parczewski M. 1) Początki kształtowania się polsko-ruskiej rubieżu etnicznej w Karpatach. Kraków, 1991. S. 37 n.; 2) Początki sąsiedztwa polsko-rusko-słowackiego w świetle danych archeologicznych // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu. Rzeszów, 1996. S. 75; Fokt K. Zagadka

нако наиболее основательным представляется вывод о том, что летописные хорваты проживали в районах Восточного Прикарпатья, Верхнего Попрутья и Поднестровья[70].

В пользу такой локализации восточных хорватов свидетельствуют прежде всего данные письменных источников. По сообщению Повести временных лет, в 992 г. военный поход против хорватов совершил киевский князь Владимир Святославич[71]. Вероятно, об этом же походе Владимира сообщают Хильдесхеймские анналы (20–30-е годы XI в.), где под тем же 992 г. помещено известие о том, что новый польский князь Болеслав (будущий Болеслав Храбрый) не смог придти на помощь германскому императору Оттону III, осаждавшему Бранибор (Бранденбург), поскольку в этот момент польскому князю «угрожала большая война с Русью»[72]. Отдельные обстоятельства русско-польских отношений 90-х годов X в. по-разному оцениваются исследователями, однако все они сходятся на том, что упомянутую угрозу для Польского государства представлял именно поход Владимира на хорватов, и, следовательно, хорва-

---

plemion znad Bugu, Sanu, Dniestru i Styru // PH. 2004. T. 95. Z. 4. S. 449–450.

[70] Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. Рис. 47; Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 9; Paszkiewicz H. Początki Rusi. Kraków, 1996. S. 394–396; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 157–158, 180–181; Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 78; Смішко М. Ю. 1) Археологічні дослідження в західних областях України за роки радянської влади // МДАПВ. 1959. Вип. 2. С. 22; 2) Карпатські кургани… С. 150–152; Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 69; Persowski Fr. Srudia nad pograniczem polsko-ruskim… S. 54–62; Исаевич Я. Д. Червенские грады и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало X вв.) // Исследования по истории славянских и балканских народов. М., 1972. С. 119, passim; Szymański W. Słowiańszczyzna wschodnia. Wrosław, 1973. S. 37; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 237; Смиленко А. Т. Этнокультурная карта Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 32; Тимощук Б. О. 1) Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. С. 138–139; 2) Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995. С. 168; Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття… С. 163–164; Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 126; Аулiх В. В. Населення південно-західного пограниччя Київської Русі (З історії Галицької землі V–X ст..) // Київська Русь: культура, традиції. Київ, 1982. С. 7–8; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 315; Баран В. Д. Давні слов'яни. С. 125–126; Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2003. С. 73; Котляр М. Ф. Галицько-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 23–24, 253; Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce. Poznań etc., 1990. S. 240; Залізняк Л. Нарис стародавньої історії України. Київ, 1994. С. 128; Makarski W. Pogranicze polsko-ruskie do połowy wieku XIV. Studium językowo-etniczne. Lublin, 1996. Passim; Михайлина Л. П. Населення Верхнього Попруття VIII–X ст. Чернівці, 1997. С. 105–118; Оприск В. Г. До питання про етнічну історію Східних Карпат X–XIII ст. // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie… S. 97–99; Войтович Л. В. 1) Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // УЦСЄ. 2004. Вип. 4; 2) Карпатские хорваты // ВСПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 1; Приходнюк О. М. Східні Карпати у VIII–IX ст. // ЕЕІУК. Т. І. С. 340; Моця О. П. Карпати у X–XIV століттях // Там же. С. 354, 360; Овчинников О. Східні хорвати на карті Європи // АС. 2000. Вип. 1.

[71] ПВЛ. С. 54.

[72] MGH. SS. 1878. T. VIII. P. 25. См. также: Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия. IX — первая половина XII в. / Сост., пер. и комм. М. Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 111.

ты проживали в непосредственной близости от русско-польской границы[73].

О расселении хорватов по течению Прута можно судить по данным персидского анонимного географического трактата последней четверти X в. «Пределы мира от востока к западу» (Худуд ал-'алам мин ал-машрик ила-л-магриб). Повествуя о правителе Великой Моравии князе Святоплуке, этот источник указывает, что его столица — город *Хордаб* (Hurdab, Hurbad), стоящий на реке *Рута* (Rūtā, Rutha), которая, вытекая с горы, расположенной на границе печенегов, венгров и русов, через край русов течет в край славян[74]. В других арабских и персидских источниках X — начала XII в. этот славянский город упоминается в форме *Джарваб* — у Ибн Русте (начало X в.)[75], *Джарват* — у Гардизи (середина XI в.)[76], *Хадрат* (*Хорват*?) — у ал-Марвази (конец XI — начало XII в.)[77]. Сопоставив указанные варианты, историки склоняются к давно высказанному мнению, что все они есть не что иное, как искаженное *Хорват*, H(o)rwat[78].

Значительные разногласия вызывает вопрос локализации упомянутой в персидском источнике реки Рута. Графическая форма написания этого названия допускает возможность его соотнесения с одним из вариантов написания названия Дуная[79]. Высказывалось также предположение о возможном соответствии названий Rūtā (*Рута*) и Ūqā (*Ока*)[80]. Более перспективным в данном случае все же следует признать поиск фонетического соответствия названия «Рута». И таким наиболее убедительным соответствием может быть название «Прут». Исторический анализ сообщений «Худут ал-'алам», содержащих упоминания о Руте, дает дополнительные основания в пользу данного решения. Река Прут вытекает из района Карпат, который и был в конце X в. границей между венграми, печенегами и Русью[81]. В районе верхнего течения Прута открыта густая сеть селищ и

---

[73] См.: Paszkiewicz H. Początki Rusi. Rozdz. IV; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 101–102; Свердлов М. Б. Известия немецких источников о русско-польских отношениях конца X — начала XII в. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 147; Wasilewski T. Dulebowie — Lędzianie — Chorwaci: Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // PH. 1976. T. 67. № 2; Головко А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 13–14; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 359.

[74] Hudud al'-Alam. «The Regions of the World». A Persian Geography circa 372 A. H.–982 A. D. / Transl. and expl. by V. Minorsky; With the preface by V. V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937. P. 67, 76, 159. См. также: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 389, 399.

[75] Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 388.

[76] Там же. С. 390.

[77] Там же. С. 391.

[78] Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 266; Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jh. Leipzig, 1903. S. 471; Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów w opisie Al-Masudiego // SCP. 1948. Styczeń — grudzień. S. 30; Новосельцев А. П. Восточные источники... С. 394.

[79] Hudud al'-Alam. P. 5, 430; Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów... S. 30, prz. 6.

[80] Hudud al'-Alam. P. 217. См. также: Labuda G. Polska, Czechy, Rus' i kraj Lędzian...

[81] Havlik L. Územni rozsah Velkomoravske říše // SSt. 1960. T. 3. S. 42; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 157–158.

городищ IX–X вв., относимых исследователями к хорватским[82]. А через район Перемышля и Карпат арабские купцы в указанное время достигали Моравии[83].

О проживании восточнославянского племенного союза хорватов в Прикарпатском регионе можно судить также на основании рассмотренных нами выше данных польского хрониста Винцентия Кадлубка, локализующего хорватов во времена правления Болеслава Храброго, т. е. на рубеже X — XI вв., как соседей венгров и печенегов[84].

* * *

Анализ свидетельств письменных источников и данных исторической географии, дает основания для локализации одного из главных массивов восточнославянских хорватов на Верхнем Днестре[85]. Бассейн Днестра выступает восточным рубежом распространения хорватской топонимики, т. е. названий, связываемых с этнонимом *хорваты*[86]. По данным археологии, восточная граница расселения хорватов VIII–X вв. также не выходила за пределы бассейна Верхнего Днестра[87].

Поскольку хорватское продвижение на протяжении нескольких веков происходило в одном и том же направлении — с востока на запад и юго-запад, — а достоверных случаев перемещения в обратную сторону не зафиксировано, можно заключить, что восточный рубеж распространения хорватских древностей, надежно связываемых со славянами, и есть рубеж славянизации хорватов. Можно полностью согласиться с Ф. Дворником, полагавшим, что славянизация аланского рода (или племени) хорватов произошла еще до появления хорватов в Центральной Европе, т. е. во время их пребывания на территории современной Украины, из пределов которой и развернулась дальнейшая экспансия хорватов, сумевших организовать славян на широком пространстве между Днестром и Эльбой[88].

Этот факт может стать важной опорой в определении территории прародины хорватов-славян. Материал, рассмотренный нами в предыдущих главах, показывает, что упоминаемая Константином Багрянородным Великая Хорватия — страна, откуда происходило переселение хорватов на Балканы, должна была располагаться в Прикарпатском регионе. Ее земли были доступны нападениям печенегов, отсюда начинался тридцатидневный путь к Черному морю; вблизи

---

[82] Войтович Л. В. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи... С. 121.

[83] Крюков В. Чи знали арабські автори IX–X ст. про Карпати і карпатських слов'ян? // УМ. 1993. Вип. IV.

[84] См. с. 71–73 настоящей работы.

[85] Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 71; Paszkiewicz H. Początki Rusi. S. 394–396; Persowski Fr. Srudia nad pograniczem polsko-ruskim... S. 62; Тимощук Б. О. Східні хорвати.

[86] Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. С. 94–95; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 198–199.

[87] Седов В. В. Восточные славяне... С. 125–127, карта 18; Тимощук Б. А. Восточные славяне... С. 173.

[88] Dvornik Fr. The Making of Central and Eastern Europe. P. 13, 280.

Карпат в конце IX — начале X в. пролегала граница, отделявшая хорватов от венгров, достигших к тому времени Дунайской низменности[89]. Совершенно очевидно, что речь в данном случае должна идти прежде всего о районах Восточного Прикарпатья, а также бассейне Верхнего Днестра.

Некоторые исследователи включают в состав Великой Хорватии также территории, располагавшиеся к северу от Карпат, на широком пространстве от Нейсе и верховьев Эльбы на западе и до Буга, верховьев Прута и Сирета на востоке. Тем самым область хорватской прародины помещается на территории современной Чехии, Польши и Западной Украины[90].

Наряду с этой расширенной локализацией предлагаются варианты размещения территории древней Хорватии в более узких границах, продвигаемых дальше на запад. Иногда Великую Хорватию располагают в районе между Северо-Восточной Богемией и Верхней Вислой, при этом ее территориальным ядром считают земли исторической Малой Польши[91]. Выдвигаются также аргументы в пользу размещения Великой Хорватии в еще более западных областях Центральной Европы — в пределах Северо-Восточной Чехии[92].

В результате подобной локализации не только полностью игнорируются данные источников о непосредственной связи прародины хорватов с районами Восточного Прикарпатья и Верхнего Поднестровья, путях миграции и славяни-

---

[89] См. главу 4 настоящей работы.

[90] Hauptmann Lj. 1) Dolazak Hrvata. S. 88–120; 2) Das Regensburger Priwileg von 1086 für das Bistum Prag // MIfÖG. 1954. T. 62. S. 147; Županić N. Prvobitni Hrvati // Zbornik Kralja Tomislava; Hrubý V. Původni hranice biskupstvi pražského a hranice říše české v 10 století // ČMM. 1926. T. 50. S. 95 n.; Rus J. Slovanstvo in visliarski Hrvatje 6. do 10. stoletje // Et. 1933. T. 6; Vernadsky G. Great Moravia and White Chorvatia // JAOS. 1945. Vol. LXV. T. 3. P. 257–259; Jamka J. Uwagi o badaniach lingwistycznych nad przeszłością Słowian w świetle archeologii protohistorycznej // PS. 1952. T. 3. S. 34; Оболенский Д. Византийское содружество наций. С. 69; Mandić D. Hrvati i Srbi dva stara različita naroda. München, 1971. S. 13 f.; Vlahović P. Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their anthropological conformation // ES. Bratislava, 1972. T. 4. P. 25–41; Váňa Z. The World of the Ancient Slavs. London; Praha, 1983; Bechcicki J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji. S. 247–249; Войтович Л. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Львів, 1998. T. I. C. 62.

[91] Ильинский Г. Белая Хорватия // SO. 1930. T. 9; Lewicki T. Państwo Wiślan-Chorwatów... S. 24–34; Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. 1952. G. 5. S. 34–37; Historija naroda Jugoslavia. Zagreb, 1953. S. 91; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. S. 130–200; Skowronek J., Tanty M., Wasilewski T. Historia Słowian południowych i zachodnich. Warszawa, 1977. S. 23; Kronsteiner O. Gab es unter den Alpenslawen eine kroatische ethnische Gruppe? // WSJ. 1978. Bd 24. S. 141; Fine J. V. A. Jr. The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sexth to the Late Twelfth Century. Ann Arbor, 1983. S. 56–57; Repeta J. Przegląd badań nad etnogenezą Łemków // Wierchy. 1993. T. 57. S. 194–195. См. также: DAI. P. 116; ОУИ. С. 370. Прим. 14; С. 375. Прим. 1; BIN. S. 161. Anm. 326.

[92] Widajewicz J. 1) Państwo Wiślan. Kraków, 1947. S. 13–30; 2) Pierwotne dzieje Polski // PZ. 1952. № 11–12. S. 374–380; Labuda G. 1) Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. S. 194 n.; 2) Polska, Czechy, Rus' i kraj Lędzian... S. 193; Lehr-Spławiński T. Zagadnienie Chorwatów nadwiślańskich; Turek R. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen. Praha, 1957. Passim, Mape 3; Havlik L. Tři kapitoly z najstaršich česko-polských vztahú // SHS. 1961. T. 4. S. 17–26; Nalepa J. Łemkowie, Wołosi i Biali Chorwaci. Uwagi dotychçace kwestii genezy osadnictwa Ruskiego na Polskim Podkarpaciu // AAC. 1997–1998. T. 34. S. 163–165.

зации хорватов в Восточной Европе, но также не учитывается в должной мере историческая семантика хоронима «Великая Хорватия». Предикат *Великая* в данном случае выступает в значении «старая, древняя, первоначальная» и ввиду этого не может толковаться в смысле величины этнической территории, освоенной хорватами в процессе расселения. Обозначение «великая» указывает на исходную территорию, область первоначального проживания хорватов, откуда происходило их дальнейшее расселение.

Вместе с тем следует признать, что освоение хорватами земель исторической Малой Польши и Северо-Восточной Чехии, т. е. широких пространств к северу и северо-западу от Карпат, включающих верховья Эльбы, Вислы и Прута, должно было произойти раньше, чем состоялось описанное Константином Багрянородным переселение части хорватских племен на Балканы и освоение ими новых земель в Далмации. Малопольские и чешские земли, освоенные хорватами на начальных этапах Великого славянского расселения, возможно, также могли восприниматься в качестве древней Хорватии и даже хорватской прародины, получить название Великой Хорватии.

Но такая интерпретация может быть правомерна только по отношению к вновь возникшим в ходе последующего расселения этнотерриториальным образованиям хорватов. Иными словами, считать Великой Хорватией земли на север от Карпат могли балканские хорваты, жители Далматинской Хорватии, сохранявшие таким образом память о своем переселении с севера. От южных, далматинских хорватов эта традиция, вероятно, и была перенята византийцами, что и нашло свое отражение на страницах трактата императора Константина.

Для обозначения страны, откуда происходят далматинские хорваты, Константин Багрянородный применяет и другое название — «Белая Хорватия». Значение предиката *Белая* в данном случае, похоже, не вызывает сомнений у исследователей, единодушно связывающих его с принятым у азиатских кочевников обозначением запада, распространившимся в Европе в эпоху гуннского нашествия и Великого переселения народов[93]. Использование византийским императором эпитетов «белая» и «белые» в отношении части хорватских племен и этнических территорий, вероятно, имело целью отличить группы хорватов, расположившиеся на западе ареала хорватского расселения, от их южных и восточных соплеменников, обосновавшихся на Балканах и в Восточном Прикарпатье[94].

Впрочем, подобное объяснение может быть справедливым лишь отчасти. В нем не учитывается тот факт, что в рассказе о древней Хорватии Константин Багрянородный легко допускает соединение обоих хорватских названий — «Великая Хорватия» и «Белая Хорватия» — в составной формуле «Великая Хорватия, называемая Белой». Такая формула, на наш взгляд, является искусственной конструкцией, возникшей путем механического соединения частей различных названий, смешивавшего совершенно разные культурно-исторические традиции этногеографической номинации.

Такое соединение может быть допустимо только с точки зрения далматин-

---

[93] См. с. 15–16, 31–36 настоящей работы.

[94] Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 53; Овчинников О. Східні хорвати на карті Європи. С. 153.

ских хорватов — ближайших соседей Византии. Для них Белая (= западная) Хорватия, располагавшаяся в районах Северного Прикарпатья, была одновременно и Великой (= старой) Хорватией, откуда произошло переселение на Балканы семи хорватских родов — предков далматинских хорватов, описанное в трактате «Об управлении империей».

Однако византийская формула «Великая Хорватия, называемая Белой» не может считаться корректной с точки зрения истории происхождения и первоначального расселения хорватов, непосредственно связываемого с Прикарпатским регионом. Для региона Карпат и карпатских хорватов понятия *Великая* и *Белая Хорватия* не могут быть тождественными. Они обозначают разные стадии этногенеза хорватов и разные рубежи осваиваемой ими в процессе расселения территории.

Как же различались в Прикарпатском регионе указанные исторические объекты — Великая и Белая Хорватии? Если исходить из географического содержания, зафиксированного предикатами *Белая* и *белые*, то та часть карпатского массива хорватов, которая именуется у Константина «белыми хорватами», и соответствующая ей этническая территория, обозначаемая хоронимом «Белая Хорватия», должны размещаться на западе хорватского ареала. Рассмотренные нами исторические свидетельства определенно указывают, что область Белой Хорватии располагалась прежде всего в районах верхнего течения Эльбы[95].

Ряд исследователей располагают Белую Хорватию на более широком пространстве, включающем междуречье Верхней Эльбы и Вислы и в том числе земли исторической Малой Польши[96]. Важным аргументом в пользу данной локализации выступает традиция этнической самоидентификации, распространенная среди населения Малой Польши, на протяжении многих веков отождествлявшего себя с белыми хорватами. Так, согласно официальным документам эмиграционных комиссий правительства Соединенных Штатов Америки, польские эмигранты, прибывавшие в Америку в конце XIX в. из районов Малой Польши, именовали себя «белыми хорватами», определяя тем самым свое национальное происхождение[97].

Белая (= *западная*) *Хорватия* — это понятие, которое могло возникнуть только в процессе освоения хорватами новых земель, располагавшихся к западу от области их первоначального проживания. Общее направление миграции хорватов в Европе, в процессе которой произошла славянизация ираноязычных носителей этого древнего этнонима, в начале нашей эры обитавших в низовьях Дона, — это поступательное движение на запад. Направление миграции хорватов не изменилось, когда они достигли районов Прикарпатья, и произошла славянизация исходного алано-сарматского этнического компонента.

Таким образом, территорией формирования этнополитического образования славян, принявшего название хорватов, следует признать земли Восточного

---

[95] См. с. 45–49 настоящей работы.

[96] Ł o w m i a ń s k i H. Początki Polski. T. II. S. 169; B e c h c i c k i J. Wokół problematyki etnogenesy Bialej Chorwacji. S. 255–256.

[97] U. S. Senate Reports of the Imigration Comission. Dictionary Races or Peoples. Washington, 1911. P. 40, 43, 105.

Прикарпатья и Верхнего Поднестровья. В этих пределах и должна быть локализована древняя Великая Хорватия — историческая прародина хорватов-славян. Этот вывод полностью соответствует приведенным выше историческим, археологическим и топонимическим данным, относящимся к пребыванию хорватов в Восточном Прикарпатье, а также данным об их последующем расселении в районах к северу и северо-западу от Карпат.

Первоначальной территорией этногенеза хорватов-славян можно считать не только район Верхнего Днестра, но и некоторые непосредственно прилегающие к нему области. По имеющимся археологическим данным, коренной территорией формирования этнополитического объединения прикарпатских славян, принявшего имя хорватов, является также междуречье Верхнего Днестра и Прута[98].

Данные археологии, совпадающие со сведениями письменных источников, позволяют датировать завершение процессов этногенеза хорватов-славян и рождения их первоначального этнополитического образования, названного впоследствии Великой Хорватией, последней четвертью IV — первой половиной V в.

Предлагаемое решение соответствует выводу современных археологов о том, что земли Восточного Прикарпатья и Верхнего Поднестровья вообще — исходный регион Великого славянского расселения[99]. Его начальные этапы неразрывно связаны с миграциями хорватов, охватившими с течением времени обширные области в Центральной и Юго-Восточной Европе.

---

[98] Балагурі Е. А., Пеняк С. І. Закарпаття — земля слов'янська. Ужгород, 1976. С. 139; Пеняк С. І. Ранньослов'янське та давньоруське населення Закарпаття… С. 164.

[99] См.: Баран В. Д. Східнокарпатський регіон… С. 294 н.

Заключение

Процессы этногенеза славян Прикарпатского региона происходили в условиях взаимодействия различных культур при значительном влиянии фракийского, кельтского, германского и иранского компонентов. Важной особенностью этногенеза и ранней истории славян Восточного Прикарпатья были постоянные контакты с ираноязычным, прежде всего сарматским, населением, происходившие в условиях совместного проживания на протяжении нескольких столетий.

Одним из результатов славяно-иранского этнокультурного синтеза стало появление древнего племенного объединения хорватов, название которого, по всей видимости, имеет иранское происхождение. Славянское население Верхнего Поднестровья, вошедшее в племенную группировку хорватов, приняло активное участие в процессах Великого славянского расселения, освоив ряд новых территорий в Центральной Европе и на Балканах.

Древнейший письменный памятник, содержащий сведения о происхождении и расселении хорватов, Великой и Белой Хорватиях, — трактат византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Проведенный нами анализ показывает, что названия «Великая» и «Белая Хорватия» в равной мере соответствуют известным современной науке традициям географической номинации. Использование предикатов *великий*(*-ая*) и *белый* (*-ая*) в таких названиях зафиксировано в различных источниках и связано с определенными этногеографическими представлениями древних народов Европы и Азии. При этом расшифровка цветовой символики этногеографических обозначений в большей степени опирается на аналогии в тибето-китайских, иранских, тюркских и монгольских языках, в то время как названия с использованием предиката *великий*(*-ая*) ближайшие аналогии встречает в европейской топонимике.

Вместе с тем одновременное использование нескольких символических обозначений при производстве этногеографических названий следует признать искусственным. Представленный у Константина Багрянородного случай в отношении Великой и Белой Хорватии («Великая Хорватия, называемая также Белой…») не находит подтверждения. Использованные здесь обозначения связаны и поддерживаются различными культурно-историческими традициями, имеют разное происхождение и содержание. Это может быть объяснено стремлением византийского автора согласовать имеющиеся у него противоречивые данные о хорватах, почерпнутые из самых разных источников, отражающих подчас конкурирующие между собой версии.

Имеются достаточные основания признать хороним «Великая Хорватия»

достоверным славянским названием. Его связь со славянской этноязыковой средой подтверждается как с точки зрения семантики, так и словообразования. Данное обозначение восходит к общеславянской и европейской традиции, связывающей понятия *великий* и *старый* при производстве составных этногеографических названий. Подобные названия часто используются для обозначения территории прежнего места пребывания народа, прародины, иногда уже покинутой и сохранившейся только в исторической памяти.

Названия с предикатом *великий*(*-ая*) должны были возникать на этапе расселения и этнического освоения новых территорий, в результате возникновения новых этнических и территориальных подразделений. «Великий» в таких случаях могло также выступать в значении эпитета, подчеркивающего большие размеры вновь освоенной территории и применяться в отношении как ее целиком, так и к отдельным частям. Новое географическое название могло со временем превратиться в этноним, как это произошло в известном случае с этнонимом «великороссы»: *великоросс*, *великорус* — новообразование от *Великая Россия* под влиянием слов *Русь*, *русский*[1].

Названия «Белая Хорватия» и «белые хорваты» («белохорваты») находят удовлетворительное объяснение только с точки зрения известных ныне традиций цветовых названий, восходящих к древнекитайским обозначениям сторон света, перенятых некоторыми кочевыми народами Евразии, в том числе иранскими, или же связанных с предполагаемыми у ряда средневековых авторов церковными обозначениями для нехристианских народов и стран. Но в этом случае они выступают как вторичные, заимствованные из неславянской этноязыковой и культурной среды. Менее обоснованным выглядит предположение о том, что названия «Белая Хорватия» и «белые хорваты» могли быть результатом грамматического искажения, допущенного при переводе на греческий язык славянских оригиналов.

Этногеографические названия с предикатом *белые*(*-ая*) также вторичны по отношению к этнониму *хорваты*. На это прямо указывает император Константин, говоря, что хорваты, оставшиеся у Франгии (империи франков) лишь «с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”». Возникновение этнонима «белые хорваты» и хоронима «Белая Хорватия», известного не только в верховьях Эльбы и Вислы, но и в Далмации — на юго-западном фланге расселения хорватов, — определенно свидетельствует в пользу ведущей роли иранской традиции в производстве хорватских географических названий.

Известия византийского императора о ранней истории хорватов полностью соответствуют и подтверждают смысловое значение хоронима «Великая Хорватия» как территории прародины хорватского этноса, откуда произошло его последующее расселение по новым землям, результатом которого стало появление новых названий — хоронима «Белая Хорватия» и этнонима «белохорваты».

Понятия *Великая* и *Белая Хорватия* различаются не только в историко-типологическом отношении, они не совпадают и географически. Этот вывод следует из прямых указаний самого Константина при сопоставлении их с дан-

[1] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. СПб., 1996. Т. I. С. 289.

ными других источников. Если Белую Хорватию и населявших ее белых хорватов можно с уверенностью локализовать в Верховьях Эльбы и Вислы, то область Великой Хорватии, исторической прародины хорватов, следует искать в Восточном Прикарпатье и, возможно, также в Закарпатье. Об этом, в частности, свидетельствуют данные византийского императора, что в первой половине X в. земли, идентифицируемые им с Великой Хорватией, были доступны для набегов одновременно и венгров и печенегов, что граница хорватов и венгров проходила вблизи Карпатских гор, и что путь из Великой Хорватии до Черного моря занимал 30 дней.

Соединение предикатов *великая* и *белая* в названии Хорватии может быть допустимо только с точки зрения далматинских хорватов — ближайших соседей Византии. Для них Белая (= западная) Хорватия, располагавшаяся в районах Северного Прикарпатья, была одновременно и Великой (= старой) Хорватией, откуда произошло переселение на Балканы семи хорватских родов — предков далматинских хорватов, описанное в трактате «Об управлении империей».

Однако византийская формула «Великая Хорватия, называемая Белой» не может считаться корректной с точки зрения истории происхождения и первоначального расселения хорватов, непосредственно связываемого с Прикарпатским регионом. Для региона Карпат и карпатских хорватов понятия *Великая* и *Белая Хорватия* не могут быть тождественными. Они обозначают разные стадии этногенеза хорватов и разные рубежи осваиваемой ими в процессе расселения территории.

Современные исследователи приходят к выводу, что так называемых протохорватов, расселившихся на Балканах во второй половине VI — первой половине VII вв., и современную хорватскую нацию связывает континуитет истории, имени и населения[2]. Следовательно, в массе своей хорваты в момент прибытия на Балканы в этническом отношении уже были славянами. Таким образом, славянизация предков балканских хорватов, «протохорватов», должна была произойти в более раннее время, — в период, предшествовавший расселению, в условиях этнических процессов, происходивших на территории исторической прародины хорватов.

Древних хорватов нельзя связывать только с племенами антской группировки, носителями пеньковской археологической культуры. Область расселения хорватов охватывала также ареал склавенов, представленных пражско-корчакской культурой, включая и земли Малой Польши. Это свидетельствует что хорватское объединение сложилось в более раннее время, в эпоху, предшествующую образованию первых достоверно славянских археологических культур. Произойти это должно было еще в период существования черняховской культуры, предшествовавший началу Великого славянского расселения.

Наиболее ранний факт письменной фиксации имени, непосредственно связанного с этнонимом «хорваты» в форме антропонима «Хорват», зафиксирован в тексте надписей, найденных в Танаисе — древнегреческом полисе, распола-

[2] Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 91. См. также: Budak N. Prva stoljeća Hrvatske. Zagreb, 1994. S. 12.

гавшемся в устье Дона, — и датируемых II — III вв. Ближайшими соседями Танаиса, прочно обосновавшимися в первых веках нашей эры на степном пространстве Нижнего Подонья, были ираноязычные племена алан-танаитов, этнических родственников сарматов. Часть алан перешла к оседлому образу жизни и даже поселилась на территории самого Танаиса. На одной из упомянутых танаисских надписей имя *Хороат сын Сандарзия* (Χορόαθος Σανδαρζίου) упоминается среди имен четырех «архонтов танаитов» — предводителей городской общины Танаиса.

Носителями антропонима *Хорват* во II–III вв., вероятнее всего, могли быть члены одноименного алано-сарматского племени, обитавшего в низовьях Дона, предводители которого занимали видное положение в городской общине Танаиса (в ее неэллинской части). На принадлежность хорватов к сарматской этноязыковой среде указывает также морфологическое сходство этнонимов *хорваты* и *сарматы*.

Однако фактов пребывания хорватов к западу от Дона в первые века нашей эры не установлено. Положение могло измениться только в эпоху Великого переселения народов. Вероятнее всего, начало миграции сармато-аланского племени хорватов на запад нужно искать в событиях этого бурного времени, когда массовые перемещения целых народов, а вместе с ними этнонимов, топонимов и антропонимов стали чрезвычайно распространенным и даже обычным явлением. Надо думать, что в результате подобных процессов, начавшихся после гуннского вторжения в Европу, произошла славянизация этнонима *хорваты*, возможно, вместе с его первоначальными носителями.

По мнению ряда исследователей, появление хорватов в Центральной Европе и на Балканах находится в связи с событиями аварского нашествия[3]. Но к тому времени, судя по имеющимся археологическим и лингвистическим данным, процесс славянизации хорватов уже был завершен: хорваты могли быть только среди мобилизованных аварами славянских племен, которые, составляя самую многочисленную часть аварской армии, принимали наиболее активное участие в заселении завоеванных территорий.

Значит, усвоение славянами этнонима «хорваты» должно было произойти ранее. Если взаимодействие ираноязычных хорватов со славянами не могло начаться раньше гуннского нашествия и было связано с вызванными им этническими процессами, то формирование древнеславянского племенного образования хорватов должно было произойти в период между гуннским и аварским нашествиями, т. е. примерно во второй половине IV — первой половине VI в.

Поскольку основная масса алан, участвовавших в гуннских завоеваниях, уже в начале V в. порвала с гуннами и в союзе с готами и другими германскими племенами ушла на запад, достигнув Испании, а затем и Северной Африки[4], то

---

[3] Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000. С. 78; Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. С. 489–490; Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. Zagreb, 1995. S. 81–83.

[4] Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе (сопоставление данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV–V вв.) // Аланы: Западная Европа и Византия (Alanica — I). Владикавказ, 1992.

предполагаемые контакты алан со славянами, проживавшими на территории Юго-Восточной Европы, и в частности в Прикарпатье, могли происходить только в начальный период гуннской экспансии, и, следовательно, они не могли быть продолжительными.

Поэтому наиболее вероятным представляется предположение о том, что усвоение славянами иранского этнонима *хорваты* состоялось не в результате эволюционных процессов межэтнического синтеза, а путем интенсивного политического взаимодействия, происходившего в бурную эпоху Великого переселения народов, будучи связано с политическими событиями, имевшими судьбоносное значение для славян. Разумеется, что существенную роль в этом должны были сыграть давние традиции славяно-сарматского этнокультурного взаимодействия, обусловленные многовековым совместным проживанием древних славян и сарматов и выразившиеся, например, в появлении у части славянского населения традиции пастушеского скотоводства. Ареалом совместного проживания славян и сарматов были в том числе и районы Верхнего Поднестровья и Восточного Прикарпатья.

Другой существенной предпосылкой для распространения в среде приднестровских славян этнонима хорваты стала особая роль аланских племен в войнах славян с готами и свержении власти последних над славянами. Став союзниками гуннов, аланы-танаиты выступили главной ударной силой гуннской армии, действовавшей против готов на юге Восточной Европы. Славяне Верхнего Поднестровья, долгое время успешно противостоявшие экспансии готов, во времена Германариха и Витимира-Винитария были вынуждены признать власть завоевателей, потерпев ряд тяжелых поражений.

Решающая битва на реке Эрак, локализуемой в Приднестровье, в которой славяно-аланские войска, действовавшие в составе армии гуннов, нанесли окончательное поражение готам и вынудили их покинуть территорию Восточной Европы, безусловно, стала переломным событием в истории древних славян. Борьба с общим врагом должна была способствовать дальнейшей консолидации славянского населения Верхнего и Среднего Поднестровья, а в период решающих военных столкновений и побед должны были выдвинуться авторитетные военные предводители, сформироваться новая военно-политическая элита взамен прежней, уничтоженной готами.

При таких обстоятельствах нетрудно предположить, что славянское население Приднестровско-Карпатского региона подобно славянам в составе антской группировки могло испытать сильное политическое влияние алан и на какое-то время оказаться под властью аланских вождей, бывших, по-видимому, также гуннскими наместниками. Подобно тому как анты — межплеменная группировка, состоявшая из алан и славян — возникла на основе предшествовавшего длительного славяно-иранского этнического синтеза, так и группировка хорватов сложилась на основе предшествовавшего векового взаимодействия славян и сарматов в Прикарпатье. Аланы вообще легко интегрировали в свою этносоциальную среду представителей других этносов благодаря наличию специальных социальных институтов, таких, например, как ритуальное отцовство.

Какое-то время представители аланского рода Хорватов, по-видимому, вла-

ствовали на приднестровских славянских землях. Для легитимизации своей власти они могли вступить в родственные отношения с местной славянской знатью. Имя хорватов для славян приобрело особое сакральное значение ввиду того, что связывалось с победой над готами и освобождением от готского ига.

Вскоре, однако, значительная часть населения Днестровско-Прикарпатского региона, принявшего имя хорватов и включившегося в созданную аланами военно-политическую организацию, покинула родные земли. Последующее распространение хорватов в Европе вполне соответствует уровню мобильности алан, хотя и охватывает менее значительные территории. Наверное, в поход на запад устремилось прежде всего сарматизированное население Прикарпатья. Поэтому историки находят так много общих черт в материальной и духовной культуре населения Далматинской Хорватии и Большого Ирана эпохи Сасанидов, что в меньшей степени характерно для славян Восточного Прикарпатья. Об этом же говорит и закрепление характерных для иранской традиции названий с предикатом *белая* (*-ые*) 'западная (-ые)' в ареале расселения хорватов в Центральной Европе и на Балканах.

Область Верхнего Поднестровья и прилегающие территории Пруто-Днестровского междуречья можно считать первоначальной территорией формирования древнеславянского племенного образования хорватов. В дальнейшем его ареал постепенно расширялся и охватывал новые территории по обе стороны от Карпат. В частности, хорватами были освоены закарпатские земли в районах верхнего течения Тисы.

Во второй четверти — середине V в. хорваты, вероятно, достигли районов Верхней Вислы, поселившись на части территории исторической Малой Польши (впрочем, это могло произойти и позднее). Однако область Верхнего Повисленья (в отличие от районов Восточного Прикарпатья) нельзя рассматривать в качестве исходной территории хорватского этногенеза — прародины хорватов, с которой впоследствии связывалось название «Великая Хорватия». Славянское население Малой Польши на протяжении веков идентифицировало себя с *белыми*, т. е. *западными, хорватами*. Подобное название могла носить только та часть хорватского этноса, которая возникла в связи с освоением хорватами новых территорий в процессе этнического расселения.

Таким образом, областью исторической прародины хорватов-славян, впоследствии получившей название «Великой Хорватии», следует считать территории Верхнего и отчасти Среднего Поднестровья, Пруто-Днестровского междуречья и, по-видимому, верхнего течения Тисы, освоенные на начальном этапе расселения хорватов, совпадающем с периодом их этнического становления. Эти территории примерно соответствуют области расселения восточнославянского племенного союза хорватов, известного по Повести временных лет.

Возникновение племенного объединения древних славян Прикарпатья, принявших название хорватов, можно датировать последней четвертью IV — первой половиной V в.

Хорваты Повести временных лет не могут быть идентифицированы с белыми хорватами Константина Багрянородного. Сама древнерусская летопись их четко различает, упоминая одних и других в разном контексте, — соответственно среди южно- и восточнославянских племен. Восточнославянские хорваты и

белые хорваты возникли в результате эволюции древней прародительской хорватской общности на разных этапах этногенеза славян и поэтому не могут быть тождественны друг другу. Белые хорваты — потомки древних хорватов, переселившихся в верховья Вислы и Эльбы, а затем в Далмацию, а восточнославянские хорваты непосредственно происходят от той части древнего хорватского этноса, которая на протяжении веков оставалась в пределах исторической прародины.

Сокращения

АС — Археологічні студії. Київ; Чернівці.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АУ — Архіви України. Київ.
БЕ — Балканско езикознание. София.
БСИ — Балто-славянские исследования. М.
ВАНБ — Весці Акадэміі навук БССР. Мінск.
ВВ — Византийский временник. М.
ВГ — Вопросы географии. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИИНЈ — Византијски извори за историју народа Југославије. Београд.
ВСПбГУ — Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГСНД — Гласник Скопског научног друштва. Скопље.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР / Восточной Европы. М.
ДКЗ — Дрогобицький краєзнавчий збірник. Дрогобич.
ЕЕІНУК — Етногенез та етнічна історія населення Українських Карпат. Львів, 1999. Т. І: Археологія та антропологія.
ЖС — Живая старина. СПб.
ЗМСС — Зборник Матице српске за славистику. Нови Сад.
ЗРВИ — Зборник радова Византолошког института. Београд.
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания. Свердловск.
ИА — Исторический архив. М.; Л.
ИАН — Известия Академии наук СССР. М.; Л.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности РАН. СПб.; Пг.
ИП — Исторически преглед. София.
ІФВ — Історико-філологічний вісник Українського університету. М.
ЈИЧ — Југословенски историски часопис. Београд.
КБН — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л., 1965.
КС — Карпатский сборник. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР. М.,
ЛХ — Летописи и хроники. М.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ; Львів.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НЗ — Народознавчі зошити. Львів.
ОИ — Отечественная история. М.

ОУИ — Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.
ПВЛ — Повесть временных лет: 2-е изд., испр. и доп., подг. М. Б. Свердлов / Подг. текста, пер., статьи и комм. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.
РА — Российская археология. М.
РР — Русская речь. М.
РФВ — Русский филологический вестник. Варшава.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических известий. М.
СбРАОЮ — Сборник Русского археологического общества в Югославии. Белград.
СБФ — Славянский и балканский фольклор. М.
СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.
СДПИС — Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I–II. М., 1994–1995.
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.; СПб.
СлДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–7. М., 1988–2004. —
СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002. —
СОЕ — Студії з ономастики та етимології. Київ.
СС — Советское славяноведение. М.
ССПК — Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
СЭ — Советская этнография. М.
ТС — Тюркологический сборник. М.
УЖ — Український історичний журнал. Київ.
УМ — Україна в минулому. Київ; Львів.
УЦСЄ — Україна в Центрально-Східній Європі. Київ.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–28. М., 1974–2003. —

AA — Acta archaeologica
AAASH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
AAC — Acta archaeologica carpathica. Kraków.
AAus — Archaeologia Austriaca. Wien.
AB — Archaeologia Baltica. Łódź.
AÉ — Archaeologiai Értesitö. Budapest.
AEMA — Archivum Eurasiae Medii Aevi.
AF — Awarenforschungen. Wien.
AfSPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin.
AH — Acta Hungarica. Ужгород.
AM — Archéologie Médiévale.
AMl — Archeologia Moldovei. Кишинёв.
AMM — Acta Musei Morawiae. Časopis Moravskego Muzea. Brno.
AOAH — Acta Orientalia Academiae Hungaricae. Budapest.
APH — Acta poloniae Historica. Warszawa.
AR — Archeologické rozhledy. Praha.
AUSAJ — Acta universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Szeged.
BIN — Die Byzantiner und ihre Nachbarn. Die *De administrando imperio* gennante Lehrschrift des Kaisers Konstantinos Porphyrogennetos für seinen Sohn Romanos / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von K. Belke und P. Soustal. Wien, 1995.
BlS — Balcanoslavica. Prilep; Beograd.
BS — Byzantinoslavica. Praha.
BSL — Bulletin de la Société de Linguistique. Paris.
Byz — Byzantion. Bruxelles.
BZ — Byzantinische Zeitschrift. München.
CChP — Croatica Christiana Periodica. Zagreb
CJ — Classical Journal. London.
ČMM — Časopis Matice Moravské. Brno.

DAI — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. London, 1962. Vol. II / Comm. by F. Dvornik, R. J. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman.
Dd — Diadora. Glasilo Arheološkog muzeja u Zadru. Zadar.
ES — Ethnologia Slavica. Bratislava.
Et — Etnolog. Glasnik Slovenskega etnografskega muzeja. Ljubljana.
FMS — Frühmittelalteriche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin; New York.
FOCr — Folia Onomastica Croatica. Zagreb.
FRB — Fontes rerum Bohemicarum. Praha.
GS — Germanoslavica. Brno.
HS — Historia Slovaca. Bratislava.
HZ — Historijski zbornik. Zagreb.
IJSLP — International Journal Slavic Linguistics and Poetics.
JA — Journal Asiatique. Geneve.
JAOS — Journal of the American Oriental Society.
JfGO — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wien.
KH — Kwartalnik historyczny. Lwów.
KHA — Kölner Historische Abhandlungen. Köln.
LP — Lingua Posnaniensis. Poznań.
MAI UAW — Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. Budapest.
MGH. SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae etc.
MIfÖG — Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Wien.
MMFH — Magnae Moraviae Fontes Historici. Brunae; Pragae.
MN — Magyar Nyelv. Budapest.
MPH. NS — Monumenta Poloniae Historica. Nova series. Kraków; Warszawa.
MSROA — Materialy i Sprawozdanie Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeczów.
NAWG — Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Göttingen.
OA — Opuscula archaeologica. Zagreb.
OChP — Orientalia Christiana Periodica.
PmA — Památy Archeologické. Praha.
PDP — Pomniki dziejowe Polski. Warszawa.
PH — Przegląd historyczny. Warszawa.
PS — Pamiętnik Słowiański. Kraków; Wrocław.
PZ — Przegląd Zachodni. Poznań.
RAU — Rozprawy Akademii umiejętnosci.
REfKAW — Real-Enciclopädie für die klassische Altertumwissenschaft. Stuttgart.
RH — Roczniki Historyczne. Poznań.
RJAZU — Rad Jugoslovenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Zagreb
RKJ WTN — Rozprawy Komisji językowej Wrocławskiego towarzystwa naukowego. Wrocław.
RLGAK — Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Berlin.
RP — Rocznik Przemyski. Przemyśl.
RPTNO — Rocznik Polskiego Towarzystwa Naukowego na Obczyźnie. London.
RS — Rocznik slawistyczny. Wrocław etc.
RWR — Rocznik Województwa Rzeszowskiego. Rzeszów.
RZHP — Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb.
SA — Slavia Antiqua. Poznań.
SAA — Studia Antiqua et Archeologica. Iasi.
SÄGOE — Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Graz.
SB — Slavistische Beiträge. München.
SBWAW — Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Wien.
Sc. — Saeculum. Jahrbuch für Universalgeschichte. München.
SCP — Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków.
SHP — Starohrvatska prosvjeta. Split.

SHS — Slovanské historické studia. Praha.
SK — Seminarium Kondakovianum. Прага.
Sl. — Slavia. Praha.
SlA — Slovenská archeológia. Bratislava.
SN — Slovenský národopis. Ljubljana.
SO — Slavia Occidentalis. Poznań
SODF — Südostdeutsche Forschungen. München.
SP — Stratum plus. Кишинёв etc.
SPN — Sprawozdania z prac naukowych Polskiej Akademii Nauk. Warszawa.
SRH — Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Budapestini, 1937 — 1938. Vol. I–II.
SROA — Sprawozdanie Rzescowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzesców.
SS — Slavica Slovaca. Bratislava.
SSS — Słownik strożytnosci sławiańskich: Encyklopedyczny zarys kultury słowian od zcasów najdawniejszych. Wrocław etc.
SSt — Slovenske studie. Bratislava.
STT — Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia. Helsinki.
UJb — Ungarische Jahubücher. Budapest; Wien.
VAMZ — Vjesnik Arheoloskog muzeja u Zagrebu. Zagreb.
VPS — Vznik a počátky Slovanů. Sbornik pro studium slovanskyh starožitnosti. Praha.
WA — Wiadomości Archeologiczne.
WBKL — Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Wien.
WS — Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. München.
WSJ — Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien.
ZČ — Zgodovinski časopis. Glasilo Zveze zgodovinskih društev Slovenije. Ljubljana.
ZfA — Zeitschrift für Archäologie. Berlin.
ZfOF — Zeitschrift für Ortsnamenforschung. München; Berlin.
ZfSHG — Zeitschrift für Schleswig-Holsteinische Geschichte.
ZfSPh — Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg.
ZHZJ — Zbornik Historijskog zavoda Jugoslovenskei Akademii znanosti i umjetnosti. Zagreb.
ZNŽOJS — Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb.

SUMMARY

The permanent contacts with the Iranian-speaking peoples, mostly Sarmathians, were the important feature of the ethnogenesis and the early history of the Slavs in the region near the East Carpathians during the period of their coexistence for several centuries.

The appearance of the ancient tribal union of the Croats with the name of probably Iranian origin had become one of the results of ethnical and cultural synthesis of the Slavs and the Iranians. The Slavs of the Upper Dniester having become the part of the Croatian tribal group inhabited the new territories in Central Europe and the Balkans during the process of the Great Slavonic settlement.

De administrando imperio by Constantine the Porphyrogenitus is the first written test containing the information on the origin and the history of Croats' settling, Great and White Croatias. Both the names, "Great" and "White Croatia", correspond to the traditional geographical nomination known to the contemporary science. Decoding of the symbols of the colour in the names of the peoples and the lands is based mostly on the analogies in the Sino-Tibetan, Iranian, Turkic and Mongolian languages, while the closest parallels for the names with the adjective *great* are found in the European toponymy.

And still, the simultaneous use of several symbolical names to produce the ethnical and geographical names must be accepted as artificial one. The case of Constantine the Porphyrogenitus' Great and White Croatia ("Great Croatia, called White...") is explained by the intention to agree the contradiction between different, sometimes competitive, versions of the history of the Croats.

The name "Great Croatia" origins in the common Slavonic and European tradition connecting the meanings *great* and *old* to indicate the territory the people had lived before at, pre-motherland, sometimes having been already abandoned and kept only in memory.

Byzantine emperor's information on the early Croatian history corresponds to and concerns the meaning of "Great Croatia" as the territory of pre-motherland of the Croatian people the following migrating resulted in new names, that of the land — "White Croatia", and that of the people "White Croats", took place from.

The ideas of *Great* and *White Croatia* differ not only as the historical and typological ones, they do not mean the same geographical place. This conclusion is based on the direct indications of Constantine himself compared with the other sources. If one can surely put White Croatia with its White Croats on the Upper Elbe and the Upper Vistula, the land of Great Croatia, the historical pre-motherland for the Croats must be looked for to the East of the Carpathians and may be in Transcarpathia.

The ancient Croats cannot be connected with tribes of the Ants' group, representatives of the Penkovo archaeological culture only. The region the Croats lived in covers the Sclavenian area of the Prague-Corchak archaeological culture including the Smaller Poland. This testifies the Croatian union having formed in the epoch preceding the first reliable Slavonic archaeological cultures — in the Chernyachovo time.

The earliest written evidence of the name connected directly with the ethnonym "Croats" in the form of the anthroponym "Croat" is seen in the inscriptions dated back to the 1–2 c. found in the ancient Greek city of Tanais in the mouth of the Don. The anthroponym "Croat", probably, belonged to the members of the Alanian-Sarmathian tribe living in this region. Their leaders had certain position in the town community of Tanais. The fact, that Croats belonged to the Sarmathian-speaking environment is shown by the morphological similarity of the names: *Sarmatae* and Croats (slav. *horvatū*, Lat. *Chroates*).

Still there are no traces of the Croats living to the West of the Don river in the first centuries A. D. This situation could have changed only in the process of the Great Migration. The ethnonym *Croates* seems to be slavonized, as well as its first bearers, after the tremendous ethnic processes had taken place during the Huns' invasion.

In all probability, the Croats' appearance in Central Europe and in the Balkans was connected with the Avars' invasion. According to the archaeological and linguistic data the Croats had been already slavonized that time. It means that the Slavs had taken the name of *Croats* earlier. Since the greater part of the Alans who took part in the Huns' conquest broke off and moved to the West together with the Goths and other German tribes in the beginning of the 5th c., the proposed contacts of the Alans and the Slavs of South-Western Europe and the Carpathian region particularly could have taken place in the beginning of the Huns expansion only, therefore they could not be long.

The suggestion that the Slavs' adoption of the Iranian name *Croats* (*horvatū*) resulted not from the process of the multiethnical synthesis but from the intensive political interaction having influenced strongly the Slavonic peoples in the turbulent epoch of the Great Migration seems the most probable.

The important role played by the Alans in the Slavic wars with the Goths and the overthrowing of their power resulted in the spreading of the name *Croats* among the Dniester Slavs. Having become the allies of the Huns, the Alans-Tanaites appeared the main force of their army acting against the Goths in the south of Eastern Europe.

The decisive battle of the river Erax (localized in the basin of the Dniester) where the Goths were finally defeated by the joined Slavs and Alans acting as the part of the Huns' army and forced out off Eastern Europe was undoubtedly the turning-point in the ancient Slavic history.

It is naturally to propose the Slavic inhabitants of the Dniester-Carpathian region to be strongly influenced just the same as the Slavs of the Ants group by the Alans and be governed by the chiefs of the Alans who apparently represented the Huns' authority. Just as the Ants — the union of the Alans and the Slavs — had formed on the ground of the prolonged ethnic synthesis of the Slavs and the Iranians so did the Croatian group form on the ground of the previous centuries-long interaction of the Slavs and the Sarmathians in the Dniester region.

The Alanian Croats must have ruled the Dniester Slavic lands for some time. They could have married some of the local Slavic chiefs to make their authority legal. The name *Croats* gained among the Slavs the sacral importance since it was connected with the victory over the Goths and their yoke shaken off.

The Upper Dniester region together with the nearby territories between the Dniester and the Pruth are considered to be the primary territory the ancient Slavic tribal formation appeared at. Afterwards it gradually extended and covered both sides of the Carpathians. For example the Croats inhabited the upper current of the Tyssa river behind the Carpathians.

In the last quarter of the 4th — middle of the 5th cc. the Croats probably reached the Upper Vistula and settled in Smaller Poland (however, it could have happened later). Still the region of the Upper Vistula (unlike the territories to the East of the Carpathians) cannot be the initial territory of the Croatian ethnogenesis — the pre-motherland of the Croats, afterwards called "Great Croatia". The Slavonic population of Smaller Poland identified themselves as *White*, i. e. *West Croats*. Only that very part of the Croatian ethnos that had appeared as a result of occupying new territories could bear such a name.

The appearance of the tribal union of the ancient Slavs in the Carpathian region who took afterwards the name of *Croats*, could be dated back to the last quarter of the 4th — middle of the 5th cc.

ZUSAMMENFASSUNG

Als wichtige Besonderheit des Ethnogenesis und Frühgeschichte von Slaven des Ostvorkarpatenlandes treten die ständige Kontakte mit iranosprachigen, vor allem sarmatischen Bevölkerung, die unter Bedingungen des Zusammenlebens während einigen Jahrhunderten verliefen, auf.

Einer der Resultaten des slawisch-iraner ethnokulturellen Syntheses wurde die Entstehung der alten Stammesvereinigung von Kroaten, deren Name wahrscheinlich die iranische Ursprung hat. Die slawische Bevölkerung des oberen Dnjestr, die in Stammesgruppierung von Kroaten hineinging, besiedelte eine Reihe der neuen Territorien in Zentraleuropa und auf dem Balkan während der Großen slawischen Aussiedlung.

Der älteste schriftliche Denkmal, der die Angaben über die Entstehung und Aussiedlung von Kroaten, über Groß- und Weißkroatien enthalt, ist das Traktat von byzantischen Imperator Konstantin Porphyrogennetos *De administrando imperio*. Die Namen *Groß-* und *Weißkroatien* entsprechen den Traditionen der geographischen Nominierung, die moderne Wissenschaft kennt. Entschlüsselung der Farbensymbolik der ethnogeographischen Bezeichnungen beruht sich im großen Maße auf Analogen in tibeto-chinesischen, iranischen, türkischen und mongolischen Sprachen. Die Namen, die das Predikat *großer(-e)* haben, haben die Analogen in europäischen Toponymik.

Daneben muss die gleichzeitige Verwendung einigen symbolischen Bezeichnungen bei der Erzeugung der ethnogeographischen Namen als künstlich anerkennen. Der Fall, der bei Konstantin Porphyrogennetos inbezüglich des Groß- und Weißkroatiens ("Großkroatien, das Weißes genannt wird...") vorkommt, wird erklärt als Bestrebung die wiedersprüchliche Angaben über Kroaten zusammenzufassen. Diese Angaben sind aus verschiedenen Quellen die manchmal konkurierenden Versionen der historischen Ereignissen darstellen, entnommen.

Der Namen "Großkroatien" kommt zur gesamtslawischen und europäischen Tradition vor. Diese Tradition verbindet Begriffe *groß* und *alt* bei der Bezeichnung des Territoriums des ehemaligen Aufenthaltortes des Volkes der Urheimat, manchmal schon verlassenen und nur im historischen Gedächtnis gebliebenen.

Die Mitteilungen von Imperator des Byzanz über Frühgeschichte der Kroaten stimmen völlig überein und bestätigen die Bedeutung von Choronim "Großkroatien" als Territorium von Urheimat des kroatischen Ethnos, wovon ihres weiteres Ansiedeln an neuen Ländern geschehen hat. Als Resultat war das Entstehen der neuen Namen — des Choronims "Weißkroatien" und des Ethnonims "Weißkroaten".

Die Begriffe "Groß-" und "Weißkroatien" unterscheiden sich nicht nur im historisch-thypologischen Sinne, die Stimme nicht auch geographisch ein. Zur solchen

Schlußfolgerung kommt man bei dem Vergleich der Angaben von Konstantin selbst und der Angaben von anderen Quellen. Wenn man Weißkroatien und Weißkroaten mit Gewißheit im Oberlauf der Elbe lokalisieren kann, so muß man Gebiet von Großkroatien, historische Urheimat von Kroaten, in Ostvorkarpatenland und vielleicht auch in Transkarpatenland suchen.

Die Altkroaten darf man nicht nur mit Stämmen von Antengruppe, für die die Merkmäle von Pen'kower archeologischen Kultur eigen sind, verbinden. Das Ansiedelngebiet von Kroaten umfaßte auch Areal von Sklawenen, die durch Prager-Kortschaker Kultur vertreten sind, einschließlich auch Gebiete von Kleinpolen. Das bedeutet, daß die Kroatenvereinigung sich in der Epoche gebildet hat, die vor der Gestaltung ersten echt slawischen archeologischen Kulturen ging — also in der Periode von Tschernjachowsker Kultur.

Zum ersten Mal wurde Anthroponim "Kroate" schriftlich in Text von Inschriften, die in der altgriechischen Polis Tanais in der Donmündung gefunden wurden und gehören zu 2.–3. Jh., fixiert. Die Anthroponomträger von "Kroate" waren höchstwarscheinlich die Mitglieder des gleichnamigen alan-sarmater Stammes von diesem Gebiet. Die Anführer dieses Stammes hatten bedeutende Lage in der nichthellenischen Teil von Stadtgemeinde in Tanais. Auf die Zugehörigkeit von Kroaten zu Sarmater ethnischen und Sprachgebiet zeigt auch die morfologische Gleichheit von Ethnonimen "Kroaten" und "Sarmaten".

Aber die Fakten des Aufenthaltes von Kroaten westlich von Don in den ersten Jahrhunderten n. Chr. sind nicht festgestellt. Die Lage könnte sich in der Zeit der Völkerwanderung ändern. Wir denken, daß die Slawjanisierung von Ethnonim "Kroaten", vielleicht zusammen mit ihren ursprünglichen Träger, während der stürmischen ethnischen Prozesse nach der Hunneninvasion in Europa geschehen hat.

Wahrscheinlich ist das Erscheinen von Kroaten in Zentraleuropa und auf Balkan mit den Ereignissen von Awareneinbruch verbunden. Aber nach archeologischen und linguistischen Angaben war zu dieser Zeit der Prozess der Slawjanisierung schon abgeschloßen. Das bedeutet, daß die Aneignung durch Slawen des Ethnonims "Kroaten" früher geschen soll. Die Mehrheit von Alanen, die in Hunneneroberungen teilgenommen hat, hat schon am Anfang des 5. Jh. mit Hunnen gebrochen und mit Goten und anderen germanischen Stämmen ging nach Westen. Die voraussichtliche Kontakte Alanen mit Slawen, die auf dem Territorium Süd-West-Europa und insbesondere in Vorkarpatenland wohnten, könnten nur im Anfangsstadium der Hunnenexpansion geschehen. Sie könnten demzufolge nicht dauerhaft sein.

Deswegen könnten wir höchstwahrscheinlich annehmen, daß Aneignung durch Slawen des iranischen Ethnonims "Kroaten" durch intensive politische Zusammenwirkung während der Völkerwanderung und nicht durch Evolutionsprozessen der zwischenethnischen Synthese geschah.

Die wesentliche Voraussetzung für die Verbreitung des Ethnonims "Kroaten" unter Dnjestrslawen war die Sonderrolle von Alanenstämmen in Kriegen von Slawen mit Goten und in Sturz der Macht von Goten über Slawen. Die Alanen-Tanaiten als Verbündeten von Hunnen waren Hauptstosskraft der Hunnenarmee, die gegen Goten im Süden Osteuropas kämpfte.

Die entscheidende Schlacht auf dem Fluß Erak, der in Beidnjestrland lokalisiert wurde, wurde eindeutig Bruchereignis in der Geschichte Altslawen. In dieser Schlacht hat slawisch-alanisches Heer in der Hunnenarmee den Goten die Endniederlage gebracht und hat ihnen gezwungen, Osteuropa zu verlassen.

Unter diesen Umständen ist nicht schwer anzunehmen, daß slawische Bevölkerung Beidnjestr-Karpatenregion wie Slawen von Antengruppierung unter den starken politischen Einfluß von Alanenanführer die warscheinlich auch Statthalter von Hunnen waren, standen. Die Anten — zwischenstämmige Gruppierung auf Alanen und Slawen — entstanden auf dem Grund vorausgekommener langer slawisch-iranischer ethnischer Synthese, so auch die Kroatengruppierung auf dem Grund früheren hundertjährigen Zusammenwirken von Slawen und Sarmaten in Vorkarpatenland entstand.

Die Vertreter von Alanensippe der Kroaten regierten warscheinlich irgendwelche Zeit auf den slawischen Beidnjestrländern. Für die Ligitimisierung ihrer Macht könnten sie mit örtlichen slawischen Adel verwandschaftliche Beziehungen knüpfen. Die Name von Kroaten hatte für Slawen besondere sakrale Bedeutung, weil den mit dem Sieg über Goten und mit der Befreiung von gotischen Joch verbunden.

Das Gebiet von oberen Dnjestr und beiliegende Territorien von Prut-Dnjestr-Zwischenflußland kann man als ursprüngliches Territorium der Formierung der altslawischen Stammesbildung von Kroaten bezeichnen. Ferner hat sich ihres Areal allmählich verbreitet und um faßte neue Territorien bei der seits von Karpaten. Imbesondere wurden die Hinterkarpatenländer im Oberlauf von Tissa angeeignet.

Im zweiten Viertel — Mitte des 5. Jh. erreichten Kroaten wahrscheinlich Gebiete von Oberwißla. Sie haben sich auf der Teil von Territorium von historischen Kleinpolen niedergelassen (übrigens könnte das auch später geschehen). Aber Gebiet von Oberwißla (zum Unterschied von den Gebieten Ostvorkarpatenland) kann man als Urheimat von Kroaten, die später als "Großkroatien" genannt wurde, nicht betrachten. Die slawische Befölkerung von Kleinpolen auf der Dauer von Jahrhunderten identifizierte sich mit weißen, d. h. West-Kroaten. Solcher Name könnte nur solche Teil von kroatischen Ethnos tragen, die im Zusammenhang mit der Aneignung der neuen Territorien während des ethnischen Ansiedelns entstand.

Die Entstehung der Stammesvereinigung der Altslawen von Beikarpatenland, die den Namen Kroaten angenommen haben, kann man das letzte Viertel des 4. — erste Hälfte des 5. Jh. datieren.

Указатель имен*

Абаев В. И. 86, 92, 94, 102–103, 108, 151
Авенариус А. (см. также *Avenarius A.*) 26, 60, 83, 136
Агеева Р. А. 10, 23, 32–33, 35, 37
Адам Бременский, средневековый хронист 158
Адемар Шабанский, средневековый хронист 31
Акимова О. А. 47, 57, 59
Александр Македонский (Александр Великий) 72, 147
Алексеева Т. И. 126
Алиев И. 136
Альфред Великий, английский король 6, 47, 48
Амалы, знатный род готов 148
Амартол Георгий *см.* Георгий Амартол
Аммиан Марцеллин, римский историк 138, 140, 148, 150, 152–153
Аммий, представитель рода Росомонов 155
Андрух С. И. 41
Аннинский С. А. 39
Анохин В. А. 137
Анфертьев А. Н. 156
Ардагаст, ант 161
Арпады, династия венгерских королей 72, 75
Арсеньева Т. М. 91
Артамонов М. И. 119, 123
Аспарух, болгарский хан 35
Аттила, правитель гуннов 55, 72, 131, 141, 157, 162
Аулих В. В. (*Ауліх В. В.*) 50, 81, 167
Ахемениды, династия правителей Ирана 97
Ахура-Мазда, древнеперсидский бог 97
Аэций, римский полководец 141

Багратиды Ширакские 38
Баксан, ант 151
Балагурі Е. А. 74, 173
Баламбер, правитель гуннов 153, 156
Баламир, вождь гуннов 140
Банашевић Н. 29
Бандрівський М. 109
Барада М. (см. также *Barada M.*) 134
Баран В. Д. 5, 7, 12, 55, 66, 80–84, 104, 106, 109, 130–131, 135, 142, 146, 150, 152, 164–167, 173
Баришић Ф. 56
Барсов Н. П. 49–50, 169
Батый, монгольский хан 34
Бахрах Б. С. 137, 151
Белобог, славянское божество 95
Бельке К. 68
Берест Р. 115
Берестнев С. И. 82
Бернштам А. Н. 141, 155
Бернштейн С. Б. 58
Бехцицкий Г. (см. также *Bechcicki J.*) 47
Бибиков М. В. 6, 22, 25, 56, 150
Бидзиля В. И. (*Бідзіля В. І.*) 109, 143
Бирнбаум Г. (см. также *Birnbaum H.*) 53, 102
Блаватский В. Д. 107
Бобович А. С. 114
Боз (Бус), правитель антов 149–150, 152
Болеслав, чешский князь 48
Болеслав Благочестивый, польский князь 37
Болеслав I Храбрый, польский князь 47, 71–73, 167, 169
Бонев Ч. 35
Борисов В. В. 94
Борна, хорватский князь 29, 93
Боровський Я. Є. 156
Брайчевский М. Ю. 123, 152
Браун Ф. А. 87, 114, 148, 160
Бромлей Ю. В. 54, 60, 130
Брун Ф. 155
Бруно Кверфуртский, средневековый миссионер 31
Брюкнер А. (см. также *Brückner A.*) 13, 88
Буданова В. П. 55, 60, 114–115, 133, 136, 143, 148, 155
Будимир М. (см. также *Budimir M.*) 85
Будимир-Святоплук, славянский князь, король 29

* Курсивом выделены имена современных ученых и исследователей.

Булчу (Вулцус), вождь венгров 68
Бунятян Е. П. 129
Буюклиев Хр. 138
Бьюри Дж. (см. также *Bury J. B.*) 43

Вакуленко Л. В. 81, 107, 163–164
Валент, римский император 140
Валлук, славянский князь 41–42
Ванний, царь квадов 110
Васильев М. А. 103, 150
Вацлав, чешский князь 48
Ведюшкина И. В. 64
Великанова М. С. 63, 126
Вернадский Г. В. (см. также *Vernadski G.*) 98, 137, 150, 155–156, 160, 162
Веселовский А. Н. 145
Видирих, вождь готов 148
Винитарий, правитель остроготов 148–149, 152–154, 158–159, 178
Виноградов Ю. А. 40
Виноградов Ю. Г. 137
Винокур И. С. (*Винокур І. С.*) 7, 80, 81, 106–107, 126, 142–144, 150, 152
Винцентий Кадлубек (см. также Wincentij Kadlubek) 6, 71–73, 169
Витимир (Витимир-Винитарий), правитель остроготов 140, 148–149, 178
Владимир Святославич, древнерусский князь 103, 167
Владислав, хорватский князь 29
Владислав, хорватский князь 93
Войномир, хорватский князь 93
Войтович Л. В. 6, 12, 50, 55, 74, 76, 77, 79, 167, 169–170
Волузиан, римский император 123
Вольфрам Х. 143, 149, 156
Вуга, сестра Хорвата 11, 93
Высотская Т. Н. 41
Вышеслав, хорватский князь 93

Габуев Т. А. 138
Гавриил, клирик 70
Гаврюшина Л. К. 29
Галл Аноним, древнепольский хронист 72
Галушка Л. 83
Гарбуз Б. Б. 158
Гардизи, персидский историк 168
Гаркави А. Я. 168
Гастейс 161
Гауптманн Л. (см. также *Hauptmann Lj.*) 59, 98, 134
Гачиньский Е. З. (см. также *Gaczyński J. Z.*) 51, 162
Гей О. А. 125, 130–131, 152
Гельмольд, немецкий хронист 158
Геннинг В. Ф. 40
Георгиев В. 58
Георгий Амартол, византийский историк 25
Геркулий Максимиан, римский император 123
Германарих (Хермanарик, Херманарих, Ерманарих), правитель остроготов 140, 142, 147–148, 149–151, 153, 155–156, 158, 178
Геродот, древнегреческий историк 40, 108
Гимбутас М. 45, 56, 78, 86
Гиндин Л. А. 56, 120
Головко А. Б. 168
Голтескиф 147
Горішний П. А. 81
Гороховский Е. Л. 152
Горский А. А. 65
Горюнов Е. А. 82
Графенауэр Б. (см. также *Grafenauer B.*) 58–59
Грацианская Н. Н. 130
Грачев В. П. 30
Грубишич С. 97
Грушевский М. С. (*Грушевський М. С.*) 147, 157
Гудкова О. В. 104–105, 124–125
Гутнов Ф. Х. 139
Гюнтер Р. 141

Далимил, древнечешский хронист 57, 89
Дандамаев М. А. 97
Дарий I, персидский царь 97
Дашевская О. Д. 41
Дворник Ф. (см. также *Dvornik F.*) 13, 71, 98, 137, 169
Дерван, славянский князь 41–42
Державин Н. С. 33
Дёрффи Д. (см. также *Györffy Gy.*) 74
Дженкинз Р. 67, 68
Дзиговский А. Н. (*Дзиговський О. М.*) 124–125, 135
Динић М. 30
Дмитрий Солунский, святой 37
Добролюбский А. О. 63
Доватур А. И. 108
Домициан, римский император 113, 115
Драголь, поп, сербский средневековый писатель 28
Драгомир, князь 48
Драгомуж, хорватский князь 93
Дуклянин, поп, сербский средневековый писатель 23, 28–29, 57
Дьюла, вождь венгров 68
Дьяченко А. Г. 82

Егоров В. Л. 34
Ельницкий Л. А. 121
Еременко В. Е. 111

Жупанич Н. (см. также *Županić N.*) 160
Зализняк А. А. 102–103
Залізняк Л. 167
Засецкая И. Р. 153
Застерова Б. (см. также *Zástěrová B.*) 59
Зиньковская И. В. 144
Зубарев В. Г. 160

Ибн Русте, арабский средневековый писатель 168
Иван Владислав, болгарский царь 76
Иванов В. В. 16, 23, 32, 34, 92–93
Ивић П. 8, 79
Игорь, древнерусский князь 56
ал-Идриси, арабский средневековый писатель 31
Ильинский Г. А. 32, 51, 64, 170
Иникмей, аланский «царь» 137
Иоанн Малала, византийский историк 25
Иоанн Мамиконян, армянский средневековый историк 156
Иоанн Скилица, византийский историк 68
Иоанна, аббатиса 59
Иордан, готский епископ и историк 40, 82, 115, 133, 144–145, 147–160
Ираклий, византийский император 11–12, 44, 52, 54, 57, 59
Исаевич Я. Д. (*Ісаєвич Я. Д.*) 33, 65, 76, 167
Ідзьо В. С. 49

Йосипишин Я. 109

Кадлубек *см.* Винцентий Кадлубек
Казанский М. М. 157
Каллистов Д. П. 108
Камбиз, персидский царь 97
Карл Великий, король и император франков 27
Каролинги, династия франкских королей 27
Карский Е. Ф. 32
Карышковский П. И. 137
Каспарова К. В. 111, 114, 160
Келагаст, ант 161
Кий, славянский князь 156
Клаич Н. (см. также *Klaić N.*) 52, 59
Кланица З. (см. также *Klanica Z.*) 56
Клепикова Г. П. 130
Клука, вождь хорватов 11, 92
Кнабе Г. С. 113
Князький И. О. 63, 66
Ковалев Г.Ф. 10
Ковалевская В. Б. 139, 142, 177
Коваль Й. В. 73, 76
Ковачевић Ј. 60
Козак Д. Н. 83, 104–106, 109–110, 112, 115–116, 135, 138, 144, 146–147, 158–159, 164
Козлова Р. Н. 107–108
Колесов В. В. 41
Кондукторова Г. С. 126
Кононов А. Н. 16, 49
Константин Багрянородный, византийский император 6, 10–11, 13–15, 17–21, 23–24, 28, 30, 36, 38, 43–47, 49, 51–54, 57–59, 62–71, 73, 76–79, 84, 89, 90, 92–93, 99, 155, 159–160, 163, 169, 171–172, 174–175, 179
Корзухина Г. Ф. 152
Королюк В. Д. 12, 55, 64, 103, 120, 122, 124–125, 128–129, 131, 168
Корсунский А. Р. 141
Косенддис, вождь хорватов 11, 92
Котляр М. Ф. 167
Крак, легендарный основатель Кракова 51
Крапівін П. Ф. 32
Кропоткин В. В. 110, 158–159
Крупнов Е. И. 139
Крюков В. 169
Кубишов А. І. 104
Кубрат, вождь болгар 39
Кудрявцев О. В. 122
Кузнецов В. А. 139
Кузьмин А. Г. 25–26
Кунстманн Г. (см. также *Kunstmann H.*) 17, 20, 21, 42, 53
Купчанко О. 88
Купчинський О. А. 8, 33, 75
Кухаренко Ю. В. 104, 111, 125, 158
Кучкин В. А. 64

Лапушнян В. Л. 114
Латышев В. В. 114
Лебедев Г. С. 148, 156
Левицкий Т. (см. также *Lewicki T.*) 79
Лер-Сплавиньский Т. (см. также *Lehr-Spławiński T.*) 59, 137
Лесман Ю. Ю. 150
Ливий Тит, римский историк 114
Литаврин Г. Г. 6, 22, 35, 39, 55, 68, 71, 103, 122
Лихачев Д. С. 25
Лобай Б. И. 105, 125
Ловел, вождь хорватов 11, 92
Ловмяньский Г. (см. также *Łowmiański H.*) 44, 47, 67, 88, 99, 119, 162–163
Лома А. (см. также *Loma A.*) 21, 77–78, 86, 99
Лыбедь, сестра Кия 156
Львов А. С. 25
Любавский М. К. 169
Любичев М. В. 82
Людовит, хорватский князь 93
Ляпушкин И. И. 5

Маврикий, византийский император 77

Мавродин В. В. 12, 167
Магомедов Б. В. 80, 125–126, 130, 152
Майоров А. В. 63, 79, 105
Максименко В. Е. 109
Максимов Е. В. (*Максимов Є. В.*) 104–105, 111, 122, 130, 160
Малала *см.* Иоанн Малала
Малєєв Ю. М. 107
Мамиконяны, знатный армянский род 156
ал-Марвази, арабский средневековый писатель 168
ал-Масуди, арабский средневековый писатель 47
Матанов Х. 30
Матузова В. И. 48
Мачинский Д. А. 55, 109, 111, 114, 116, 121–123, 148
Мелюкова А. И. 107
Мерперт Н. Я. 152
Мечев К. 25
Миклошич Ф. 144
Миллер К. 118, 120–121
Милов Л. В. 79
Михайлина Л. П. 167
Мишулин А. В. 123
Мольнар Э. 39
Моравчик Д. (см. также *Moravcsik Gy.*) 43, 71
Моця О. П. 167
Мошиньский К. (см. также *Moszyński K.*) 94
Мошкова М. Г. 109, 138
Мурзін В. Ю. 40, 109, 135–136, 139
Мутимир, хорватский князь 29
Мухло, вождь хорватов 11, 92

Назаренко А. В. 73, 168
Налепа Е. (см. также *Nalepa J.*) 20–21, 54
Нарушевич А. 33
Наследова Р. А. 60, 136
Наумов Е. П. 30, 54, 55, 59, 122
Неманичи, династия сербских князей 30
Немет П. 74
Нерознак В. П. 37
Нестор, древнерусский летописец 24–25
Нефедкин А. К. 138, 154
Нидерле Л. (см. также *Niederle L.*) 12–14, 45, 49, 56, 60, 64, 82, 87, 114, 119–120, 127, 129, 136, 177
Николай Тавелич, первый хорватский святой 95
Никонов В. А. 16, 22, 100
Никоноров В. П. 154
Никулицэ И. Т. 114, 146
Новаковиђ Р. 44, 46
Новосельцев А. П. 168
Ной, библейский персонаж 24–25

Обломский А. М. 104–105, 112, 144
Оболенский Д. 47, 50, 170
Овчинников О. 13, 49, 62, 92, 167, 171
Олег, древнерусский князь 66, 166
Онищук Я. 144
Оприск В. Г. 50, 167
Оранский И. М. 108
Орел В. Э. 152
Орентий, святой 123
Орозий, средневековый писатель 114
Оттон I, германский король и император 11, 44, 46–47
Оттон III, германский император 167

Півторак Г. П. 5
Павинский А. 157
Панькевич І. 76
Пачкова С. П. 114–115, 130
Пашкевич Г. (см. также *Paszkiewicz H.*) 73
Пейрагаст (Пирагаст), ант 161
Пеняк С. І. 12, 50, 73–75, 88, 164, 167, 173
Перени Й. 31
Петренко Е. Н. 82
Петров А. Н. 25
Петров В. П. 12, 121, 157
Петрухин В. Я. 150
Пигулевская Н. В. 156
Пиотровский Б. Б. 145
Піоро І. С. 107
Плавтий Сильван, римский наместник Мезии 117
Плано Карпини Дж., католический монах и дипломат 40
Плахонин А. Г. 65
Плетнева С. А. 31
Плиний Старший, римский писатель 110, 114, 119, 145
Плутарх, древнегреческий историк 114
Поболь Л. Д. 104
Погодин А. Л. 85
Погребова Н. Н. 41
Подосинов А. В. 40, 118–121, 128
Покляцький О. В. 104
Полин С. В. 109
Поль В. (см. также *Pohl W.*) 93
Попов А. И. 37, 156
Потебня А. А. 33, 145
Престан, болгарский князь 76
Приск Панийский, секретарь византийского посланника 55–56
Приходнюк О. М. 14, 67, 74, 81, 82, 157, 167
Пріцак О. 147, 151, 156
Прокопий Кесарийский, византийский историк 145
Пршемысловцы, династия 47

Птолемей, древнегреческий географ 87, 94, 119, 121, 160
Пудовин В. К. 139
Пьянков А. П. 33

Радојчић Н. 30
Раевский Д. С. 109
Ракова С. 30
Раппопорт П. А. 75
Рассовский Д. А. 67
Рафалович И. А. 82, 146
Рачки Ф. (см. также *Rački Fr.*) 13
Ременников А. М. 115
Репета Я. (см. также *Repeta J.*) 54
Рескупорид, правитель Танаиса 85
Рикман Э. А. 121–123, 125, 127, 135, 143, 146
Рогалев А. Ф. 32
Рогов А. И. 64
Романовская М. А. 114
Ронин В. К. 47
Роспонд С. (см. также *Rospond S.*) 20–21, 89
Роулинсон Г. К. 97
Рубрук, католический монах и дипломат 40
Рубцов С. М. 138
Рудич Т. Е. 126
Русанова И. П. 14, 50, 81, 109, 111, 130, 150, 164
Рыбаков Б. А. 5, 14, 25–26, 31, 60, 64, 83, 103, 120–121, 148, 156, 167

Сакач С. (см. также *Sakač S.*) 97
Салан, вождь славян 75
Салмина М. А. 151
Само, славянский князь 58, 99
Сантаржий, житель Танаиса 85
Сар, представитель рода Росомонов 155–156
Сармат (Савромат, Савроматос), правитель Танаиса 85, 100–101
Сасаниды, династия правителей Ирана 95, 179
Свердлов М. Б. 26–27, 168
Свешников И. К. 110, 117
Святоплук (Сфендоплок), великоморавский князь 67, 69, 168
Святослав, древнерусский князь 65
Седов В. В. 5, 13, 27, 35, 45, 50, 55–56, 60, 66, 74, 80, 82–84, 103–106, 109, 111, 119, 122–126, 129, 134, 136, 140, 142–143, 145, 148–150, 152, 159, 164–167, 169, 177
Семаргл, восточнославянский бог 103
Семеновкер Б. А. 6
Середонин С. М. 50
Сиагус, житель Танаиса 100
Симеон, болгарский царь 75
Симоненко А. В. (*Симоненко О. В.*) 104–105, 107, 125
Скилица *см.* Иоанн Скилица
Скок П. (см. также *Skok P.*) 19–21
Скржинская Е. Ч. 119–120, 122, 145, 147–148, 150, 155–156, 159
Скрипкин А. С. 136
Смиленко А. Т. 147, 167
Смирнов К. Ф. 108
Смишко М. Ю. (*Смішко М. Ю.*) 50, 88, 107, 110, 112, 163, 167
Соболевский А. И. 86
Соловьев А. В. 32–33, 37
Соушталь П. 68
Страбон, древнегреческий географ 108, 110, 114, 119
Стрижак О. С. 107
Сулимирский Т. (см. также *Sulimirski T.*) 138–139
Сунихильда, представительница рода Росомонов 155
Суперанская А. В. 16
Сымонович Э. А. 130–131, 164

Тацит Корнелий, римский государственный деятель, историк 113–117, 124–125, 127, 129
Тейрал Я. (см. также *Tejral J.*) 159
Теплоухов А. Ф. 40
Терпиловский Р. В. 83, 106, 109, 112, 157, 164
Тиводар М. П. 129
Тимофеев Е. И. 167
Тимощук Б. А. (*Тимощук Б. О.*) 12, 14, 49–50, 66, 75, 81, 92, 107, 164, 166–167, 169, 171
Титмар Мерзебургский, немецкий средневековый хронист 73
Тиханова М. А. 55, 116, 122–123, 158
Тихомиров М. Н. 64
Толочко П. П. 14, 167
Толстой Н. И. 18
Томашевич В. В. 104
Томислав, хорватский князь 29
Топоров В. Н. 92–93, 102–103, 143, 148, 152
Тот Ш. (см. также *Tóth Š.*) 31
Траян, римский император 113
Третьяков П. Н. 12, 104, 167
Тржештик Д. 12, 54, 56
Трубачев О. Н. 5, 8, 16, 34, 86, 92, 94, 102–103, 107, 109, 122, 148, 152, 166
Туаллагов А. А. 151
Туга, сестра Хорвата 11, 93
Тыпкова-Заимова В. (см. также *Tăpkova-Zaimova V.*) 30, 39

Угрин К. 32
Удальцов А. Д. 141
Улащик Н.Н. 32

Фарзой, сарматский царь 110, 137
Фасмер М. (см. также *Vasmer M.*) 17, 20, 28, 32, 78, 86–88, 90, 92–93, 109, 132, 144, 151, 175
Федоров Г. Б. 125–126
Феодосий, римский император 140
Феофан Исповедник, византийский историк 25, 37, 39, 77
Феофилакт Симокатта, византийский историк 77
Ферјанчић Б. 44, 53
Фехер Г. (см. также *Fehér H.*) 71
Филин Ф. П. 58, 93, 167
Флоря Б. Н. 25, 47–48, 55, 103, 122
Фокеев М. М. (*Фокєєв М. М.*) 124–125
Фома Сплитский, долматинский историк 57
Фредегар, франкский хронист 41

Хабургаев Г. А. 10, 64
Хавлюк П. И. 82, 105, 112, 146
Хайду П. 148
Хайнцель Р. (см. также *Heinzel R.*) 87
Хорват (Хороат, Хороатос, Хорóаθος), архонт танаитов 85–86, 90–92, 99–100, 142, 176–177
Хорват, вождь алан-танаитов 162
Хорват, вождь хорватов 11, 93, 99
Хорват, предводитель аланской дружины 51
Хорват, современная словацкая фамилия 100
Хорват, современная хорватская фамилия 100
Хорваты, аланский знатный род 162, 169, 178
Хорив, славянский князь 91, 156
Хорс (Хоро), восточнославянский бог 92, 103
Хреков А. А. 112
Худаш М. 88
Худяков Ю. С. 154

Цветков С. В. 109
Цигилик В. М. 115, 143

Чекин Л.С. 40
Чернобог, славянское божество 95
Черных П.Я. 17
Черняк А. Б. 116

Шаров О. В. 156
Шафарик П. Й. (см. также *Šafařik P. J.*) 49, 86, 88, 157–158
Шахматов А. А. 24–25, 50
Шеллов Д. Б. 91
Шелов-Коведяев Ф. В. 114, 160
Ширяев Е. Е. 32
Шишић Ф. (см. также *Šišić F.*) 29
Шишова И. В. 108
Шубичи, хорватский род 95
Шульц П. Н. 41
Шушарин В. П. 31, 69, 70–71

Щавелева Н. И. 71–72
Щек, славянский князь 156
Щербакова Т. А. 124
Щукин М. Б. 106, 109–110, 112–115, 117, 143, 146, 148, 151–153, 156

Эдельман Д. И. 102–103
Эрдели И. (см. также *Erdelyi I.*) 40

Юдин В. П. 34
Юлиан, католический миссионер 39
Юрасов М. К. 31
Юстин, древнеримский историк 72
Юхо Я. 32

Ягич В. (см. также *Jagič V.*) 13–14, 56–57
Яйленко В. П. 35

Adam Bremensis 158
Altheim Fr. 141, 140, 148, 150, 153, 159
Avenarius A. 31, 60

Babeş M. 114
Bačić J. 16
Balzer O. 72
Barada M. 60, 98, 134, 136
Bartha A. 31
Bechcicki J. 12, 47, 50–51, 86, 95–97, 163, 170, 172
Belošević J. 56
Berneker E. 144
Bialeková D. 83
Bierbrauer V. 143
Birnbaum H. 53
Boor H. 72
Bosworth J. 48
Brachmann H. J. 84
Brady C. 156
Brozović-Rončević D. 92, 132
Brückner A. 13, 88–89
Budak N. 7, 44, 86, 176
Budimir M. 86
Bujak F. 72
Bury J. B. 38, 43

Carile A. 38
Chaloupecký V. 18, 52
Chmielewski W. 140, 162
Chropovský B. 164
Comşa M. 82
Czekanowski J. 137, 161
Ćurić N. M. 98

Dąbrowski K. 155
Dekan I. T. 71
Diaconu P. 63
Ditten H. 12, 38, 46, 54, 86, 94, 122, 132
Dvornik 166, 169
Dvornik F. 12, 47, 50, 65, 98, 137

Eckhardt K. A. 148
Erdelyi I. 70

Fehér H. 71
Fine J. V. 47, 50, 86, 170
Fodor I. 13, 40
Fokt K. 13, 166
Fraenkel E. 145, 156
Francić V. 87
Fusek G. 83

Gabain A. 16, 49, 97
Gaczyński J. Z. 12, 48, 51, 77, 79, 86, 161–162
Gąsiorowski A. 37, 39
Geitler L. 87, 89
Genzmer F. 150
Gluhak A. 8, 86–87, 98, 132
Goehrke C. 5
Goldstein I. 7, 13, 54, 56, 61, 86, 98, 136, 176–177
Grafenauer B. 7, 27, 44, 50, 58, 79, 87, 166, 170
Grégoire H. 43, 86, 93, 145
Gschwantler O. 150, 155
Gušić M. 95
Györffy Gy. 31, 63, 74

Habovstiakova K. 100
Hachmann R. 148
Harmatta J. 31, 141
Hauptmann Lj. 7, 12, 30, 43, 50, 58, 71, 82, 86, 98, 134, 151, 166, 170
Häusler A. 140
Havlik L. 7, 29, 38, 52, 168, 170
Havlikova L. 7
Heinzel R. 87, 150
Hensel W. 5
Heres T. 50, 86, 92, 95–97
Hermann E. 145
Herrmann J. 78, 83
Horák B. 122
Hovard-Jonston J. 6
Hrubý V. 12, 50, 170
Hunger H. 6

Iluk J. 141
Ioniţa I. 146
Irmscher J. 78

Jagič V. 13, 57
Jamka J. 50, 170
Jamka R. 51
Jaździewski K. 140, 162
Jireček C. 38

Karbić D. 98
Katičić R. 7–8, 53–54, 93
Kazanski M. 148
Kidd D. 83
Kiparski V. 102
Klaić N. 7, 44, 52–53, 86
Klaić V. 29–30, 59–60, 87
Klanica Z. 83
Kniezsa I. 31
Knobloch I. 16, 23
Kolendo J. 109
Korkkanen I. 148
Korošec J. 60, 83, 136
Korunić P. 7
Kos Fr. 27
Košćak V. 53, 86, 93, 95–96, 98, 137
Kostrzewski J. 140, 162
Kotlarczyk J. 86, 98, 137, 166
Kowalenko W. 84
Kozak D. N. 110
Krause W. 150
Kristó Gy. 38
Kronsteiner O. 50, 93, 170
Kucharski E. 161
Kuczyński S. M. 63, 65, 161
Kunstmann H. 8, 17, 20–21, 42, 53, 87
Kunysz A. 51, 161–163
Kutyłowska I. 33

Labuda G. 7, 12, 18, 48, 52, 58, 64, 77, 87, 166, 168, 170
László Gy. 31
Latyschev B. 85
Leciejewicz L. 65, 81
Lehr-Spławiński T. 52, 59, 65, 79, 89, 137, 162, 170
Lelewel S. 64
Lemerle P. 6
Lemprecht A. 5, 58
Lewicki T. 12, 51, 63, 79, 168, 170
Loma A. 8, 16, 21, 51, 77–78, 93–94, 99
Lončar M. 12
Ludat H. 15–17, 49, 77, 97
Łowmiański H. 6, 12, 45, 47–48, 51, 57, 65–66, 68, 77, 87, 89, 99, 109, 118, 120–122, 145, 152, 162–163, 166–170, 172

Macan T. 59
Macarthney C. A. 72

Maenchen-Helfen O. J. 156
Majewski K. 110
Makarski W. 8, 54, 87, 167
Malamut E. 63
Malingoudis Ph. 38
Mandić D. 50, 86, 95, 170
Manojlowić G. 17
Mańczak W. 5, 16, 32, 34
Marčinko M. 97–98
Maretič T. 82
Margetić L. 52
Margulièa A. 57
Marquart J. 12, 18, 50, 145, 168
Martindale J. R. 156
Marušić B. 56
Meillet A. 86
Melich J. 70
Miller K. 118
Modelski T. Z. 17, 77
Moravcsik Gy. 22, 31, 43, 68, 70
Moszyński K. 25, 93–94, 132
Mush R. 114
Mužić I. 53

Nagrodzka-Majchryk I. 155
Nahtigal R. 58, 87, 89
Nalepa J. 6, 8, 13, 20, 48, 52, 55, 57–58, 77, 170
Német Gy. 31
Niederle L. 12, 27, 47–49, 56, 77, 87, 119–120, 131, 166
Novak Gr. 29
Nowatny K. A. 16

Olrik A. 150

Pantelić S. 13, 48, 87, 98
Parczewski M. 7, 63–65, 70, 74, 81, 165–166
Paszkiewicz H. 12, 72–73, 167–169
Pavlišić D. 59
Peisker J. 95
Pekarskaja L. V. 83
Persowski F. 65, 163, 167, 169
Perwolf B. 38, 87, 89
Pleterski A. 5
Podolák J. 129
Pohl W. 60, 93
Popović J. 56, 86
Poppe A. 41
Porowska-Taborska H. 54, 58, 89
Potkański K. 65
Poulik J. 164
Pritsak O. 16, 63
Prlender I. 7
Profantová N. 75

Rački Fr. 13, 71, 166
Repeta J. 51, 54, 170
Rosenfeld H. 157
Rospond S. 20, 38, 89, 107
Rudnicki M. 90
Rus J. 50, 170

Šafařik P. J. 5, 49
Sakać S. 17, 50, 86, 97
Šalkowský P. 75
Šanjek T. 59
Šaur V. 16, 97
Saussure F. de. 97
Schmidt L. 148, 150
Schneider H. 150
Schönfeld M. 120
Schramm G. 147
Seman J. 83
Senga T. 38
Ševčenko I. 6
Shevelov G. Y. 86
Šimek E. 48
Šimunović P. 16
Šišić F. 29–30, 43, 57, 95
Skok P. 15, 19, 87, 91
Skowronek J. 51, 170
Skrypek I. 65
Smiszko M. 110
Solmsen F. 156
Stih P. 53
Struve K.-W. 5
Strzygowski J. 96
Suić M. 53
Sulimirski T. 138–139, 161
Švab M. 52
Swoboda W. 31, 94
Szelągowski A. 50
Szymański W. 167

Tanty M. 51, 170
Täpkova-Zaimova V. 22
Tejral J. 159, 164
Teodor D. Gh. 165
Thompson E. A. 141
Tkadicik V. 76
Tomaschek W. 121
Tóth Š. 31–32
Toynbee A. 6
Trautmann R. 87
Turek R. 7, 52, 84, 170
Tymieniecki K. 65, 152
Tzyjarski E. 155

Udolph J. 5
Uličny F. 76

Vaillant A. 86
Van Wijk N. 58
Váňa Z. 5, 50, 170
Várady L. 141, 153, 157
Vasmer M. 20, 38, 78, 86, 91, 152, 162
Vernadski G. 50, 98, 137, 145, 151, 161, 170
Vidović M. 98
Vilfan S. 27
Vinski Z. 56, 60, 83, 86, 136
Vlahović P. 50, 170

Wasilewski T. 51, 64, 168, 170
Weber E. 121
Wenskus R. 148, 157
Werner J. 141
Werner R. 149
Westberg F. 18, 52
Wędzki A. 37, 74
Whitaker I. 114
Widajewicz J. 18, 52, 64, 77, 170
Wincentij Kadlubek 72
Wiśniewski J. 39
Wojciechowski T. 50
Wolfram H. 44, 140, 148, 150, 157, 159

Zaręba A. 20
Zástěrová B. 58–60, 136
Zeuss K. 87, 145
Zgusta L. 86, 91
Županić N. 16–17, 19, 49–50, 77, 86, 96, 160, 170

Указатель этнических и географических названий*

Аварский каганат (держава) 31, 52, 58, 60, 75, 82
авары 11–12, 14, 16, 18, 44, 52, 56, 58–60, 77, 83–84, 96, 136, 177
авсонии 56
Агалинг, река 120
Адриатическое море 56, 70, 96
Адриатическое побережье 28–29
Азия 174
Азия Малая 16
Азия Передняя 96
Азия Средняя 151
Азово-Черноморский регион 91
алано-сарматы 136, 141, 149, 153
аланы 74, 133, 136–142, 150–151, 153–156, 158–162, 164–166, 177–179
аланы северокавказские 156
аланы-танаиты 140–142, 152–155, 160–162, 177–178
Альпы, горы 27
Альпы Бастарнские 118, 120
Альпы Восточные 58
амазонки 108
Америка 172
Ананьев, город 160
Анапа, город 100
анты 55, 82–83, 93, 98, 109, 133, 134, 139–140, 144–145, 149–153, 155, 157–158, 161, 176
анты-сарматы 139
аорсы 110, 136, 138–139
Аракс/Эракс (Рион, Фасис), река 159
Арахозия (Арахосия), историческая область в Древней Персии 92, 97
Аргандаб, река 97
Аргастан, река 97
Ариана, историческая область 92
Армения 38, 96, 145
Армения Великая 36, 38
Армянское царство 37
асы (*аланы-асы*) 150
атаул 147
Атлантический океан 77–78
Афганистан 97
Африка 16
Африка Северная 139, 142, 151, 177

Бабина Гора, село 111
Бабья гора 52
Бавария (Багивария) 11, 14, 27–28, 44–47, 52
баварцы (*бавары*) 27, 47
Бакота, город 81
Балатон, озеро 70
Балканский полуостров 7–8, 28–30, 35–37, 43, 47, 49, 53, 55–62, 83–84, 104
Балканы 95–96, 98–100, 104, 114, 136–137, 166, 169, 171–172, 174, 176–177, 179
Балтийское море 52, 55, 77–78, 122
Балтика 120, 143
балты 111–112
Банская Быстрица, город 74
Бар, город 28–30
басилы 139
бастарны 87, 113–116, 118–119, 160
Башкирия 40
Белая, река 32
Белоруссия 32, 34, 143, 145
Белосток, город 32
Белый Эльстер, река 48
Бельск, город 32
Беневент, город 19
Бернашевка, село 81
Бехистунская скала 97
Бовшев, село 81, 165
Богемия 46, 50, 52, 72–73
Богемия Северо-Восточная 170
Бойки *см.* Воики
Боканы, село 125–126
Болгария Великая (Булгария) 36, 39, 63
Болгария Дунайская, Болгарская земля, Болгарское государство 24, 35, 39, 75
болгары 109, 151
болгары дунайские 39
Боржава 74

* Курсивом выделены этнонимы.

Борочицы, село 158
Боспорское царство (государство) 101, 137, 162
Ботошаны, село 164
Бранибор (Бранденбург), город 167
Браны, село 158
бубегены 147
Бубнище, село 92
Будешты, село 126
Буджакская степь 105, 121, 123–124, 127
бужане 64–65
Буковина 114
булгары, протоболгары 39, 67
бургунды 141
буры 119
Буряковка, село 107

Вавилония 97
вандалы 115, 139–140, 148
Варна, город 19
варяги 66
васинабронки 147
везеготы 140, 143
Велебит, горный хребет 96
велегезиты 37–38
Велзития 37
Великие Луки, город 37
Великий Новгород, город 37
Великоморавское государство (держава) 38, 65
великороссы 175
великохорваты 21
Венгерская низменность 127
Венгерская равнина 67
венгерский союз племен 74
Венгрия (Хунгария), Венгерская земля, Венгерское государство 24, 46–47, 50, 67, 70–71, 73–76, 119, 157
Венгрия Белая 31
Венгрия Великая 36, 39–40
Венгрия Черная 31
венгры (хунгары) 11, 31, 38–39, 46–47, 62, 64–65, 67–73, 76, 131, 157–158, 168–170, 176
венгры белые 32, 35
венгры черные 32, 35
венды-веneды 157
венеды/венеты (см. также виниды) 102, 104, 109, 112–129, 133, 147–149, 158
венеды поднестровские 158
венеды-сарматы 118–120, 122, 124–127, 129
Венеция, город 19, 37
Венский лес 60
Верецкий перевал 74
Верона, город 19
Верхнеднестровский регион 66, 80, 133
весь 147
византийцы 14, 77, 149, 171
Византия, Византийская империя 25, 28, 30, 37, 43, 52, 54, 58–60, 66, 69, 75, 90, 131, 141, 149, 172, 176
виниды (см. также *венеты*) 41
Винодол, город 29
Висла, река 19, 26, 46, 48–52, 55, 57, 77, 81, 108, 119–120, 140–141, 165–166, 171–172
Висла Верхняя 45–46, 49, 51–52, 81, 84, 98, 137, 163, 170, 175–176, 179–180
Висло-Одерское междуречье 5, 109, 111–112
висляне 27, 47–48, 51, 55, 65, 88
Воики (Воики, Бойки), Страна боев 46, 52
Волга, река 34, 39, 94, 108, 141
Волга Верхняя 147
Волга Нижняя 139
Волин, город 157
волохи 26, 130–131
Волыно-Подольский регион 144
Волынская область 158
Волынь, Волынская земля 32, 60, 65, 112–113, 124, 143–144, 146, 158–159
Волынь Восточная 65
Волынь Западная 106, 109, 145
волыняне 64–66
Ворскла, река 82
Восточная Римская империя 141
Восточноевропейская равнина 102, 104
Восточно-Карпатский регион 161
Восточно-Франкское королевство (Франгия) 28, 69
Вроцлав, город 139
вятичи 64, 66, 99, 166

Газни, река 97
Галиция, Галичина, Галицкая земля 32, 50, 56, 75–76, 106, 146, 158
Галиция Восточная 49–50, 54, 69
Галич, город 109
Галлия 139–140, 151, 156
гепиды 60, 121, 141, 144
Германия 46, 102, 113, 116, 119
германцы 109, 114–117, 119–120, 128, 140, 143–144, 147–148, 156, 174
герулы (херулы) 141, 147
гето-даки 80, 107, 109, 112, 115, 125
геты 72, 121, 135
Гиазихопон, печенежская «фема» 63
Гибралтар 139
Гила Нижняя, печенежская «фема» 63
голядь 147
Гореча, село 164
Горынь, река 51
Готешты, село 125

гото-гепиды 135
готы 29, 48, 104, 113, 115, 124, 133, 137–139, 140–150, 153–162, 164–165, 177–179
готы придунайские 115
готы-славяне 57
греки 66, 133
Греция 37–38
Греция Великая 36
гуды 145
гунны 16, 55, 71–72, 96, 131, 133, 136–142, 144, 149–165, 177–178
гунны причерноморские 141–142

Дагестан 139
даки 121, 138
дакийцы 113
Дакия 48, 115, 160
далеминцы 48
Далмация 11, 14–15, 24, 28–29, 44–45, 51–54, 56–57, 59–61, 68, 71, 84, 99, 171, 175, 180
Далмация Верхняя 29
Далмация Северная 18
Данапр (Великий Данапр), река (см. также Днепр) 82, 159
Данастр, река (см. также Днестр) 82
Двинско-Днепровский регион 32
Десна, река 111
Джарваб, город 168
Днепр, река 5, 40, 63, 66, 80, 82, 84, 105–106, 110, 116, 139, 143–144, 152, 157–159
Днепр Нижний 141
Днепровское Левобережье 82, 157
Днестр, река 32, 49, 55, 57, 63, 66–67, 76, 79–81, 84–85, 105–106, 109, 111, 114–115, 118, 120–125, 139, 140, 142, 146, 152, 160, 163–164, 169
Днестр Верхний 63, 66–67, 106, 124, 130, 135, 145–146, 163–164, 169–170, 173
Днестр Нижний 82, 123–126, 141, 143
Днестр Средний 67, 106, 116, 135, 145, 153, 164
Днестровско-Дунайский регион 135
Днестровско-Прикарпатский регион 134, 179
Днестровско-Прутское междуречье 146
Днестро-Днепровское междуречье 55, 104, 106, 134, 142
Днестро-Дунайский регион 115, 125
Днестро-Дунайское междуречье 123–124, 127
Добруджа 41
Дон, река 62, 85, 91, 112, 135, 138–139, 141, 144, 166, 172, 177
Дон Нижний 136–137, 140, 154
Драва, река 27, 70–71
Драч, город 29
древляне (*дервлениы*) 63–66
Древнечешское государство 47
Дуваньское Поле (Дувно) 29–30
Дукля, Дуклянское княжество (королевство) 28–30
дукляне 30
дулебы 10, 50, 58, 60, 64–66, 99, 109
Дунай, река 25–28, 39–40, 53, 55, 57, 60, 65, 67, 69–70, 80, 82–83, 114, 118–124, 131, 135, 138, 141, 164, 168
Дунай Верхний 140
Дунай Нижний 63, 122–126, 143
Дунай Средний 104, 159
Дунайская низменность 170
Дунайский регион 83
дюлы 32

Евразия 16, 49, 93, 175
евреи 20
Европа 18, 53–55, 72, 78, 85, 119–120, 128–129, 131, 136, 139–142, 153–154, 158, 171–172, 174, 177, 179
Европа Восточная 5, 8–9, 12, 16, 31, 34, 39–40, 53, 56, 60, 79, 83, 102–103, 106–108, 129, 131, 136, 139, 144–145, 147, 149, 151, 153, 155, 157–158, 160, 165–166, 171, 178
Европа Западная 139
Европа Северная 47
Европа Центральная 5, 7–9, 14, 16, 30–31, 34, 36, 43, 45, 47, 53, 59, 85, 96, 100, 109, 111, 119, 129, 136, 139–141, 166, 169–170, 173–174, 177, 179
Европа Юго-Восточная 5, 80, 102, 111, 119, 123, 133–134, 137, 140, 142–143, 146, 173, 178
Европа Южная 45
Евфрат, река 37
Ербичень, село 126

Житомирская область 158

Заале, река 45–48, 83–84
Загреб, город 96
Задар, город 29
Задунавье 69–70
Закавказье 159
Закарпатье 14, 53, 62, 73–76, 163, 176
Закарпатье Украинское 76
Залищицкий район 107
Зальцбург, город 27
Западная Римская империя 141
Западный Буг, река 50, 66, 81, 106, 116, 124, 130, 142, 170
Западный океан (см. также Атлантический океан) 77–78

Збруч, река 66
Звенигород, село 110
Зернешты, село 125
Зета, историческая область 30

Иавдиертим, печенежская «фема» 63, 66
Ивано-Франковская область 92, 107
Ивирия, историческая область 19
Иллирия, историческая область 53
имнискарис 147
инаунксис 147
Иран 96–97, 136, 179
Иран Древний 95, 96–97
Иранская возвышенность 95
иранцы 80, 152, 174
Испания 139–140, 142, 151, 177
Испания Великая 36
Истр, река 67
Истрия, полуостров 27, 56, 70
Италия 27, 156
Италия Северная 140
Итиль *см.* Волга

Кавказ 95
Кавказ Северный 94, 139
Кавказские горы 136
Кагарлык, село 112
Калантаево, село 112
Каменец-Подольский, город 146
Кандагар, город 97
Канев, город 111
Капелла горы 70–71
Карантан, город 27
Карантания 27, 52, 59
Карантанское княжество 27
карантанцы 27
Каринтия 28, 90
Карнбург, город 27
Карпато-Днестровский регион 109
Карпато-Дунайский регион 5
Карпатские горы 55, 69, 74, 87–88, 176
Карпатский регион 58, 75, 91, 129
Карпатский хребет 73–74
Карпаты, горы 5, 7, 32, 46–47, 49, 51, 53, 56–57, 60, 62, 67, 69, 71, 73–77, 87–88, 108, 110, 118–122, 129–130, 140, 163–164, 168–173, 179
Карпаты Восточные 114
Карпаты Татранские 49
карпы 87–88, 163
Каталаунские поля 141, 162
Качино, село 158

квады 110, 119
Кельменецкий район 107
кельты 109, 174
Керавнские горы 94
Керманшах, город 97
Киев, город 24, 41, 63–66, 91, 112, 147
Киевщина 105
Китай 16, 18, 96
Кицманский район 107
Клагенфурт, город 27
Когыльник, река 121
Кодры 114
Кодын, село 164
колды 147
Колоколин, село 110–111
Коломыя, город 67
Константинополь, город 68, 70, 141
Коросно, село 92
Костиш, село 164
котраги (*кутригуры*) 39
Кошице (Пряшев), город 74
Кошицкая котловина 75
Краков, город 139
Краковская земля 73
Крапина, селение 96
Красное море 97
кривичи 66
Крк, остров 96
Кросно, село 92
Крым, полуостров 40, 139
Кумания Белая 31
Кумания Черная 31
Куфис (Кубань), река 39

Лаборец (Свиржава), река 74–75
лангобарды 60
Ласки, село 158
лендзяне 47–48, 51, 64–65
лендзяне-лендзичи 65
лензанины 63
Ленковцы, село 107
Ливан 19
Ливия 19
лингоны 57
Липовец, село 112
литовцы 145
лугии 119–120, 128
лугии-сарматы 120
Лузитания (Португалия) 139
Лука-Каветчинская, село 81
Лукка, река 63, 66
Луцк (Лучьск), город 64
лучане 48, 64
Львовская область (Львовщина) 92, 110, 146
ляхи 27, 64

мадьяры 70, 74

Мазовия 145
Македония 60
марды 71–72
Маритимия (Приморье) 29
маркоманы 119
маскуты-массагеты 139
Машев, село 158
Мезия, римская провинция 40, 53, 60, 115–117, 140
Меотида 39
меоты 94
меренс 147
меря 66, 147
Месемврия, город 19
Месопотамия 98
Мидия 72, 97
Михаловцы, село 75
Молдавия 107, 110, 125–126, 143, 146, 164
монголо-татары 34
монголы 16, 18
Морава, река 24, 26, 47
мораване (*морава*) 24, 26–27, 48, 88
Моравия 20, 70, 72–73, 83, 164, 169
Моравия Великая 6, 36, 38, 67–69, 168
мордва 147
морденс 147
Москва, город 33
Мункач (Мукачево), город 74
Мэгда, область 48

навего 147
Надушита, село 125
Нарев, река 32
Недао, река 162
Нейсе, река 48, 50, 170
Неман, река 32, 114
немцы 158
Нин, город 29

огузы 145
Одер, река 46, 51, 77–78, 140–141, 165
Одесская область 63, 125
Ойум 143–144
Ока, река 168
Олонешты, село 125
Ольвия, город 110, 137
Ондрава, река 74–75
Орда Белая 34
Орда Золотая (Улус Джучи) 34
Орда Синяя 34
Орлицкие горы 47
осетины 150
Островец, село 107
остроготы 140–141, 143, 149, 156, 159

Паннония 39, 46, 58, 60, 67, 119, 131, 138–139, 157
Паннония Нижняя 27
Париж, город 141
парты 72
парфяне 72
пачинакиты (см. также *печенеги*) 12, 49, 67, 76
Певка, остров 114
певкины 102, 113–117
Пенджаб 97
Перемышль, город 79, 169
Перемышльская земля 64
Персидская империя 97
Персия 72, 95
Персия Древняя 98
печенеги (см. также *пачинакиты*) 31, 44, 62–63, 65–67, 69, 71–74, 76, 168–169, 176
Печенежин, село 67
Печенежский лес 66
Пилипенкова Гора, село 111
Побужье 94
Побужье Южное 112, 146, 166
Повисленье 122
Повисленье Верхнее 65, 163, 179
Погорынье 65
Подесенье 112
Подесенье Нижнее 82
Подляшье 145
Поднепровье 53, 66, 151, 159
Поднепровье Верхнее 111
Поднепровье Среднее 63, 82, 111–112, 135, 157
Поднестровье 55, 102, 106, 111–113, 115–116, 142–143, 159, 161, 165, 167
Поднестровье Верхнее 81, 84, 91, 106, 109, 115, 124, 126–127, 135, 142–143, 149, 155, 160, 165, 170, 173–174, 178–179
Поднестровье Нижнее 122, 125
Поднестровье Среднее 81, 84, 106–107, 113, 115–117, 126, 135, 142–143, 155, 158, 160, 165, 178–179
Подолье 105, 144
Подольская возвышенность 116
Подольско-Днепровский регион 80, 82, 105, 134–135
Подонье Нижнее 177
Подунавье 5, 26–27, 55–56, 60, 67, 71, 81, 83–85, 96, 131, 146, 165
Подунавье Нижнее 83–84, 122–123, 125, 131
Подунавье Сербское 83
Подунавье Среднее 55, 67, 69–71, 74, 82–83, 110, 131, 140
Полабье 53, 57

Полесье 111–112, 116
половцы 31, 72
Полоцкая земля 32
полочане 88
Польское государство 47, 167
Польское Поморье 143
Польша 39, 50, 54, 57, 73, 109, 111, 165, 170
Польша Великая (Великопольша) 36–38, 65
Польша Малая 6, 51–52, 65, 73, 138, 162–163, 170–172, 176, 179
Польша Северная 84
Польша Центральная 84
Польша Юго-Восточная 165
Польша Южная 139
поляки 47, 65
поляне 65–66
Поморье 72
Понт, Понтийское море 78, 82, 144
Поочье 147
Попрутье 164
Попрутье Верхнее 167
Потисье 60, 76, 140
праславяне 111, 122, 152
Приазовье 98, 139
Приазовье Восточное 94
Приазовье Северное 39, 97, 135, 143
Приазовье Северо-Восточное 91
Прибалтика 114
Приднепровье 83
Приднестровский регион 160
Приднестровско-Карпатский регион 161, 178
Приднестровье 66, 160, 178
Прикамье 147
Прикарпатская область 49
Прикарпатский регион 5, 7–8, 92, 161–162, 165, 169, 172, 174, 176
Прикарпатье 7–8, 14, 49, 56, 67, 74, 79, 87, 92, 96, 106–107, 113, 115, 123, 126–128, 130–132, 138, 142, 149, 155, 161–162, 166, 172, 178–179
Прикарпатье Восточное 14, 49–50, 60, 73, 76, 110, 112–113, 115, 125, 135, 155, 161, 163–167, 170–171, 173–174, 176, 178–179
Прикарпатье Северное 5, 47, 50, 98, 109, 137, 172, 176
Прикарпатье Северо-Восточное 5
Прикарпатье Украинское 49, 62, 67, 79, 129
Прикубанье 94
Приладожье 147
Припятско-Полесский регион 111, 114
Припять, река 5, 64, 66, 111
Припять Верхняя 116
Приуралье Южное 40
Причерноморье 101
Причерноморье Северное 35–36, 40–41, 55, 60, 62, 80, 82–86, 93, 100, 102, 110, 124–126, 134–139, 141–142, 149, 153, 159
Причерноморье Северо-Восточное 93, 98
Причерноморье Северо-Западное 66, 107, 115–116, 126
протохорваты 61, 176
Пруссия 72
пруссы 72
Прут, река 32, 49–50, 54, 67, 110, 120, 124, 163, 165, 168, 170–171, 173
Прут Верхний 164
Пруто-Днестровское междуречье 63, 114, 126, 179
Пряшев, город 74

Ра, река (см. также Волга) 94
радимичи 64, 66, 99
Рахны, село 112
Рашка 29
Рейн, река 140
Реут, река 160
Рим, город 29
римляне 12, 110, 113, 131, 133, 141
Римская империя 115, 123, 129, 138–140
римские пастухи 131
Рипнев, село 146
Рисипены, село 125
Ровенская область 158
роги 147
Рогозна, село 164
роксоланы 126, 135, 138, 155
Росия 63
Росомоны, знатный готский род 155–156
Россия 63
Россия Великая 175
Ростов Великий, город 37
Ростово-Суздальская земля 33
Рось, река 116
Ружичевка, село 112
Румыния 146
русины, русины закарпатские 76
Русская земля 63
Русское государство 33
русы 168
русь 156
Русь 24, 32–34, 37, 55, 72–73, 75, 158, 167–168, 175
Русь Белая 16, 32–35
Русь Великая (Великороссия) 36–37
Русь Галицко-Волынская 37
Русь Древняя 25
Русь Западная 34
Русь Киевская 41, 65

Русь Литовская 33
Русь Малая 37
Русь Московская 34
Русь Северная 34
Русь Северо-Восточная 33
Русь Червонная 16, 32–35
Русь Черная 16, 32–35
Русь Юго-Западная 35
Русь Южная 34–35, 103
Рута, река 168

саамы 114
Сава, река 19, 56, 70–71
саки 97
Саксия 11
Салона, город 59
Сан, река 79, 163
Сандомирская земля 65
Санок, город 51
Сарматия 102, 119, 128, 139
Сарматия Азиатская 94
сармато-аланы 165
сарматы 41, 91–92, 102, 104–105, 107–109, 110–112, 116–120, 124–129, 131–133, 135, 138, 141, 174, 177–178
сарматы бродячие 119
сарматы северопричерноморские 138
сарматы-гинократумены 92
Свалява, город 74
свевы 140
Северное море 77–78
Северный океан 118, 120
Северо-Кавказский регион 94
Северский Донец, река 82, 166
северы 10, 35
северяне 66
Сейм, река 82
Сербия Белая 13–14
Сербия Дунайская 164
Сербия Некрещеная 46
сербы 10–12, 14, 19, 22–24, 26–28, 30, 46, 48, 58, 93–94, 96, 109, 137–138, 161
сербы балканские 56–58
сербы белые 16, 19, 46–47
сербы западные 16
сербы лужицкие 13, 57
сербы-дукляне 30
сербы-захлумы 46
Серет, река 66
Силезия 45, 138–139, 162
синды 94
сираки 110, 138
Сирет, река 32, 50, 67, 163–164, 170
Скандинавия 143
Скаяны, село 125
Скифия 143–145
Скифия Великая 40–41
Скифия Древняя 40
Скифия Малая 40–41
скифо-сарматы 103, 105, 135
скифы 40–41, 55, 92, 108, 126, 131
склавины (*склавены*) 82–83, 134, 145, 149, 176
Скуфь Великая 40, 66
Славия 108
славяне 5, 7–9, 11, 19–20, 23–26, 28, 35–36, 44, 46, 48, 51, 53, 55–61, 63, 66, 75, 77–78, 80–81, 83–84, 86–89, 93, 95, 98, 102–109, 113, 118–120, 122–127, 129–131, 133–137, 141–147, 149–150, 152, 155, 157–166, 168–169, 173–174, 176–180
славяне альпийские 27
славяне балканские 6, 28, 30, 56–58, 61
славяне восточные 9, 58, 64, 66, 74, 105–106, 129, 155–156
славяне древние 8, 80, 89, 103, 125–127, 129, 131–132, 144–145, 149, 151–152, 178–179
славяне дунайские 27
славяне западнобалканские 43
славяне западные 9, 58, 74
славяне приднестровские 160–161, 163, 178
славяне прикарпатские 60, 118, 173
славяне южные 9, 37
словаки 74
Словакия 50, 54, 83, 100, 110, 164
Словакия Северная 140
Словакия Юго-Восточная 76
Словения 96
словенцы 27
Соединенные Штаты Америки (США) 51, 172
Сокол, село 81
сорбы 41
спалеи 145
спалы 144–145
Спанцев, село 126
Сплит, город 29, 70
споры 145
Среднедунайская низменность 60, 120
Стара, река 74
Старая Осота, село 112
Стрвяж, река 63
Судеты, горы 77
Сушично, село 158
суэбы 139

тадзанс 147
Танаис, город 85, 91, 94, 101, 135, 176–177
танаиты 85, 91, 139
Татры, горы 87
Теремцы, село 81
Тернопольская область 107

тиверцы 66
Тилигул, река 160
Тимиш, река 56, 120
Тира, город 160
Тирас, река (см. также Днестр) 160
Тиса, река 49, 56, 67, 74–75, 120, 124, 138, 141, 163
Тиса Верхняя 75, 179
Тиса Средняя 120
Трансильвания 32
Трансмонтания (Загорье) 29
Траяны, село 125
Трогир, город 29
турки (см. также *венгры*) 11–12, 46, 67–71, 76
Туркия 11, 44, 46, 63
тюринги 141
тюрки 16
Тясмин, река 82

угры 26
угры белые 31
угры черные 31
Уж, река 74
Ужгород, город 75
Украина 50, 54, 63, 105, 143–144, 147, 157, 159, 165, 169
Украина Западная 50, 126, 145, 170
Украина Правобережная 110, 125
уличи 64–66
ультины 63
уногундуры 39
Урич, село 92
Устье, село 81

фенны 113–114
Фессалия Южная 38
фракийцы 109, 174
Фракия 53, 60, 115, 140
Франгия 11, 15, 38, 44–46, 67, 69, 175
Франгия Великая 36, 38
франки 11–12, 38, 44, 52, 59, 67, 69, 141, 175
Франкия Трансальпийская 38

Хавош лес 74–75
хазары 31, 39
Хамадан, город 97
Хараватия, восточноиранская сатрапия 97
Харавои, печенежская «фема» 63
Ходосовка, село 111
Хорват, город 168
Хорватия 12, 15, 20, 22, 29, 44, 47, 49–50, 54, 60, 62, 68, 70, 90, 96, 98, 100, 170
Хорватия Белая 6–8, 10, 12–15, 17–24, 28–30, 35, 43–50, 52, 54–55, 57, 59, 62, 67, 77, 84, 86, 96, 99, 155, 163, 171–172, 174–176
Хорватия Великая 6–8, 10–15, 17, 21–22, 24, 36, 43, 45–46, 49–52, 54–55, 59, 62, 67, 71, 73, 75–79, 99, 155, 163, 169–176, 179
Хорватия Верхняя (Горская) 29
Хорватия Восточная 55
Хорватия Далматинская 70, 83–84, 96, 171, 179
Хорватия Древняя 62
Хорватия Нижняя (Дольная) 29
Хорватия Подравская 83
Хорватия Червонная 24, 29–30, 35, 96
Хорватское королевство 68, 71
хорваты 6–10, 12–15, 17–20, 23–24, 27, 29–30, 43–45, 47–54, 56–62, 66–71, 73, 75, 79–81, 84–90, 91–100, 109, 118, 132–137, 139, 142, 155, 161–163, 166–179
хорваты, алано-сарматское племя 177
хорваты балканские 56–58, 61, 95–96, 101, 171
хорваты белые (*белохорваты*) 6, 11–21, 23–28, 30, 43–49, 51, 54–55, 59, 71, 84, 86, 96, 163, 166, 172, 175–176, 179–180
хорваты восточнославянские 66–67, 155, 166, 169, 179–180
хорваты далматинские 6, 52, 57–59, 70–71, 90, 171–172, 176
хорваты древние 60, 80, 98, 134, 138, 163, 176, 180
хорваты дунайские 57
хорваты западные 16, 54, 84
хорваты карантанские 59
хорваты карпатские 74–76, 172, 176
хорваты надвислянские 137
хорваты прикарпатские 5–6, 163
хорваты русские 163
хорваты силезские 48
хорваты центральноевропейские 101
хорваты чешские 13, 48, 57, 84
хорваты-славяне 169, 173, 179
Хордаб, город 168
Хоривица, гора 91
Хоросно, село 92
хороты 48
хорутане 24, 26–28, 88
Хотин, город 146
хрватане 88
Хребты (Карпаты), горы 87

Цветна, село 112

Чахин (Чехия) 47
Червенские грады 33, 64
Червен, город 33
Черепин, село 81, 146
Черкасщина 105
Черновицкая область 107

Черновцы, город 164
Черное море 44, 49, 52, 62, 76–79, 95, 97, 100, 121, 169, 176
чехи 24, 47, 84, 99
Чехия 18, 46–48, 50, 52, 54, 57, 83, 89, 170
Чехия Восточная 45
Чехия Северная 54
Чехия Северо-Восточная 67, 170–171
Чехия Северо-Западная 48
Чешское государство 47, 65
Чижиково, село 110
чудь 66
чудь белоглазая 147
Шара, река 32
Швейцария 158
Шио, река 70
Эллада 37
эллины 91
Эльба, река 19, 46, 50, 55, 58, 77–78, 82–84, 98, 139, 169–171
Эльба Верхняя 48, 84, 137, 172, 175–176, 180
Эрак, река 153, 159–160, 178
Эракт, город 160
Этулия, село 123

Югославия 37
Южный Буг, река 82, 105, 112, 116, 153, 158
ютунги 119

языги 110, 126, 135, 138
Якушовицы, село 162
ятвяги 72

Научное издание

Майоров Александр Вячеславович

ВЕЛИКАЯ ХОРВАТИЯ
ЭТНОГЕНЕЗ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН ПРИКАРПАТСКОГО РЕГИОНА

Директор Издательства СПбГУ проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор *Т. Н. Пескова*

Редактор *Л. А. Карпова*
Оригинал-макет *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 29.06.06. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,23. Уч.-изд. л. 17,7. Заказ 314

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.